

ИФЫ

мировой истории

ОТ АДАМА ДО ПОТСДАМА

Мария Баганова

МИФЫ МИРОВОЙ ИСТОРИИ

От Адама до Потсдама

От автора

Эта книга — отнюдь не энциклопедия! Не претендует она и на сколько-нибудь полное историческое обозрение: тысячи и тысячи имен остались вне поля зрения! Это просто несколько занимательных рассказов — из мировой истории. Из огромной, необъятной и необозримой Истории человеческой цивилизации, насчитывающей много тысячелетий.

Мужчины физически сильнее. Им не приходится рожать, выкармливать ребенка, растить его... Они могут целиком посвятить себя борьбе за первенство. Для мужчины «состояться в жизни» означает одержать победу над врагом, разбогатеть, стать вождем племени, царем, президентом... Но очень часто, если мужчины терпят поражение, то исправлять их ошибки приходится женщинам.

Кем была первая женщина в Истории, чье имя дошло до нас? Ответ есть: это супруга первого фараона первой династии Древнего Египта Нармера, объединителя Египта. Ее имя — Нейтхотеп — переводится как «Богиня Нейт довольна». Супруги жили в XXXI веке до н. э.

Нейтхотеп правила как регент в последние годы жизни Нармера и при малолетстве своего сына. Она была погребена с почетом: для нее выстроили целую подземную усадьбу из 21 помещения.

Следом за ней идет ее то ли дочь, то ли внучка — царица Мернейт, тоже бывшая регентшей при своем малолетнем сыне Дене. Сохранились ее погребальные комплексы в Абидосе и Саккаре, где помимо царицы было захоронено еще около 20 человек. Гробницу предполагаемого мужа Мернейт, царя Джера, тоже окружают могилы — трехсот тридцати восьми слуг и наложниц.

Пятью столетиями позже супруга фараона Усеркафа Хенткаус, дочь Микерина, носила титул «Царь Верхнего и Нижнего Египта, мать царя Верхнего и Нижнего Египта, Дочь Бога, все прекрасное, повелеваемое ей, совершается для нее». Кроме того, в могиле Хенткаус обнаружены атрибуты фараона: символическая накладная борода и царская кобра на лбу. Это позволяет судить о ее правлении в качестве фараона.

Но, возможно, Нейтхотеп, Мернейт и Хентхаус — исключения?! Каким было положение женщин пять тысяч лет назад? А две тысячи лет назад? Пятьсот лет назад? Или даже сто? Каким был мир, в котором жили эти женщины?

Очень часто в истории действовали законы, сильно ограничивающие права «слабого пола»: женщины не имели права наследовать власть, а иногда и имущество, не имели права занимать государственные должности, заключать от своего имени какие-либо сделки. Средневековые богословы всерьез спорили, обладает ли женщина душой. Порой женщин лишали даже личных имен и считали частью имущества супруга! Но, несмотря на это, женщины век за веком вмешивались в историю, порой вызывая восторг современников, порой — их сильнейшее неодобрение.

Глава 1

Женщины древности

Та-Кемер

Египтологи и шумерологи спорят, которая из этих двух цивилизаций древнее. Наверное, их возраст примерно одинаков. Именно в Древнем Египте и Месопотамии жили женщины, чей вклад в историю нам известен.

Египет представлял собой лишь узкую полосу плодородной земли вдоль великой реки. Древние так и называли свой край — Та-Кемер, «черная земля» в противоположность «красной земле», Та-Дешрет, необозримой пустыне, раскинувшейся на берегах реки Хепи, которую мы сейчас именуем Нилом. Истоки его теряются в горах, где в древности обитали дикие, воинственные и очень жестокие племена, нисколько не ценившие человеческую жизнь и практиковавшие кровавые массовые жертвоприношения.

Ниже Нил образовывал широкую равнину, которую ежегодно подтапливал во время весенних разливов. Здесь находились самые плодородные земли. Но египтяне умели доставлять воду и в более высокие и засушливые места: ее поднимали вверх с помощью шадуфов — приспособлений, напоминающих русский «журавль».

Впадая в Средиземное море, Нил разветвляется на тысячи узких протоков, называемых дельтой. После постройки Асуанской плотины, полностью нарушившей экологию края, эти протоки загнили, но в древности они были полны жизни: в воде обитали бегемоты, крокодилы и целые стаи рыб, а в прибрежном тростнике гнездились всевозможные птицы.

Дворцы фараонов и дома богатых людей строились из недолговечного материала — высушенного на солнце кирпича, крыши и внутренние перегородки часто были тростниковыми. От них остались лишь груды мусора, но археологам удалось восстановить многие детали. Эти жилища были просторны и удобны. Решетчатые окна занавешивались яркими шторами для защиты от песчаных бурь. Вокруг дома обязательно разбивали небольшой сад, где росли виноград, фиговые деревья, пальмы и

сикоморы. Благодаря сухому климату хорошо сохранилась мебель египтян, живших несколько тысячелетий назад: сундуки, кровати, кресла, тонкой работы с инкрустированными сиденьями и резными ножками. В музеях хранятся сосуды из глины, алебастра, порфира, меди или даже золота.

Пища была изобильна и разнообразна, в богатых домах подавали по 10 сортов мяса, 5 сортов домашней птицы, 16 сортов хлеба, 6 сортов вина, 4 сорта пива и 11 сортов фруктов. Любили египтяне и рыбу и умели вялить ее впрок. Вяленая рыбка и пиво — вот обычная закуска древнего жителя страны Та-Кемет.

В те времена в Египте не было ни лошадей, ни верблюдов, но люди уже приручили быков и овец, пахали и мотыжили поля. Жители Та-Кемет путешествовали по Нилу на довольно больших судах, изготавливали из меди орудия труда и отливали медные статуи, в изобилии использовали золото и редко — серебро, которое считалось у них более ценным. Они умели получать стекло, которое использовалось как драгоценный камень. В III тысячелетии до н. э. египтяне уже освоили геометрию и алгебру, умели пользоваться дробями, но при этом они еще не знали колеса и циркуль еще не был изобретен. В качестве материала для письма использовали папирус — разрезанные на полоски и склеенные стебли высокой речной травы вроде осоки.

Египтяне ходили в основном босиком, хотя уже умели выделывать кожу. Для дальних путешествий и ходьбы по раскаленному песку пустыни они надевали сандалии. Они ткали льняные ткани, настолько тонкие, что их можно было принять за шелковые. Такой самый дорогой сорт льна назывался «царским». Увы, секрет столь искусного ткачества утерян.

Женщины носили элегантные платья «каласирысы», напоминавшие современные сарафаны и красиво облежавшие фигуру. В ходу была и другая одежда с длинными втачными рукавами. Оба пола обильно пользовались косметикой: подводили черным брови, наносили на веки зеленые тени из растертого малахита, подкрашивали губы. А вот пудры египтяне не знали, да она бы и помешала в столь знойном климате. Мужчины одевались проще: в набедренные повязки и широкие воротники, предохранявшие плечи от солнечных ожогов.

Боги Египта

Египтяне считали, что верховный бог Атум, родившийся из мирового хаоса, породил небо и землю, создал воздух. Бог земли Геб и богиня неба

Нут породили остальных божеств — Осириса, Исиду, Сета и Нефтиду. Еще в утробе матери Осирис и Исида полюбили друг друга, а родившись, стали мужем и женой — жениться на собственных сестрах было для египтян обычным делом.

Когда Осирис подросток, то он стал справедливо править миром, мудрая супруга Исида, сведущая в магии, помогала ему. Сет завидовал брату и однажды из зависти убил его. С этого момента начинается все самое интересное. Так, например, египетская мифология описывает ни много ни мало — а искусственное оплодотворение!

На момент смерти Осириса у Исиды не было детей. Но она разыскала тело мужа и, с помощью колдовства вызвав у мертвеца эрекцию, совокупилась с ним и зачала бога Гора. Именно так — от уже мертвого супруга! Это вовсе не было с ее стороны жестом отчаяния: сын должен был послужить средством воскрешения убитого мужа.

Сет, догадавшись о замыслах Исиды, снова выкрал труп Осириса, разрубил его на куски и разбросал по всему Египту. Приняв облик простой нищенки, беременная Исида отправилась в странствие, чтобы собрать эти куски воедино и схорониться самой от злобного Сета. Среди людей, тайно, она родила и вырастила Гора. Собрав труп мужа из кусков, Исида позаимствовала у собственного сына глаз — живые клетки — и с их помощью вдохнула в мертвеца жизнь. Утраченный глаз молодого бога немедленно регенерировал.

К сожалению, воскрешение Осириса было неполным: оставаться в мире живых этот бог больше не мог и стал править миром мертвых. Сет предстал перед судом, был признан виновным и изгнан в пустыню. Отныне красная земля — его владения.

Не правда ли, таинственная история? Словно в образе древней богини описана некая женщина-ученый, занимавшаяся искусственным оплодотворением, клонированием, реанимацией... Привлекает внимание и то, что египетские боги, а также правящая элита Древнего царства коренным образом отличались от окружающего населения: это были светлокожие блондины. Бога Сета традиционно изображают огненно-рыжим, Гора — голубоглазым, Исиду — зеленоглазой, богиню охоты и войны Нейт — тоже с голубыми глазами.

Загадок и тайн в древних египетских гробницах немало! Чего только стоит изображение царицы Хетепхерес II, жившей в середине III тысячелетия до н. э. Она была дочерью знаменитого Хуфу и женой двух его сыновей: сначала Каваба, а после его смерти — его брата и убийцы Дждедефра. Эта женщина, прожившая долгую и бурную жизнь, была...

блондинкой. Да, светлокожей, слегка рыжеватой блондинкой, что по современным представлениям совершенно нетипично для египтянок.

Блондинкой описывают и последнюю царицу Древнего царства, Нитокрис, жившую в XXII веке до н. э. Она была сестрой или женой (а возможно, и то и другое) фараона Меренра Второго, правившего всего один год. По преданию, он пал жертвой заговора, и Нитокрис, занявшая трон, решила отомстить. История о ней весьма напоминает рассказ о славянской княгине Ольге.

Пересказал Геродот:

«По рассказам жрецов, она мстила за своего брата, который был до нее царем Египта, убитого египтянами. После убийства брата египтяне передали царскую власть ей, а она в отмщение за брата коварно погубила много египтян вот каким образом. Царица велела построить обширный подземный покой. Затем под предлогом его торжественного открытия, а на самом деле с совершенно другой целью, она пригласила на торжество главных виновников (кого она знала) убийства брата. Пока гости пировали, царица велела выпустить в покой воды реки через большой потайной канал. Вот все, что рассказывали жрецы об этой царице. Впрочем, как говорят еще, она сама после такого деяния, чтобы избежать возмездия, бросилась в какой-то покой, полный пепла».

После ее смерти, так как вся египетская знать оказалась истреблена, настали смутные времена.

Светлокожие и светловолосые люди встречались среди знатных египтян и позднее: Туйя, прабабушка Тутанхамона — обладала золотисто-каштановыми косами.

Месопотамия

Так было в Египте в древнейшие времена. Ну а что же соседние страны?

Почти шесть тысяч лет назад в долину между реками Тигр и Евфрат пришли люди. Сами они называли себя «черноголовыми», на их языке «шумерами». Откуда они пришли — никто не знает, но именно эти люди выстроили города Урук, Ур, Уруа. Все эти названия имеют общий корень: «Уру» по-шумерски — город. Они не были первыми поселенцами на земле Двуречья, до шумеров там жил народ, не знавший письменности, но оставивший шумерам в наследство своих богов — Нанну, Инанну, Абабу, Анунна, Игиги и других, чьи имена отличаются по забавно звучащим повторяющимся слогам. Тот народ канул в небытие, а шумеры создали религию и культурные традиции, которые на несколько тысячелетий пережили своих создателей. Образ жизни шумеров сегодня кажется нам странным, даже зловещим, но в то же время не лишенным красоты и мудрости.

Сейчас Месопотамия представляет собой пустыню, но в те далекие времена все было иначе: это была плодородная равнина, дававшая возможность собирать высокие урожаи и пасти обильные стада. Одно плохо: реки Тигр и Евфрат часто разливались и затапливали целые деревни. Поэтому у местного населения было два выхода: либо уйти, либо научиться бороться со стихией.

Шумеры выбрали второй путь: центром любого их города стало высокое ступенчатое строение, не имевшее внутренних помещений. Называлось оно зиккурат, это название можно перевести как «вершина». Именно на таких искусственных «вершинах» жители и спасались от наводнений. Постепенно насыпи становились все выше и выше, их стены оформлялись в виде ступеней, числом от трех до семи. Считается, что знаменитая библейская «Вавилонская башня» была именно таким зиккуратом. Иногда ступени зиккурата окрашивались в разные цвета и посвящались планетам (которых шумеры знали целых пять). В его стенах делались ниши — жилища жрецов и служителей, хранилища глиняных клинописных табличек с архивами, имущества храма и состоятельных горожан. Можно считать эти клетки прообразом современных банковских сейфов. На вершине зиккурата помещались небольшой храм — святилище местного бога — и площадка, с которой жрецы наблюдали за звездами. В

этом храме стояло большое, роскошно убранное ложе и рядом с ним золотой стол. В этой спальне проводила ночи жрица — супруга бога. Жрецы утверждали, что сам бог иногда посещает храм и проводит ночь на этом ложе со своей женой. Супруга бога пользовалась особым почетом и не вступала в сношения с земными мужчинами.

Вокруг зиккурата располагались дома, сложенные из обожженных кирпичей и камня, — это храмы многочисленных богов, жилища царя и знати. В отдалении стояли дома попроще — из кирпичей, высушенных на солнце. Все они без окон, с одной дверью, через которую можно попасть во внутренний дворик, куда выходят двери жилых комнат для членов семьи. Покойные могли быть зарыты тут же — в центральном дворике (впрочем, иногда их относили и на городское кладбище). На крышу такого дома можно было подняться, там находилось нечто вроде балкона или хозяйственного двора. Там шумеры занимались своими повседневными делами — а дел этих было очень много: они молотили ячмень и полбу, растирали зерно в муку, валяли шерсть, выделывали шкуры, замешивали и лепили глину... Именно глина была основным материалом, из нее делали все — даже ножи и серпы.

Одевались шумеры в шерстяные туники (иногда длинные, до самой земли), плащи и валяные или кожаные сапоги. На голову повязывали тюрбаны. Ткацкого станка шумеры не знали, и одежды их были не ткаными, а валяными, сделанными из тонкого войлока. Войлок иногда окрашивали в темно-фиолетовый и ярко-красный цвета. Окрашивание стоило очень дорого! Лишь самые знатные люди могли позволить себе подобную роскошь.

Женщины вдобавок украшали свои платья бахромой, сделанной из длинных узких полосок овечьей шкуры. Еще шумеры любили драгоценности, их носили и мужчины, и женщины: многочисленные бусы, браслеты, крупные серьги, расшитые бусинами накидки. На головах, а вернее — на пышных париках, красовались обручи и ленты.

Особой принадлежностью богатого человека была его личная печать — тяжелый каменный цилиндр с уникальным знаком. Их всегда носили с собой: оттиск печати заменял подпись. Позднее такие знаки стали вырезать на ручках посохов и на перстнях.

Шумерские корабли, связанные из длинных тростниковых стволов, промазанные для водонепроницаемости природным асфальтом, плавали аж до самой Индии! Они везли в далекий порт на реке Инд овечью шерсть и уже свалянный из нее войлок, асфальт, нефть, битум, а возвращались с грузом тканей, золота и драгоценных камней.

Шумерские мудрецы производили сложнейшие вычисления и наблюдали движение планет, строители возводили огромные ступенчатые зиккураты, врачи знали целебные свойства трав, поэты слагали гимны богам, а жрецы проводили кровавые жертвоприношения. Причем жрецами, поэтами и строителями были одни и те же люди.

Они многое знали, многое понимали, умели тонко чувствовать, ценить красоту, слагать звучные стихи, передавать музыкальную гармонию, создавать изящнейшие украшения... Их мир был богат и красочен, однако лишен одного ставшего привычным современному человеку понятия — представления о добре и зле.

Если вообразить, что некий современный моралист перенесся бы на тысячелетия назад и принялся бы убеждать древнего шумера в том, что убивать или грабить нехорошо, тот, скорее всего, его бы не понял.

— Почему нехорошо? Разве я оскорблю этим какого-то бога? — вероятно, спросил бы он. Боги были для них не отвлеченными образами, а вполне реальными, конкретными существами, наделенными индивидуальностью. Они могли наградить смертного, но могли и жестоко отомстить. Власть богов не была абсолютной: хитрый и сильный смертный герой мог сравнить их между собой, сразиться с некоторыми из них или с их посланниками. А мог и заслужить от конкретного божества особые милости.

Люди знали богов, которые либо определяли правильный мировой порядок, либо противодействовали ему. Именно эти понятия составляли основу их морали. Сила означала право, человеческая жизнь не стоила почти ничего.

По представлениям шумеров, в давние времена, когда еще не было людей, богам приходилось трудиться на себя самим. Они изнемогали от усталости и выбивались из сил.

Наскучив ежедневным трудом, боги решили себе слепить из глины покорных рабов. Поначалу статуэтки выходили кривыми и некрасивыми, потом у богов стало получаться все лучше и лучше. Они вдохнули в эту фигурки жизнь — и мир населился первыми людьми, смысл существования которых был в труде на благо божества.

Не знали шумеры и понятия о каком-то загробном воздаянии за земные поступки. На какое воздаяние может рассчитывать вышедший из строя инструмент? Разве вы благодарите за долгую службу сломанный стул? А именно так, по мнению шумеров, боги относились к людям. Мертвец становится бесполезен и, значит, не нужен богам. Они отправляли мертвых на свалку — в некий скудный, темный, лишенный растительности мир,

расположенный за подземной рекой и отделенный от мира живых семью воротами. Там не было ни света, ни зелени... ничего. Лишь глина для еды и мутная вода для питья. Лишь жертвы, принесенные при погребении, могли обеспечить мертвецу более или менее сносную жизнь за гробом. Если покойник имел детей, он мог рассчитывать на постоянные жертвы. Если же он был бездетен или забыт своими потомками, ему грозила совсем печальная участь: не дождавшись от родных внимания, он выходил из-под земли и бродил по миру в образе голодного духа. Этот дух приносил вред всем встреченным людям, и прогнать его можно было только чтением сложных заговоров и выполнением магических процедур. Находил ли бедняга пищу или возвращался в свою вечную обитель голодным — никого не заботило. Иными словами, шумеры старались приумножить земное богатство и по возможности унести его с собой в могилу.

Правили этим страшным миром жестокие и безжалостные цари. Своей жестокостью они кичились, считая ее главной царской добродетелью: «Со всех главарей, которые восстали, я содрал кожу. Их кожей я покрыл столбы; одних пригвоздил я к стене, других посадил на кол»; «Я перерезал им горло, как ягнятам... Их жизнь я оборвал, точно нить». Мало того, на одном из барельефов изображен мощный всадник, нещадно рубящий побежденного врага, а в это время его конь орошает поверженных мочой. Никакой жалости к противнику! Сила считалась абсолютным правом в том древнем мире, победивший — героем, какой бы ценой ни была достигнута победа. Чем больше народу истребил — тем сильнее и могущественней царь, а значит, тем больший ужас, трепет и поклонение он вызывает. Вот и вся мораль того времени.

В каждом городе был свой особо почитаемый бог: в Ниппуре уважали «владыку ветра» Энлиля, в Эриду — благосклонного к людям пьяницу Энки, в городе Уре, расположенном в устье Евфрата, — сына Энлиля, лунного бога Нанну. Но особенно интересны два главных женских божества — сестры Инанна и Эрешкигаль.

Инанна, почитаемая в Уруке, — богиня плодородия, кокетливая и нарядная красавица, носившая довольно странное на современный взгляд прозвище — «небесная блудница». Грубая чувственность, сексуальность, не смягченная ни интеллектом, ни добротой, — вот что отличало эту богиню.

«На ее голове — венец Эдена, Шугур.

На ее челе — налобная лента „Прелесть чела“.

В ее руках — знаки владычества и суда.

Ожерелье лазурное обнимает шею.
Двойная подвеска украшает груди.
Золотые запястья обвивают руки.
Прикрыты груди сеткой „Ко мне, мужчина, ко мне“.
Прикрыты бедра повязкой, одеяньем владычиц.
Притираньем „Приди, приди“ подведены глаза».

Изображали ее крылатой, со стрелами за спиной и с рыкающим львом у ног. Эта любвеобильная, своенравная и весьма воинственная дама по современным меркам вовсе не была добродетельна: не слишком умна, непостоянна, неверна в любви, мстительна и жестока.

Ее умная, но не слишком красивая сестра Эрешкигаль, владычица подземного царства, Инанну ненавидела: однажды, с помощью какой-то хитрости заманив сестру в подземный мир, она велела привратнику у каждых из семи ворот требовать с той один из охранительных амулетов. Простодушная Инанна отдавала и отдавала драгоценности... и в итоге предстала перед сестрой совершенно незащищенной. Воспользовавшись этим, Эрешкигаль убила ее и повесила труп на столбе.

Спас Инанну ее брат — Энки, бог мудрости и воды. Ведь он знал, какими бедами угрожает земле исчезновение богини плодородия! Энки вылепил из глины двух загадочных существ — Кургарру и Калатурру. Они не были ни мужчинами, ни женщинами, ни людьми, ни животными — и поэтому могли без особого риска войти в мир мертвых и вернуться обратно. Получив от Энки «траву жизни», «воду жизни» и соответствующие наставления, эти существа отправились в нижний мир.

Пробравшись по тропам подземного царства, слуги бога мудрости достигли дворца Эрешкигаль. Та насмешливо заявила им, что они могут забирать труп прекрасной богини. Сняв тело Инанны с крюка, посланцы Энки побрызгали его «водой жизни», посыпали «травой жизни» и воскресили богиню. Но раздосадованная Эрешкигаль послала вслед воскресшей Инанне целую толпу демонов, сославшись на главное правило мира мертвых: никто не может вернуться назад, не предоставив себе замену. Эти демоны должны были или утащить богиню назад, или забрать того, на кого она укажет.

Инанна обошла всех своих друзей, братьев, сестер и даже любовников — все молили ее о пощаде, никто не желал отправиться вместо нее в подземелье Эрешкигаль... И кого же она выбрала в конце концов в качестве жертвы? Собственного мужа — правителя города Урука по имени Думузи. Бедный Думузи (его имя присутствует в древних списках царей, и

он, по всей видимости, реально существовал) был не единственным супругом богини. Правивший в Уре Мес-Анни-Пади тоже именовал себя мужем «небесной блудницы» Инанны. Эта история приводит нас к одному очень древнему и зловещему обычаю — жертвоприношению царей.

Порядок престолонаследия в Древнем мире

Вспомните распространенный сказочный сюжет: принцесса выбирает жениха. Сотни рыцарей съезжаются на турнир: сильнейший станет ее мужем. Страшно даже подумать, насколько этот сюжет древен! Ведь именно так происходило наследование престола в самые отдаленные эпохи: трон занимал не сын царя, а муж его старшей дочери. Выбирали самого сильного воина, и царствовал он, пока не ослабевал или не начинал болеть. Древние верили, что лишь физически сильный царь способен достойно управлять страной. Неурожайный год тоже могли списать на скрытую немощь царя. Его силу могли проверить, устроив состязание, и если царь проигрывал — то победитель становился его преемником. Он получал его трон, его богатства и... его царицу.

Таким образом, роль царской дочери была очень велика: ведь от нее во многом зависели слухи о здоровье и силе царя. Если супруг ее каким-то образом не устраивал, царица легко могла распространить сплетню о его физическом недомогании. Или же наоборот — скрыть оное, если любила мужа.

Как жили особы царского рода, мы примерно представили. Ну а что было с женщинами из народа? Оказывается, они тоже выбирали мужей по принципу состязательности. Но тут все было проще: их продавали с аукциона. Да, именно так: девушек в Древней Месопотамии продавали с публичных торгов, причем за красивых брали с женихов деньги, а за некрасивых — приплачивали.

А перед этим каждая девушка должна была совершить особое паломничество. Греческий автор описал обычай храмовой проституции, согласно которому ни одна женщина не имела права вступить в брак без совершения положенного ритуала, то есть не отдавшись первому встречному в храме богини любви — «небесной блудницы».

Рассказал Страбон:

«...Согласно некоему изречению оракула, у всех вавилонянок вошло в обычай вступать в половое общение с чужеземцами, придя в какой-нибудь храм Афродиты в сопровождении множества слуг и толпы народа. Каждая

женщина обвивает себе голову повязкой из веревочного жгута.

Подходящий к женщине мужчина отводит ее далеко от священного участка и кладет ей на колени столько денег, сколько считает справедливым дать. Деньги эти считаются посвящением Афродите».

Три женщины: Пуаби, Ку-баба и Энхедуанна

А теперь представьте себе XXVII век до н. э. Из глинобитного Ура выходит торжественная процессия. Впереди гордо выступают наголо обритые жрецы в торжественных одеяниях — длинных «юбках» из овечьих шкур. Их сопровождают играющие на арфах музыканты. Арф четыре: одна, медная, издает басовые звуки, две другие, серебряные, — звуки повыше, а третья, деревянная, — самые высокие. За музыкантами рабы несут носилки, возницы правят повозками, запряженными волами, идет охрана. Оружие и упряжь богато орнаментированы перламутром, синими и красно-коричневыми камнями.

В процессии участвуют знатнейшие люди Ура, нарядные дамы в ярко-красных платьях, соперничающие друг с другой пышностью уборов. На каждой — огромный парик с гигантскими, на ширину плеч, «буклями» над ушами. Эти парики украшены золотыми лентами, цепочками с подвесками, изображающими древесные листочки или цветы. Шеи, плечи и руки женщин сплошь покрыты бусами из лазурита и сердолика. Золото и сердолик очень дороги, ведь камни привозят с полуострова Индостан, а лазурит — из копей Бадахшана в Северном Афганистане.

Во втором ряду семят царские служанки в расшитых бисером войлочных платьях (ведь ткачества шумеры не знали). Девушки тоже очень нарядны, но их украшения — из начищенного серебра. Ах, как сияют на солнце браслеты и кольца! В руке у каждой из женщин — пустой кубок.

Что же это за праздник?

Оказывается, это вовсе не праздник: это похороны! Царица Пуаби отправляется в мир мертвых. Двадцать пять человек сопровождают ее, чтобы служить Пуаби в загробном мире, среди них придворные дамы, певцы, арфисты и воины. Покойница лежит на носилках. На ней такой же пышный, как и у прочих женщин, парик со множеством золотых украшений. Надо лбом лента — «прелесть чела». Платье расшито зеленоватым амазонитом, темно-синим лазуритом и красноватым сердоликом, плечи и грудь закрывает накидка, свитая из лазуритовых и сердоликовых бус: это сетка «Приди, мужчина, приди», какую носила и

богиня Инанна. Как и прочие женщины, покойница ярко накрашена: густо подведены глаза и брови, губы подчеркнуты карминно-красным. В руки мертвой вложен золотой кубок, он снабжен тонкой золотой соломинкой.

Музыканты, прекрасные нарядные дамы, воины один за другим спускаются в подземелье, черпают из стоящего посреди зала чана отравленное питье и усаживаются вдоль стен. Яд действует быстро: один за другим дамы, воины и музыканты погружаются в смертный сон.

Жрецы закалывают волов, поднимают с пола выпавшие из костенеющих рук кубки и музыкальные инструменты, аккуратно укладывают их на тела. Затем покидают подземелье, запечатывают двери и совершают первое жертвоприношение — это ритуальная пища. Приготовленную трапезу накрывают перевернутым блюдом и закапывают. Жрецы дают приказ рабам забросать погребение щебнем и черепками, затем — землей. И снова жертвы: умерщвленных рабов укладывают поверх могилы царицы и снова забрасывают землей.

Жрецы совершают последние возлияния (пиво и масла льют в специальные вкопанные в землю глиняные трубки, чтобы они проникли как можно глубже, туда, где находится Подземный Мир), читают молитвы... Ритуал окончен.

Археологи нашли несколько похожих захоронений. В каждом из них лежало от 25 до 70 человек. Ни на одной из жертв не было найдено следов насилия, лежали они в спокойных позах. Вероятно, все они были отравлены или одурманены сильным наркотиком. Вполне возможно, что они подчинились своей судьбе добровольно, чтобы продолжать в ином мире привычную службу своей госпоже. Во всяком случае, невероятно, чтобы воины охраны Пуаби и ее придворные женщины в их дорогом убранстве были простыми рабами.

Имя «Пуаби» прочли на массивной каменной печати, найденной в ее гробнице. Такие печати были обязательной принадлежностью каждого знатного человека, как упоминалось ранее.

Увы, нам неизвестно, кем была Пуаби при жизни. Может быть, царицей, может — жрицей. Зато две другие дамы прославились именно своими делами, а не пышностью погребений!

В XXIV веке до н. э. жила женщина по имени Ку-Баба. Была она простой трактирщицей и торговала отменным по качеству пивом. То были опасные и страшные времена: династия, правившая ее родным городом Кишем, была полностью истреблена в борьбе в соседним городом-государством Уруком. Казалось, город потеряет независимость, а все его жители станут рабами Урука! Но не все жители Киша готовы были

смириться с порабощением. В смутные времена личности смелые и отчаянные порой достигают невиданных высот, вот так и трактирщица Ку-Баба возглавила освободительное движение, остановила врага и была избрана царицей. Правила она очень долго, «укрепила основы Киша» и основала новую династию. Долгие века бывшая трактирщица Ку-Баба почиталась в Месопотамии как богиня.

Шумеры оставили миру многочисленные литературные памятники: это гимны богам, восхваления царей, сказания, плачи... Увы, их авторы нам неизвестны. Зато многое мы можем рассказать о женщине, жившей спустя четыреста лет после Пуаби, уже после того, как Шумер был завоеван соседями-аккадцами. Была она дочерью царя Саргона и звали ее Энхедуанна. Вернее, ее так называли при уважительном обращении. Энхедуанна — не личное имя, это титул верховной жрицы бога Луны, той самой, что ожидала своего возлюбленного в храме на вершине зиккурата. Перевести его можно как «Жрица украшения небес».

Сохранился полупрозрачный алебастровый диск с изображением жрицы, совершающей обряд ритуального возлияния с надписью: «... супруга Нанны дочь Саргона». За четыреста лет мода изменилась, и теперь жители Шумера и Аккада одевались уже не так пышно. В отличие от модницы Пуаби, Энхедуанна ограничивалась небольшой овальной подвеской на лбу и серьгами в виде полумесяцев. Она подбирала волосы над ушами, переплетя их золотой ленточкой, и закалывала надо лбом плоскими локонами. А вот платье осталось такое же — длинное и украшенное бахромой из овечьей шерсти.

Но не происхождение, не высокая должность делают эту женщину уникальной. Энхедуанна — первая известная нам поэтесса на Земле. Ее стихи — первые подписанные, не анонимные поэтические произведения в истории человечества, и созданы они были в двадцать третьем, возможно, даже в XXIV веке до н. э.!

Месопотамская поэтесса была дочерью Саргона Древнего, или Саргона Аккадского. Этот царь писал о себе «мать моя была жрицей, отца я не знал». По всей видимости, он был сыном одной из девушек, пришедших исполнить долг любви у храма — Инанны-Иштар-Милитты.

Саргон в юности служил садовником в храме Инанны, а потом — чашеносцем у царя города Киша. Этот царь воевал с правителем города Уммы, проиграл в битве и лишился права занимать трон. Освободившийся престол захватил Саргон — «по особой милости Инанны» (вспомните, как происходило престолонаследие в те времена). Он действительно был прекрасным полководцем и одерживал победу за победой. Вскоре он

подчинил себе все Северное Междуречье. Город Аккад он сделал столицей нового царства, которое по названию столицы тоже стало называться Аккадом.

Энхедуанна унаследовала многие таланты своего отца: сильный властный характер, умение красиво говорить, подчинять себе людей.

Она получила хорошее образование и оказалась талантливой поэтессой, причем писала не на родном — аккадском, считавшемся простонародным, — а на изысканном шумерском, языке ученых и жрецов.

Перу Энхедуанны принадлежат 42 гимна, воспевающих всех божеств Шумера и Аккада. Они написаны в самые первые годы ее пребывания в должности жрицы. Гимны выстроены строго по иерархии: сначала прославляются верховные боги, затем боги и богини второго ранга, потом божества мелких городов.

Инанна, впоследствии считавшаяся покровительницей Саргона и его детей и ставшая любимой богиней Энхедуанны, в этом цикле еще оказалась в числе богов второстепенных. Именно поэтому ученые и относят этот цикл к раннему творчеству поэтессы. Написана она этот цикл двадцатью годами позже, Инанна, без сомнения, стояла бы на первом месте, ведь именно ей посвящена самая знаменитая поэма Энхедуанны — «Нин-ме-шарра» — «Чествование Инанны». С ее созданием связана драматическая история.

После смерти Саргона власть перешла к его старшему сыну. Он правил почти десять лет, но в итоге был убит заговорщиками: изменники забили правителя насмерть тяжелыми каменными печатями, подобными той, что нашли в захоронении Пуаби. После его гибели трон достался младшему сыну Саргона, но и он тоже был убит! Престол унаследовал его сын юный Нарам-Суэн. Но сесть на трон — это одно, а удержать его — совсем другое. В стране вновь началась смута: правитель Ура провозгласил свой город отделившимся от Аккада и объявил себя царем. Энхедуанна не признала власть самозванца, оказала сопротивление и была изгнана из храма. В отчаянии жрица и дочь Саргона воззвала к своей госпоже Инанне с мольбой о помощи:

«Госпожа сильная, краше ясного дня,
Жена праведная, одетая в сияние
И дивно украшенная,
Небом и Землей возлюбленная,
Облеченная истинной властью,
Знакомая с таинствами,

Семь стрел в руке держащая!..
Подобно дракону, смерть на чужую землю ты насылаешь!
Коли вскрикнешь ты — хлеба увядают,
Гнев твой подобен потопу,
Инанна, ты — первая в Небе и на Земле!..
Выше самых высоких скал ты взлетаешь, от демона бури крыло
получившая,
Любимица Энлиля, воспаряешь ты над Страной!
О моя госпожа! Перед тобой и горы склоняются».

Далее следовало описание, как жрица, взяв корзину для жертвоприношений, отправилась поклониться своей госпоже, но была жестоко обижена самозванцем: ее голову и плечи опалило солнце, рот наполнился песком, а дары, предназначавшиеся богине, были вышвырнуты наземь. О заступничестве просила свою госпожу Энхедуанна и о справедливости.

Молитва возымела действие: по преданию, Инанна послала Нарам-Суэну девять побед и сама незримо присутствовала в рядах аккадцев. Молодой царь смог вновь объединить страну, Энхедуанна была восстановлена в своей должности, а Инанна с тех пор считалась покровительницей правящей династии.

Самый древний театр

Мы не знаем, как исполнялись гимны, написанные Энхедуанной. Несомненно, их перекладывали на музыку и пели, но египтяне пошли еще дальше в плане выразительности исполнения: они придумали театр.

Да, именно так: распространенное мнение, что театр придумали греки, является, увы, ошибочным: театр создали египтяне!

Гимн богу надо было пропеть. Делать это следовало не только благозвучно, но и в торжественной обстановке, аккомпанируя себе на каком-нибудь музыкальном инструменте: арфе или хотя бы погремушке — сестре.

Порой гимны писали сразу на два голоса. Именно таким был «Плач Исиды и Нефтиды» о гибели Осириса. Актерами могли быть жрицы или члены царской семьи, прошедшие особую подготовку: «Да будет очищен весь храм, и да будут введены две женщины, чистые телом, девственницы, и да удалены волосы с их тела и надеты парики на их головы... бубны в руках их, и да будут написаны имена их на плечах их, чтобы изображать

Исиду и Нефтиду, и да поют они из песен этого свитка пред этим богом».

Наверное, бритые головы сильно бы огорчило современную женщину, но для египтянки это было не столь неприятно: они часто коротко стригли или обривали свои локоны в гигиенических целях. К тому же нечто подобное следовало совершить и в знак траура по фараону.

«О прекрасный юноша, приди в свой дом!
Давно уже, давно мы не видим тебя!
О прекрасный сотрясатель систра, приди в свой дом!
Прекрасный юноша, ушедший безвременно,
Цветущим не во время свое!»

Этот куплет запевали дуэтом обе богини, но затем Нефтида умолкала, и пение продолжала лишь одна Исида: «О брат мой владыка, отошедший в край безмолвия! Вернись же к нам в прежнем образе твоём!» Следом в диалог вступал еще и мужчина-жрец: «Боги ищут тебя, о юный, о владыка!»

Таким образом, песня превращалась в некое подобие пьесы. Сохранились даже комментарии, которые мог читать кто-то из младших жрецов, чтобы публике было понятнее. Вот они:

«Приближается Исида,
Приближается Нефтида,
Одна — справа,
Другая — слева,
Одна в образе птицы Хат,
Другая в образе соколицы.
Нашли они Осириса,
Когда убил его брат Сет в земле Недит».

Так и видишь эту постановку: посредине сцены лежит мертвое тело, на сцену с разных сторон выходят две красавицы-жрицы, изображающие богинь. Предполагают, что подобное действие могло происходить на похоронах фараона и, следовательно, мертвого Осириса изображала мумия.

Сохранилась и другая пьеса, где Осирис выступает уже в качестве царя загробного мира. Он восседает на троне, а вокруг него разворачивается действие, причем все участники обращаются к Осирису как к верховному судье. А сам судья не произносит в ответ ни слова! Он, являясь центральным действующим лицом, молчит! Объяснение может быть только одно: главную роль в этой древнеегипетской пьесе тоже играла мумия усопшего фараона.

Особенно был знаменит своими мистериями храм Гора в Эдфу. Там ставились уже не отдельные сценки, а длинные полноценные пьесы со множеством действующих лиц. Одна из таких мистерий называлась «Сказание о Горе Бехдетском», в числе ее персонажей были бог Тот, бог Гор, Исида, духи оружия, фараон, жрец Имхотеп, а злого Сета изображали жертвенные животные, которых убивали прямо во время представления. Изображая борьбу Гора с Сетом в образе бегемота, происходившую на Ниле, на сцену на канатах вытягивали даже декоративную ладью. Актеры, исполнявшие роли богов, надевали маски: сокола — для Гора, шакала — для Анубиса и др.

Мистерии не удержались в стенах храмов и вскоре выплеснулись... нет, не на площади — на воды Нила. Известно, что по большим праздникам по Нилу плыли барки с актерами, каждая группа ставила одну сцену из длинной пьесы и, подплывая к очередной деревне, проигрывала ее для скопившихся на берегу жителей. Затем барка уплывала к другой деревне, а к этой подплывала следующая, и находящиеся в ней актеры исполняли следующую сцену. Такое торжество могло длиться весь день, начинаясь рано утром и заканчиваясь уже на закате.

Египет Нового царства. Хатшепсут

Обычно женщины приходили к власти в трудные для страны времена. Трон доставался им почти принудительно, так как не было наследника мужского пола или этот наследник был слишком мал. Однако в XIV веке до н. э. В Египте женщина намеренно захватила власть, свергнув с престола своего мужа. Именно при ней страна достигла наивысшего расцвета. Звали ту царицу Хатшепсут, что значит «Находящаяся впереди благородных дам».

Она была дочерью третьего фараона XVIII династии Тутмоса I и царицы Яхмес. Еще юной девушкой Хатшепсут стала «Супругой Бога» — верховной жрицей бога Амона, а потом ее выдали замуж — по обычаю египтян — за ее сводного брата, Тутмоса II, сына Тутмоса от наложницы. Тут надо сразу отметить, что имя «Тутмос» было обычным для фараонов Восемнадцатой династии: отца, мужа и пасынка Хатшепсут звали одинаково, и это даже породило путаницу в датировке.

Мужа молодая царица не любила и не уважала. Она была намного умнее и сильнее характером, нежели он, и, по мнению многих ученых, фактически правила за него. Ее супруг не отличался ни особым умом, ни крепким здоровьем и умер после неполных четырех лет царствования, оставив Хатшепсут дочь по имени Нефрура. Как прежде ее мать, девочка носила титул «Супруги Бога». Кроме нее у Тутмоса от наложниц были сын, тоже Тутмос, и дочь Меритра. Этого Тутмоса и объявили фараоном после смерти отца, а Хатшепсут считалась при нем всего лишь регентшей. Но она недолго мирилась с таким положением дел!

Во время церемонии в храме верховного фиванского бога Амона жрецы, несшие тяжелую барку со статуей бога, внезапно устали и, чтобы передохнуть, опустились на колени прямо возле царицы. Случайно это произошло или было подстроено, мы не можем сказать, но честлюбивая царица тут же во всеуслышание объявила этот эпизод знамением: сам Амон преклонил перед ней колени, избрав ее божественным правителем Египта.

Маленький Тутмос III был отправлен на воспитание в храм, а Хатшепсут объявлена фараоном под «хоровым», то есть царским именем Мааткара Хенеметамон.

Чтобы обосновать захват престола, Хатшепсут придумала целый миф о своем рождении, назвав себя дочерью Амона-Ра, который якобы вошел в

спальню ее матери в образе ее мужа-фараона. Эта история была запечатлена в виде барельефов и текстов на стенах храма в Дейр-эль-Бахри, построенном визирем Сенмутом — фаворитом царицы.

На первом рельефе бог Амон произносит речь перед собранием остальных богов, рассказывая о том, как он полюбил царицу Египта, которая должна родить нового царя — девочку Хатшепсут. Далее рассказывается о том, какой замечательной правительницей должна стать Хатшепсут: «Буду я защитой плоти ее... Будет сооружать она храмы ваши, освятит она дома ваши... сделает постоянными она приношения ваши, сделает процветающими она алтари ваши. Тот, кто будет чтить ее, истинно, будет он жить... Тот, кто скажет худое в отношении имени величества ее, сделаю я, что умрет он тотчас».

Боги, само собой, обрадовались, услышав это, и пообещали любить и охранять Хатшепсут. Бог Хнум вылепил ее тело, прекраснейшее на Земле, его жена Хекет наделила младенца жизненной силой, бог Тот наделил мудростью, богиня Хатор — женским очарованием... Знакомый сюжет, не правда ли?

Один из рельефов изображает царицу на последнем месяце беременности, в то время как бог Хнум и богиня Хекет готовятся принимать у нее роды. На следующем богиня Хатор протягивает младенца счастливому отцу — Амону: «Явился бог этот великолепный, чтобы увидеть дочь его, любимую им, царя Верхнего и Нижнего Египта Мааткара, да живет она. После того как родилась она, была истинно, сладостность сердца его велика весьма...»

Вне всякого сомнения, что такая девочка должна была быть необыкновенным ребенком:

«Образ ее божествен, характер ее божествен, делает она вещь всякую, как Бог, просветленность ее, как у Бога».

И конечно же в надписях утверждалось, что ее земной отец — старый фараон Тутмос I именно ее считал своим наследником и именно ей передал власть над Египтом.

Но существовала одна трудность: фараон считался воплощением Гора на Земле. А Гор — бог мужского пола. Как женщина Хатшепсут могла воплощать мужское божество, самые ученые жрецы так и не смогли до конца обосновать. Да и сама Хатшепсут не желала полностью отказываться от женской роли. Она называла себя прекраснейшей из женщин и отказалась от одного из царских титулов — «Могучий бык».

Поэтому ее изображали то одетой по-мужски, с накладной бородкой, которую носили фараоны, в короне Нижнего и Верхнего Египта со

священным уреем; то в виде стройной красавицы в обтягивающем платье, что было уже неприкрытой лестью: под конец жизни царица сильно располнела и страдала от артрита.

Ее дочь Нефруру также часто изображали с накладной бородкой и локоном юности, как принца. Видимо, в ее лице Хатшепсут готовила себе наследницу; отношения с пасынком Тутмосом складывались не лучшим образом.

Желая достичь компромисса, Хатшепсут поженила Тутмоса и Нефруру, но судьба готовила ей удар: Нефрура умерла совсем молодой, не успев родить наследника. Женой Тутмоса стала вторая принцесса — Меритра.

Воспитателем Нефруры был Сенмут, фаворит Хатшепсут. Человек он был умный, талантливый, образованный, но незнатный и к тому же — провинциал. Многие готовы считать Сенмута ее любовником. Однако доказательств этому не так много, самым веским является изображение Сенмута, обращающегося с молитвой к своей госпоже в образе богини любви Хатор. В ее храмах и даже в ее гробнице сохранились и более интимные портреты визиря, например очень реалистичный рисунок углем, на котором Сенмут изобразил себя вразрез с каноном, не скрыв ни полных щек, ни двойного подбородка.

Правление Хатшепсут было весьма полезным для Египта: она вела немного войн, зато много строила и приводила в порядок хозяйство страны, еще не полностью оправившееся от последствий набегов царей-пастухов.

Царица не только восстановила разрушенные завоевателями-гиксосами храмы, но и создала много новых. «Я восстановила то, что лежало в развалинах. Я воздвигла то, что оставалось неоконченным, с тех пор как азиаты были в Аваре, в Северной Стране, и среди них варвары, низвергая то, что было сделано, когда они правили в неведении Ра», — писала Хатшепсут о своих деяниях.

Самыми красивыми считаются святилище Амона в Карнаке, прозванное Красным (оно знаменито гигантскими обелисками), и уже упоминавшийся храм в Дейр-эль-Бахри к западу от Фив, носивший название Джесер Джесеру — «Священнейший из священных». Архитектор Сенмут строил его целых девять лет! Здесь были алтари Амона и других богов, а также самой Хатшепсут и ее обожествленного отца. Храм состоял из трех террас, украшенных колоннами из белого известняка. К первой из террас вела длинная широкая аллея, по обеим сторонам которой стояли сфинксы с лицом Хатшепсут. Перед самым храмом был разбит сад с прудами, окруженными миртовыми и другими экзотическими деревьями.

На стенах храма сохранилось много рельефов, среди которых — рассказ об удивительной экспедиции в далекую страну Пунт, снаряженной Хатшепсут на девятом году правления.

Надо заметить, что согласно принятой идеологии, Египет считался царем над соседними странами. Власть над ними была вручена Египту богами, и любое сопротивление его воле расценивалось как святотатство. Фараоны вели войны с соседями, стремясь упрочить верховенство. Но экспедиция Хатшепсут была не военным походом! Ее уникальность состояла в том, что, отправляя в дальнюю даль корабли, царица преследовала исследовательские и торговые цели.

Где именно находилась таинственная страна Пунт, «родина благовоний», многократно упоминаемая древними авторами, современные ученые могут лишь предполагать. Скорее всего, это побережье Восточной Африки в районе Африканского Рога — полуострова Сомали. Эту местность называли также Та-Нечер — «Земля Бога».

Пунт являлся основным экспортером миррового дерева, благовоний и различных косметических средств, что было весьма важно для привыкших к роскоши египтян. Однако контакты с Пунтом были прерваны из-за завоевания гиксосов, и с тех пор египтянки вынуждены были довольствоваться лишь местными, далеко не столь изысканными ароматами. Вне всякого сомнения, красивая женщина, ставшая царем Египта, не могла мириться с таким безобразием и отправила в Пунт пять кораблей с более чем двумястами матросов. Командовал экспедицией вельможа Нехси.

Он справился с задачей! Почти без потерь корабли достигли берегов Пунта и вернулись назад. Примечательно, что местные жители уже успели забыть о существовании Египта и долго не могли понять, откуда и зачем к ним явились эти светлокожие люди. Но затем египтянам все же удалось достигнуть взаимопонимания, среди жрецов Пунта отыскивались те, кто слышал о выгодных торговых связях в прошлом, испуг и недоверие были преодолены, и началась торговля. Египтяне закупили в Пунте древесину черного дерева, мирровое дерево (не только древесину, но и саженцы в горшках), разнообразные благовония, в том числе ладан, черную краску для глаз, слоновую кость, ручных обезьян, золото, рабов и шкуры неведомых египтянам животных. Рельефы храма в Дейр эль-Бахри представляют все подробности этой кампании. Художники детально изобразили флот Хатшепсут, особенности ландшафта Пунта с лесами благовонных деревьев, экзотическими животными и домами на сваях. Также на стенах храма есть сцена признания правителями Пунта

формальной власти Хатшепсут. Эта сцена получила большую популярность у иллюстраторов в первую очередь из-за непомерной, чудовищной по сегодняшним меркам полноты африканской царицы.

Хатшепсут умерла около 1468 года до н. э, процарствовав 22 года или чуть меньше — 21 год и 9 месяцев. Поскольку она еще далеко не достигла преклонного возраста, выдвигались версии как естественной кончины, так и насильственной смерти царицы.

Ее любимец Сенмут то ли умер, то ли попал в опалу примерно за год или за два до кончины своей госпожи. Весьма вероятно, что он вынужден был покинуть Фивы: обе его гробницы оказались пустыми и не похоже, чтобы там вообще кого-то хоронили. Его место занял другой молодой человек, даже имени которого не сохранилось: он сумел вызвать к себе столь жгучую ненависть, что все иероглифы с его именем были старательно соскоблены.

С памятью самой Хатшепсут тоже обошлись без уважения: взошедший на престол Тутмос III приказал обложить кирпичом и скрыть от людских глаз возведенные ею обелиски, со стен храмов сбивались ее изображения, сфинксы были убраны с аллеи перед храмом и закопаны поблизости, даже само имя Хатшепсут было исключено из официальных храмовых списков фараонов Египта. Гробница великой царицы была найдена опустошенной, и долгое время считалось, что ее мумия была уничтожена.

Однако это оказалось не так! Друзья Хатшепсут сумели спасти от осквернения ее тело и скрыли его в небольшой гробнице, выстроенной для кормилицы великой царицы. Там ее нашли в 1906 году и привезли в Каир. Более ста лет тело великой царицы хранилось в Египетском музее неопознанным под номером KV60, правильная идентификация состоялась лишь в 2007 году благодаря генетической экспертизе.

Выводы анализа ДНК подтвердило рентгеновское сканирование, показавшее, что у мумии недостает одного зуба. Но именно этот зуб хранился в том же музее в маленькой деревянной шкатулке с изображением картуша Хатшепсут!

Это же сканирование показало, что на момент смерти царице было приблизительно 50 лет и скончалась она от тяжелой болезни: у нее были диабет, рак, кожная болезнь и очень плохие зубы. Эти зубы и стали той малостью, что свела ее в могилу: развившийся абсцесс приносил царице изматывающие мучения; ей тяжело было есть, мучила сильная боль.

Придворные врачи в конце концов вырвали зуб, но было поздно — инфекция распространилась по организму, и царица умерла.

И снова Месопотамия — легенда о царице Семирамиде

Древние авторы — Юстин, Ктесий, Диодор Сицилийский — несколько не сомневались, что эта необыкновенная женщина существовала на самом деле и жила примерно в IX веке до н. э. Современные же ученые настроены более скептически и полагают Семирамиду вымышленным персонажем — слишком уж странные вещи рассказывают о ее рождении, жизни и смерти.

Легенда гласит, что некогда рядом с городом Ашкелон было озеро, полное рыбы. Озеро это было посвящено богине Деркет. Вид эта богиня имела весьма странный — человеческую голову и туловище рыбы. Однажды Деркет поссорилась из-за чего-то с Иштар, и та, чтобы отомстить, наслала на Деркет любовь к простому смертному. Чувство было так сильно, что, забыв обо всем, Деркет превратилась в женщину и отдалась своему возлюбленному. У нее родилась дочь. И тут Деркет почувствовала сильнейший стыд: она — богиня, а полюбила простого рыбака. Да еще и дитя от него родила! Какой позор! Чтобы скрыть свое падение, Деркет заманила рыбака на озеро и утопила его, а новорожденную девочку бросила на скале в пустыне.

Но младенец не погиб! На той скале гнездилась стая голубей, и они приняли дитя к себе. Голуби по очереди приносили в клювах молоко и поили им девочку. Так продолжалось целый год. Понимая, что им становится все труднее прокормить растущую малышку, голуби подманили к скале царского пастуха по имени Сим и показали ему прелестное дитя. Умилившись, тот забрал девочку себе и вырастил как родную дочь, назвав ее Семирамис, что по-сирийски значит «голубка». Иногда это имя транскрибируют как Шамурамат или Шамирам.

Семирамида выросла и стала необычайно прекрасной девушкой: женской прелестью она превосходила всех своих сверстниц. Ее увидел царский военачальник Оннис и страстно влюбился. Он взял безродную Семирамис в жены, и она родила ему двух сыновей, Гиапата и Гидаспа. Но Семирамида была не только красива, она была еще и очень умна, и интересы у нее были совсем не женские: больше всего ее увлекало военное дело. Она всюду ездила со своим мужем и изучала военную стратегию.

Однажды царь Нин отправился на войну с Бактрией «с 1 700 000 пешими, 210 000 всадниками и 10 600 боевыми колесницами». Оннис сопровождал его, Семирамида, как обычно, последовала за мужем. Чтобы уберечься от неприятностей, она одевалась в длинное платье, скрывавшее

ее фигуру. На голову она накинула покрывало, чтобы спрятать нежную кожу от яркого солнца и от нескромных взглядов. По покрою это платье не было ни мужским, ни женским: в нем стройную и сильную Семирамиду легко можно было принять за юношу.

Ниневийцы осадили Бактру, но никак не могли взять город. Осажденные отбивали все атаки. В отчаянии Оннис спросил совета жены. И Семирамида высказала дельную мысль: до сих пор ниневийцы старались отыскать наиболее слабые места в городских укреплениях. Бактрианцы именно там собрали всех защитников города и ожидали натиска. Жена Онниса предложила начать атаку в привычном месте — чтобы отвлечь бактрианцев, бросить туда лишь часть сил. А остальное войско направить на самую высокую часть городских стен, так как именно это место почти не охраняется.

Оннис пришел в восторг от плана супруги, он применил его на практике и добился успеха. Бактра пала.

Царь Нин был очень доволен. А Оннис, не в силах скрыть своего восхищения супругой, взял да и похвалился умом и талантами своей жены. Нин захотел увидеть Семирамиду, а увидев — потребовал, чтобы Оннис отдал ее ему. Оннис не согласился, и Нин страшно разозлился. Теперь уже не милости, а страшную казнь пообещал он своему военачальнику. Напрасно тот просил о пощаде, предлагая вместо жены свою дочь, — тот был неумолим. В отчаянии Оннис покончил с собой. Так Семирамида стала царицей.

Нин безумно любил свою жену и во всем ей потакал. Когда Семирамида родила ему сына Ниния, эта страсть еще более усилилась. А вот сама царица испытывала совсем иные чувства...

Однажды ослепленный любовью Нин спросил, какой бы подарок она желала. Семирамида попросила уступить ей на день царскую власть.

Нин согласился. Он передал жене мантию и другие атрибуты владыки, и Семирамида села на трон. Первые ее приказы были невинны и безобидны. Когда же она почувствовала, что слуги безропотно ее слушаются, то отдала повеление, ради которого и затевалась вся эта авантюра: она распорядилась убить Нина. И приказ этот был выполнен. Так Семирамида захватила власть. Она приказала с почестями похоронить незадачливого Нина, воздвигнув над его усыпальницей огромный холм.

Правила она долго и успешно, вела многочисленные войны, возводила храмы. Считается, что именно Семирамида основала города Вавилон и Экбатану, что она осушила вокруг города болота, а в самом городе построила величественный храм богу Бэлу с башней, «которая была

необычайно высокой и халдеи там наблюдали восход и закат звезд, ибо для этого подобное сооружение было самым подходящим». Самым знаменитым ее сооружением являлись «висячие сады» — то есть сады, разбитые на ступенях огромного зиккурата. Вода к ним подавалась с помощью специальных труб и насосов, приводимых в действие рабами. Экспедиция Вулли действительно нашла остатки этих труб и чудом сохранившиеся отпечатки древесных листьев и веток, свидетельствующие о том, что «висячие сады» — не выдумка.

Древние авторы упоминают о многочисленных статуях Семирамиды и о том, что на фресках ее часто изображали верхом на лошади. Она сама возглавляла свои войска, ведя завоевательные походы в Мидии, Ливии, Персии, Египте и даже в Индии. Однако, войско стала косить лихорадка, и воительница была вынуждена отступить.

Некоторые авторы, описывая эту царицу, упоминают не только ее ум и храбрость, но подчеркивают и то, что, пока Семирамида была молода, она не отказывала себе и в плотских удовольствиях, устраивая настоящие оргии.

Но молодость и красота уходят, страсти остывают, и вот однажды Семирамида ощутила, что очень устала и хочет вернуться домой. Увы, ее ждало большое разочарование: ее сын Ниний, пользуясь долгим отсутствием матери, объявил себя царем. Он не желал делиться властью и подослал к Семирамиде убийц. По легенде, ей удалось избежать смерти. Осознав, что ее земные дела закончены, Семирамида передала власть сыну, а сама, обратившись в голубку, вылетела в окно и исчезла.

Последняя царица Египта — Клеопатра

Закат Египта тоже связан с женским именем. Клеопатра VII Филопатор — последняя царица династии Птолемеев. Более двадцати лет она правила Египтом. Оба ее брата, которых звали одинаково Птоlemeями, были ее соправителями и мужьями.

В отличие от большинства женщин династии Птолемеев, Клеопатра была хорошо образована, она говорила на нескольких языках, в том числе и на латыни. После смерти отца она заняла престол совместно со своим братом и одновременно супругом. Ей было 18, мужу-брату — 9 лет.

Три года спустя в Египет прибыл Цезарь в погоне за своим противником — потерпевшим поражение Помпеем. Мальчик-фараон, желая подольститься к Цезарю, послал к Помпею убийц. Но злодеяние вызвало не благодарность, а гнев Цезаря: египтяне посмели покушаться на римского консула!

Юная и привлекательная Клеопатра быстро сообразила, что гнев римлянина по отношению к ее брату может быть лично для нее выгоден. Она объявила, что хочет отправить Цезарю подарки — хрупкую дорогую посуду, завернутую в ценный ковер. На самом же деле настоящим подарком была сама Клеопатра: юная стройная царица легко спряталась внутри ковра и слуги ничего не заметили. Так она сумела пробраться в покои Цезаря и стала его любовницей. Вскоре благодаря его поддержке она фактически стала правительницей Египта при протекторате Рима. Год спустя у нее родился сын, походивший на Гая Юлия Цезаря лицом и осанкой.

Положение царицы было устойчивым вплоть до убийства Цезаря. Она сумела выстоять во время междоусобиц, охвативших Рим после этого трагического события, и стала «последней напастью» для Марка Антония — консула, полководца и ближайшего соратника Цезаря. По мнению древних историков, она привела в неистовое волнение многие страсти, до той поры скрытые и недвижимые.

Поразительно, но Марк Антоний прославился не благодаря своим достоинствам политика, а скорее благодаря недостаткам. «Простак и тяжелодум» — так называет его Плутарх. Гедонизм Антония, любовь к роскоши, недалёковидность вкупе с безудержной смелостью заставили его звезду вспыхнуть ярко и так же быстро закатиться. После гибели Гая Юлия Цезаря при разделе империи ему достались страны Азии и Африки, нравы

жителей которых вполне отвечали его потребностям.

Плутарх:

«Когда... Антоний переправился в Азию и впервые ощутил вкус тамошних богатств, когда двери его стали осаждать цари, а царицы наперебой старались снискать его благосклонность богатыми дарами и собственной красотой, он отдался во власть прежних страстей... наслаждаясь миром и безмятежным покоем...»

Антоний явился в Египет совсем не как друг. Римский триумвир отправил к Клеопатре гонца с приказом явиться к нему и дать ответ на обвинения, которые против нее возводились: мол, во время войны царица помогла убийцам Цезаря деньгами. Увидев Клеопатру и познакомившись с ней поближе, гонец сообразил, что такой женщине Антоний ничего дурного не сделает, и принялся убеждать египтянку спокойно ехать к Антонию, «убранством себя изукрасив», и ничего не бояться.

Клеопатра последовала его совету, рассчитывая, что раз даже молодой и неопытной она сумела обольстить Цезаря, то теперь-то, когда ее красота и ум в полном расцвете, она легко сумеет справиться с Антонием. Приготовив щедрые дары, взяв много денег, роскошные наряды и украшения (но главные надежды возлагая на свою прелесть и женские чары), она пустилась в путь.

Плутарх:

«Клеопатра... поплыла... на ладье с вызолоченной кормою, пурпурными парусами и посеребренными веслами, которые двигались под напев флейты, стройно сочетавшийся со свистом свирелей и бряцанием кифар. Царица покоилась под расшитую золотом сенью в уборе Афродиты, какую изображают ее живописцы, а по обе стороны лежа стояли мальчики с опахалами — будто эроты на картинах. Подобным же образом и самые красивые рабыни были переодеты nereидами и харитами и стояли кто у кормовых весел, кто у канатов. Дивные благовония восходили из бесчисленных курильниц и растекались по берегам».

Повсюду разнеслась молва, что сама Афродита шествует навстречу Дионису. Антоний послал Клеопатре приглашение к обеду. Царица настойчиво просила его самого прийти к ней. Желая сразу же показать ей свою обходительность и доброжелательность, Антоний исполнил ее волю. «Пышность убранства, которую он увидел, не поддается описанию, но всего более его поразило обилие огней. Они сверкали и лили свой блеск отовсюду и так затейливо соединялись и сплетались в прямоугольники и круги, что трудно было оторвать взгляд или представить себе зрелище прекраснее».

На другой день Антоний принимал египтянку и приложил все усилия к тому, чтобы превзойти ее роскошью и изысканностью, но быстро признал себя побежденным, первым принялся насмехаться над убожеством и отсутствием вкуса, царившими в его пиршественной зале. Угадав в Антонии по его шуткам грубого и пошлого солдафона, Клеопатра и сама заговорила в подобном же тоне — смело и безо всякого стеснения.

Какой была Клеопатра? Почти все биографы согласны, что она не обладала некой выдающейся красотой, хотя и была интересной женщиной. Египетская царица брала умом, обхождением и «редкою убедительностью речей, огромным обаянием, сквозившим в каждом слове, в каждом движении». Она была прекрасным психологом и чувствовала собеседника. «Самые звуки ее голоса ласкали и радовали слух, а язык был точно многострунный инструмент, легко настраивающийся на любой лад, на любое наречие». При ее прекрасном образовании и знании языков она умела поддержать разговор.

Антоний был увлечен до такой степени, что позволил Клеопатре увезти себя в Александрию и повел там жизнь мальчишки-бездельника. Составился своего рода союз, который они звали «Союзом неподражаемых», и, что ни день, они задавали друг другу пиры, проматывая баснословные деньги и совершенно забыв про брошенную в Риме супругу Антония.

Рассказал Плутарх:

«Врач Филот, родом из Амфиссы, рассказывал моему деду Ламприю, что как раз в ту пору он изучал медицину в Александрии и познакомился с одним из поваров царицы, который уговорил его поглядеть, с какой роскошью готовится у них обед. Его привели на кухню, и среди прочего изобилия он увидел восемь кабанов, которых зажарили разом, и удивился многолюдности предстоящего пира. Его знакомец засмеялся и ответил: „Гостей будет немного, человек двенадцать, но каждое блюдо надо подавать в тот миг; когда оно вкуснее всего, а пропустить этот миг проще простого. Ведь Антоний может потребовать обед и сразу, а случается, и отложит ненадолго — прикажет принести сперва кубок или увлечется разговором и не захочет его прервать. Выходит, — закончил повар, — готовится не один, а много обедов, потому что время никак не угадаешь“».

Этот же Филот как-то раз, обедая со старшим сыном Антония, сумел остроумно пошутить. В качестве награды за шутку мальчик подарил ему все убранство стола, на котором были кубки и приборы из чистого серебра.

Филот горячо благодарил, но был далек от мысли, что такому юному мальчику дано право делать столь дорогие подарки. Однако на следующий

день раб принес ему корзину с этими кубками. Филот стал было отказываться и боялся оставить кубки у себя, но раб ему сказал: «Чего ты трусишь, дурак? Не знаешь разве, кто тебе это посылает? Сын Антония, а он может подарить и золотых кубков столько же! Но лучше послушайся меня и отдай нам все это обратно, а взамен возьми деньги, а то как бы отец не хватился какой-нибудь из вещей — ведь среди них есть старинные и тонкой работы».

Клеопатра все крепче приковывала к себе римлянина. Вместе с ним она играла в кости, вместе с ним охотилась, бывала в числе зрителей, когда он упражнялся с оружием, а по ночам, когда в платье раба он бродил и слонялся по городу, останавливаясь у дверей и окон домов и осыпая обычными своими шутками хозяев, людей простого звания, Клеопатра и тут была рядом с Антонием, одетая ему под стать. Нередко он и сам слышал в ответ злые насмешки и даже возвращался домой помятый кулаками александрийцев, хотя большинство и догадывались, с кем имеют дело. Тем не менее шутовство Антония было по душе горожанам, они с охотой и со вкусом участвовали в этой игре и говорили, что для римлян он надевает трагическую маску, для них же — комическую.

Марк Антоний думал только об удовольствиях, в то время как гражданскую войну с Октавианом вели жена Антония Фульвия и его брат Луций. С ними в союзе состоял Секст Помпей — сын Гнея Помпея.

Войну эту они проиграли. Луций Антоний сдался на милость победителя, Фульвия умерла. Погиб и Секст Помпей.

По отношению к побежденным Октавиан повел себя очень жестоко. Пытавшихся молить о пощаде или оправдываться он обрывал тремя словами: «Ты должен умереть!» Он отобрал из сдавшихся 300 человек всех сословий и в иды марта у алтаря божественного Юлия Цезаря приказал перебить их, как жертвенный скот.

Не имея достаточно сил, чтобы бороться еще и с Марком Антонием, Октавиан предпочел с ним договориться, сделав вид, что его самого ни в чем не винит, и даже женил Антония на своей сестре Октавии. Это была в высшей степени достойная женщина: красивая, умная и добрая, уважаемая всеми. Ради свадьбы Антоний явился в Рим, но прожил с женой недолго: она успела родить ему дочь и вторично забеременеть, когда он, оставив Рим, уехал обратно в Египет, к Клеопатре.

Антоний был словно околдован египтянкой. Он забыл о делах, забыл о своих обязанностях, о грядущей войне с Парфией — он думал только о ней и делал ей неслыханные подарки, отдавая целые области. Рассказывали, что он подарил ей пергамские книгохранилища с двумястами тысячами

свитков; исполняя условия какого-то проигранного им спора, он на пиру, на глазах у многих гостей, поднялся с места и растирал ей ноги; он ни словом не возразил, когда его подданные эфесцы в его присутствии величали ее госпожою и владычицей. Неоднократно, разбирая дела тетрархов и царей, он принимал ониксовые и хрустальные таблички с ее любовными посланиями и тут же, на судейском возвышении, их прочитывал. Завидев носилки Клеопатры, он мог, не дослушав оратора, вскочить с места и отправиться провожать царицу.

Клеопатра родила от него близнецов: мальчика он назвал Александром, девочку Клеопатрой и сыну дал прозвище Гелиос — «Солнце», а дочери — Селена, «Луна».

Октавия делала попытки наладить отношения с мужем, писала ему и даже поехала в Египет, везя с собой одежду для солдат, много вьючного скота, деньги, подарки; кроме того, с нею вместе прибыли две тысячи отборных воинов в великолепном вооружении. Но до Александрии она не доехала: Клеопатра не разрешила.

Плутарх:

«Чувствуя, что Октавия вступает с нею в борьбу, Клеопатра испугалась, как бы эта женщина, с достойною скромностью собственного нрава и могуществом Цезаря соединившая теперь твердое намерение во всем угождать мужу, не сделалась совершенно неодолимою и окончательно не подчинила Антония своей воле. Поэтому она прикидывается без памяти в него влюбленной и, чтобы истощить себя, почти ничего не ест. Когда Антоний входит, глаза ее загораются, он выходит — и взор царицы темнеет, затуманивается. Она прилагает все усилия к тому, чтобы он почаще видел ее плачущей, но тут же утирает, прячет свои слезы, словно бы желая скрыть их от Антония».

Придворные льстецы горячо сочувствовали египтянке и бранили Антония, твердя ему, что он жестокий и бесчувственный, что он губит женщину, которая лишь им одним и живет, предпочитая ей Октавию, которая сочеталась с ним браком только лишь по политическим соображениям. Антоний, слушая все это, позволил себя одурачить и даже не встретился с Октавией, ожидавшей его в Афинах. Благородная женщина снесла обиду безропотно и в ответном письме лишь спросила, куда ей следует отправить войска и подарки. Рассказывали, что ей очень хотелось увидеть египетскую царицу, чтобы понять, чем она приворожила ее мужа. Ведь все, кто видел обеих женщин, утверждали, что Клеопатра несколько не красивее и не моложе Октавии.

Когда Октавия вернулась из Афин, ее брат Октавиан, считая, что ей

нанесено тяжкое оскорбление, предложил сестре поселиться отдельно, в собственном доме. Но Октавия отказалась покинуть дом мужа и просила брата, если только он не решил начать войну с Антонием из-за чего-либо иного, не принимать в рассуждение причиненную ей обиду. Она не желала, чтобы пошли слухи, что два правителя ввергают римлян в бедствия междоусобной войны: один — из любви к женщине, другой — из оскорбленного самолюбия.

И лишь когда по наущению Клеопатры Антоний сам приказал Октавии покинуть его дом, она ушла, «ведя за собою всех детей Антония... плача и кляня судьбу за то, что и ее будут числить среди виновников грядущей войны».

С этого момента обе стороны принялись готовиться к войне. Цезарь Октавиан был вынужден существенно повысить налоги, чем многие были недовольны. Но и у Антония были проблемы: он него к Цезарю бежали многие прежние сторонники, оскорбленные Клеопатрой.

Война началась. Нельзя сказать, что перевес был на стороне Цезаря. У Антония было сто тысяч пехоты и двенадцать тысяч конницы — а это немало! Но он обязательно хотел решить войну в морском сражении, и это несмотря на то, что на его судах не хватало людей. Но, даже несмотря на это, он имел все шансы выиграть сражение. Однако сам Октавиан к тому времени открыто заявлял, что Антоний не в своем уме. Он-де отравлен ядовитыми зельями и уже не владеет ни чувствами, ни рассудком, и что войну поведут евнух Мардион да рабыни Клеопатры Ирада и Хармиона — вот кто вершит важнейшими делами правления. Дальнейшие события показали, что, вполне возможно, Октавиан был прав: в разгар битвы корабли Клеопатры внезапно обратились в бегство.

Плутарх:

«Битва сделалась всеобщей, однако исход ее еще далеко не определился, как вдруг, у всех на виду, шестьдесят кораблей Клеопатры подняли паруса к отплытию и обратились в бегство, прокладывая себе путь сквозь гущу сражающихся, а так как они были размещены позади больших судов, то теперь, прорываясь через их строй, сеяли смятение. А враги только дивились, видя, как они, с попутным ветром, уходят к Пелопоннесу».

Причины этого внезапного отступления до сих пор не объяснены. Возможно, что оказавшись в гуще битвы, женщина просто испугалась. Но некоторые предполагают, что за спиной Антония египтянка вела переговоры с Октавианом и намеренно погубила своего любовника: без ее поддержки шансов у него почти не было.

Антоний, не сводивший глаз со своей любовницы в мирное время, продолжил вести себя так же и на войне: он развернул свой флагман и ринулся вслед за египетской царицей. Брошенный на произвол судьбы флот еще долго сопротивлялся, несмотря на сильные волны. По подсчетам Октавиана, убитых насчитали не более пяти тысяч, зато в плен взято было триста судов.

Бросив свой флот, Антоний сел на носу корабля и молчал, обхватив голову руками. Почти не двигаясь, он провел так три дня один, без еды и питья, больше всего напоминая сумасшедшего. У него было еще достаточно сухопутных войск, но он даже не воспользовался своими легионами.

Плутарх:

«Немногие видели бегство Антония собственными глазами, а те, кто об этом узнавал, сперва не желали верить — им представлялось невероятным, чтобы он мог бросить девятнадцать нетронутых легионов и двенадцать тысяч конницы, он, столько раз испытывший на себе и милость, и немилость судьбы и в бесчисленных битвах и походах узнавший капризную переменчивость военного счастья. Воины тосковали по Антонию и все надеялись, что он внезапно появится, и выказали при этом столько верности и мужества, что даже после того, как бегство их полководца не вызывало уже ни малейших сомнений, целых семь дней не покидали своего лагеря, отвергая все предложения, какие ни делал им Цезарь».

Лишь через неделю войско наконец признало свое поражение и сдалось на милость Октавиана.

Антоний же вернулся в Александрию и вместо «Союза неподражаемых» учредил новый Союз — «смертников». В него записывались друзья Антония и Клеопатры, решившиеся умереть вместе с ними, а пока жизнь их обернулась чередой празднеств, которые они задавали по очереди.

Готовясь к смерти, Клеопатра приказала перенести все наиболее ценное из царской сокровищницы — золото, серебро, драгоценные камни, жемчуг, черное дерево, слоновую кость, корицу и другие благовония — к себе в усыпальницу, выстроенную близ храма Исиды. Там же навалили груды пакли и смолистой лучины. Стоило лишь поднести огонь — и вся эта груда вспыхнула бы в одно мгновение. Царица Египта поселилась в гробнице, не желая попасть живой в руки Октавиана.

Цезарь, не желая, чтобы безумная уничтожила такое громадное богатство, все время, пока подвигался с войском к Александрии, посылал

ей гонцов с дружелюбными и обнадеживающими письмами.

Когда Октавиан осадил Александрию, Антоний попытался дать ему отпор, но на этот раз сам был предан остатками своего войска. У него был верный раб по имени Эрот, которого Антоний уже давно уговорил помочь ему покончить с собой, если придет нужда. Теперь он потребовал, чтобы Эрот исполнил свое слово. Раб взмахнул мечом, словно готовясь поразить хозяина, но, когда тот отвернул лицо, нанес смертельный удар себе и упал к ногам Антония. «Спасибо, Эрот, — промолвил Антоний, — за то, что учишь меня, как быть, раз уже сам не можешь исполнить, что требуется». С этими словами он вонзил меч себе в живот и опустился на кровать. Но рана оказалась недостаточно глубока, и потому, когда он лег, кровь остановилась.

Умиравшего Антония доставили к Клеопатре. Царица, появившись в окне, спустила на землю веревки, которыми обмотали раненого, и собственными руками втянула его наверх.

Плутарх:

«Залитого кровью, упорно борющегося со смертью, поднимали его на веревках, а он простирал руки к царице, беспомощно вися в воздухе, ибо нелегкое то было дело для женщин, и Клеопатра, с искаженным от напряжения лицом, едва перехватывала снасть, вцепляясь в нее что было сил, под ободряющие крики тех, кто стоял внизу и разделял с нею ее мучительную тревогу. Наконец Антоний очутился наверху, и, уложив его на постель и склонившись над ним, Клеопатра растерзала на себе одежду, била себя в грудь и раздирала ее ногтями, лицом отирала кровь с его раны и звала его своим господином, супругом и императором».

Там он и умер, под душераздирающие крики своей любовницы. Но Клеопатра не решилась сгореть заживо. С помощью хитрости Октавиану удалось захватить ее живой. Он планировал провести Клеопатру в цепях в триумфальном шествии по Риму. Римлянин поверил, что царица перепугана насмерть и молит лишь о том, чтобы ей сохранили жизнь. Но Клеопатра не собиралась жить, она хотела лишь умереть достойно.

Плутарх:

«Тем временем Клеопатра собирала всевозможные смертоносные зелья и, желая узнать, насколько безболезненно каждое из них, испытывала на преступниках, содержащихся под стражею в ожидании казни. Убедившись, что сильные яды приносят смерть в муках, а более слабые не обладают желательною быстротою действия, она принялась за опыты над животными, которых стравливали или же напускали одно на другое в ее присутствии. Этим она тоже занималась изо дня в день и наконец пришла к

выводу, что, пожалуй, лишь укус аспида вызывает схожее с дремотою забытие и оцепенение, без стонов и судорог: на лице выступает легкий пот, чувства притупляются, и человек мало-помалу слабеет, с недовольством отклоняя всякую попытку расшевелить его и поднять, словно бы спящий глубоким сном».

Совершив положенные возлияния над могилой Антония, она вернулась во дворец, велела приготовить себе купание, искупалась, легла к столу. Подали богатый, обильный завтрак. В это время к дверям явился какой-то крестьянин с корзиною. Караульные спросили, что он несет. Открыв корзину и раздвинув листья, он показал горшок, полный спелых смокв. Он вел себя очень дружелюбно и даже угостил солдат смоквами, они пропустили его, откинув всякие подозрения. После завтрака, достав табличку с заранее написанным и запечатанным письмом, Клеопатра отправила ее Октавиану, выслала из комнаты всех, кроме самых доверенных служанок, и заперла дверь.

Римлянин, распечатав письмо, тут же понял, что произошло. Когда посланные им люди взломали двери, Клеопатра в царском уборе лежала на золотом ложе мертвой. Одна из двух женщин, Ирада, умирала у ее ног, другая, Хармиона, уже шатаясь и уронив голову на грудь, поправляла диадему в волосах своей госпожи. Кто-то в ярости воскликнул: «Прекрасно, Хармиона!» — «Да, поистине прекрасно и достойно преемницы стольких царей», — вымолвила служанка и упала рядом с ложем.

Скорее всего, аспида принесли вместе со смоквами, спрятанным под ягодами и листьями. Но возможно, что змею держали в закрытом сосуде для воды и Клеопатра долго выманивала и дразнила ее золотым веретеном, покуда она не выползла и не впилась ей в руку повыше локтя. Есть версия, что никакой змеи не была, а царица прятала яд в полый шпильке, которая постоянно была у нее в волосах. Однако ж ни единого пятна на теле не выступило, и вообще никаких признаков отравления не обнаружили. Впрочем, и змеи в комнате не нашли, но некоторые утверждали, будто видели змеиный след на морском берегу, куда выходили окна, а на руке Клеопатры виднелись два легких, чуть заметных укула. Это, вероятно, убедило и Октавиана, потому что в триумфальном шествии несли изображение Клеопатры с прильнувшим к ее руке аспидом.

Октавиан, хотя и был раздосадован смертью Клеопатры, велел с надлежащей пышностью похоронить царицу рядом с Антонием. Почетного погребения были удостоены по его приказу и обе доверенные служанки.

Клеопатра умерла тридцати девяти лет; двадцать два года она занимала

царский престол и более четырнадцати правила совместно с Антонием. Антоний прожил, по одним сведениям, пятьдесят шесть, по другим — пятьдесят три года.

Он оставил семерых детей от трех жен, и лишь самый старший из них, Антулл, был казнен Цезарем, всех прочих приняла к себе Октавия и вырастила наравне с собственными детьми. Цезарион — старший сын Клеопатры от Цезаря, был убит по приказу Октавиана. Дочь Клеопатры, Клеопатра-Селена впоследствии вышла замуж за царевича Ююбу — такого же римского пленника, как и она сама. Ее внучкой считала себя прославленная царица Зенобия.

Зенобия

Зенобия Септимия — это римское прочтение, для арабов ее имя звучало как Зейнаб. Была эта замечательная женщина второй женой царя Пальмиры Одената II. Жили они во второй половине третьего века нашей эры. Сирийская Пальмира, ныне полностью уничтоженная террористами, в третьем веке нашей эры была великолепным городом. Оазис процветал, давая приют караванам из разных стран мира: Финикии, Эмессы, Дамаска, Египта и даже Индии и Китая. Еще в начале II века Пальмира стала колонией Римской империи. Когда в 260 году персидский царь Шаптур I захватил в плен римского императора, разгромил его легионы и оккупировал большую часть Сирии, то именно властитель Пальмиры Оденат выступил против персов, разгромил их и гнал до самых ворот персидской столицы. Рядом на поле битвы находилась и его жена Зенобия. Новый римский император Галлиен провозгласил Одената вице-императором Востока, т. е. вторым человеком в Римской империи. Оденат был объявлен командующим всеми римскими легионами в Азии и получил полную власть над Сирией, Аравией и даже Арменией. Однако дружба с римлянами была недолговечной: те вскоре пожалели, что дали восточному варвару столь великую власть. В 266 году Оденат и его старший сын были приглашены в Эмессу, где их предательски убили. В Пальмире оставались царица Зенобия и младший сын Одената Вабаллат, которому едва исполнилось 10 лет.

Зенобия, не медля, возвела на престол Вабаллата и объявила себя царицей Востока. Она решительно отказалась признать императором Аврелиана и объявила Рим своим врагом. Военачальники присягнули на верность прекрасной царице. Римские гарнизоны бежали из сирийских

городов.

Ранее Зенобия сопровождала мужа в каждой битве, теперь она доказала, что отлично разбирается в военном искусстве. К тому же царица была сильна физически и очень вынослива: она могла пройти пешком вместе с солдатами несколько миль без отдыха, а в битвах всегда была среди воюющих. Следующие десять лет царица непрестанно воевала. Теперь ее владения простирались от Египта на юге до пролива Босфор на севере. Зенобия завоевала всю Сирию и Палестину, покорила Египет и почти всю Малую Азию. Пальмира украсилась роскошными зданиями, ко двору Зенобии были созваны греческие художники и ученые.

Но небольшой Пальмирский оазис не мог обеспечить огромную армию всем необходимым для долгой войны, а захваченные Зенобией племена и народы часто были недовольны ее правлением: в их глазах она была ничем не лучше римлян.

Император Аврелиан выступил против Зенобии и осадил Пальмиру. Осада была долгой. Император перехватывал отряды, посылаемые союзниками на помощь Зенобии; других ее «союзников» он подкупал... В конце концов город пал. Зенобия пыталась бежать, но была схвачена; сын ее умер от болезни.

Во время триумфа императора Зенобию, закованную в золотые цепи, провели перед колесницей императора. Дальнейшая ее судьба неясна: одни говорят, что она уморила себя голодом, другие — что Аврелиан подарил ей поместье и выдал замуж за сенатора.

Древняя Греция и Рим

Увы, быть женщиной в эллинистическое время считалось несчастьем — греки открыто признавали это. Женщины не имели никаких прав, им почти не давали образования, и они редко покидали пределы дома. Жизнь «приличной» женщины была унылой и однообразной: она вела хозяйство и рожала детей, но даже собственному мужу была малоинтересна. Свои сексуальные аппетиты мужчины удовлетворяли с рабынями или с мальчиками; для остроумной приятной беседы и прочих развлечений посещали дома гетер. Древнегреческий оратор и политический деятель Демосфен говорил, что уважающий себя грек имеет трех женщин: жену — для продолжения рода, рабыню — для чувственных утех и гетеру — для душевного успокоения.

Фрина, Мильто, Таис Афинская, Аспазия — имена этих женщин

сохранила история. Подчас их слава равнялась известности современных кинозвезд.

Необыкновенной красотой славилась Фрина — любимая модель Праксителя. Рассказывают, что однажды кто-то из именитых граждан Афин возмутился, что скульптор изваял статую богини, используя блудницу как натурщицу. Тогда Пракситель привел Фрину в суд и публично сдернул с нее одежду. Пораженные красотой молодой женщины судьи сняли обвинения, а Фрина еще не раз изображала богиню на праздниках.

Не менее знаменита была Аспазия — уроженка города Милета. Красивая и умная, обаятельная и искусенная в интригах, она заводила связи с мужчинами только самого высокого ранга. Многие в Афинах искали ее общества не ради секса, но ради бесед с нею. Многие ее любовники выбивались в люди благодаря мудрым советам этой женщины. Даже философ Сократ иногда ходил к ней со своими знакомыми, и ученики его иногда приводили к ней своих жен для поучительной беседы. Ведь афинянки из приличных семей умели следить за домом и слугами, рожать и растить детей — и не перечить мужу. И все! Их сызмальства воспитывали так, что они больше ни в чем не разбирались и ничем не интересовались, а значит, интеллигентным молодым людям было совершенно не о чем разговаривать со своими «лучшими половинами». Вот и получалось так, что они посещали «веселые дома» не ради плотских утех, а чтобы интересно и приятно провести время. Там их встречали умные и образованные женщины, с которыми можно было поболтать о поэзии и философии, обсудить городские дела. Гетеры умели петь, танцевать, декламировать стихи. Ну а секс служил лишь дополнением ко всем этим удовольствиям.

Знаменитый оратор и полководец Перикл пленился Аспазией именно как умной, развитой женщиной, понимавшей толк в государственных делах. До Аспазии у Перикла была законная жена, родившая ему двоих сыновей. Потом, когда совместная жизнь перестала им нравиться, супруги развелись. Та женщина вышла замуж за кого-то другого, а Перикл взял в свой дом Аспазию и чрезвычайно ее любил. Говорят, при уходе из дома и при возвращении с площади он ежедневно приветствовал ее и целовал. Но пожениться они не могли, так как Аспазия не была афинской гражданкой. Враги Перикла называли Аспазию «наложницей со взглядом бесстыдным». От Аспазии у Перикла был сын, названный в честь отца. Увы, мальчика долго попрекали тем, что он «блуднице родня».

Аспазия родом была из Милета. Возможно, именно по ее просьбе

Перикл провел в Народном собрании постановление о вмешательстве в войну Милета с островом Самос. Эта война затянулась и не приносила Афинам никакой пользы: известно, что пленных афинян жители Самоса клеймили, выжигая на лбу силуэт совы. И теперь Перикла обвинили, что из-за просьбы Аспазии он нанес Афинам вред, предал интересы города. Политические противники грозили Периклу, хоры пели насмешливые песни, чтоб его осрамить, издевались над его командованием, называя его трусливым и отдающим отечество в жертву врагам. Саму же Аспизию обвинители выставляли сводней, поставляющей Периклу молодых любовниц.

Плутарх пишет, что Перикл все же вымолил ей пощаду, пролив за нее во время разбирательства много слез. Но самого Перикла по приговору суда лишили должности стратега и наложили на него штраф, размер которого некоторые определяют в пятнадцать талантов, а некоторые даже в пятьдесят. Между тем Перикл, хоть и обладал огромной властью, богат не был.

Клавдий Элиан:

«Во время своей стратегии Перикл ввел в Афинах такой закон: если один из родителей не афинский гражданин, дети от такого брака не могут быть признаны афинскими гражданами. Но его самого постигло за это возмездие. Ведь двое сыновей Перикла, Парал и Ксантипп, погибли во время чумного поветрия, у оставшегося же в живых третьего сына, Перикла, мать не была афинской гражданкой, так что по закону, учрежденному отцом, он не пользовался гражданскими правами».

Сапфо

Древнегреческая поэтесса Сапфо, родившаяся на острове Лесбос, в Митилене тоже окончила школу гетер, несмотря на то что происходила из семьи аристократа. Царя Митилены свергли, и олигархи тут же принялись бороться за право стать тираном, т. е. самовластным правителем города. Отец Сапфо умер, не вынеся потрясений, а мать вместе с детьми вынуждена была бежать из родного города, оставшись совершенно без средств. Братья Сапфо поступили на военную службу, но как быть с девочкой? К тому же с некрасивой девочкой: слишком худой и смуглой, маленького роста, угловатой... Но в школе гетер любого гадкого утенка могли превратить в лебедя! Вот мать Сапфо и решила развить ее музыкальный слух, грацию и природный ум, отдав дочку в школу гетер.

Это себя оправдало: дурнушка научилась прекрасно танцевать, петь, играть на музыкальных инструментах. Девушка была остроумна, владела стихосложением, разбиралась в классической поэзии. Она привлекла внимание немолодого, но очень богатого человека Керкила и вышла за него замуж. Семейство вернулось на Лесбос, Сапфо родила дочь и несколько лет была счастлива и довольна жизнью.

На Лесбосе женщина пользовалась гораздо большей свободой, чем в Афинах: островитянки занимались изящными искусствами, музыкой, пением, пляской. В богатом доме Сапфо собирался кружок молодых девушек, которых она обучала изящным искусствам. Поэтесса возглавила Школу риторики («Дом служительниц муз»), посвященную Афродите, и обучала знатных девушек танцам, музыке и стихосложению.

В храм волоокой богини Геры толпою идите,
Девы лесбосские, там пляску начните свою;
В честь богини составьте вы хор, и стройная Сапфо
Вас поведет под звуки лиры своей золотой.
Весело кружитесь вы, руками в такт ударяя,
И как богиня, она песни свои вам поет.

Все было хорошо: стареющий муж гордился своей умницей-женой, подруги уважали ее, ученицы любили... Но тут на острове разразилась страшная эпидемия. Моровое поветрие разом отняло у Сапфо и мужа, и дочь.

Сапфо была готова покончить с собой от горя, и лишь поэзия и поддержка подруг удержали ее от этого: она была нужна своим ученицам, своим друзьям. Осознав это, всю вторую половину жизни Сапфо посвятила «Дому служительниц муз», воспитывая талантливых и умных девушек, интересных в общении. В стихах она воспевала наслаждения жизни и предпочитала проводить время с «милыми подругами», «прекрасноволосыми дочерями Зевса». По ее стихам можно предположить, что древняя поэтесса злоупотребляла алкоголем: «Явись, о, Киприда, / И сама разлей на пиру веселом / Нектар дорогой в золотые кубки, / Мать наслаждений!» — восклицала Сапфо. По легенде, состарившись и утратив женскую привлекательность, Сапфо покончила с собой, бросившись со скалы в море.

Ученицей Сапфо считают знаменитую гетеру Родопис, ставшую египетской царицей.

Имя Родопис означает «розовощекая». Легенда рассказывает, что однажды во время купания орел похитил одну из сандалий Родопис и

принес в Мемфис; в то время когда царь на площади производил суд, орел, паря над его головой, бросил добычу ему на колени. Царь же, изумленный как прекрасной формой сандалии, так и странным происшествием, послал людей во все стороны на поиски женщины, которая носила эту обувь. Родопис нашли в городе Навкратисе и привезли в Мемфис, она стала женой царя. Вот такая древнеегипетская Золушка!

Глава 2

Женщины Средних веков

Императрица Феодора — гетера, ставшая царицей

После падения Западной Римской империи центром мировой культуры стала Византия, Восточная Римская империя. Ее столица Константинополь слыла роскошнейшим городом мира. Расположенный на границе Востока и Запада, он вобрал в себя специфические черты той и другой культуры. Несметные богатства и ужасающая нищета, величественные мраморные дворцы и убогие хижины бедняков, веселые праздники, сопровождавшиеся цирковыми представлениями, и длительные строгие посты, крайняя религиозность и основанная на лицемерии общественная мораль, расцвет наук и искусств, самая изысканная роскошь, придворные интриги и жестокие казни — все это делало Константинополь пугающим и манящим одновременно.

Клавдий Элиан:

«Известно, что жители города Византия страшные пьяницы; поэтому они живут в харчевнях, а свои дома сдают в наем приезжающим в город чужеземцам. И не только одни дома, но и жен в придачу, так что повинны в двух пороках: пьянстве и сводничестве».

Любовь к развлечениям была столь сильна среди ромеев — так византийцы сами называли себя, — что жители Константинополя делились на партии не по политическим пристрастиям, а по тому, за какую спортивную команду они болели. Самыми популярными были «синие» (венеты) и «зеленые» (прасины), названные по цвету, в который были выкрашены их гоночные колесницы, соревновавшиеся на Ипподроме — огромной площади, предназначенной для спортивных состязаний и различных мероприятий. Партии имели влияние в военных, политических и богословских вопросах, а порой их сравнивают с преступными синдикатами. Именно на Ипподроме часто решались государственные дела, там началось и одно из мощнейших восстаний — восстание Ника. Названо оно не по имени предводителя, а по лозунгу восставших «Побеждай», по-гречески — «Ника».

Две враждующие партии «синих» и «зеленых» устроили потасовку во время проведения гонки колесниц. Венеты в правление Юстиниана в основном представляли вельмож, патрициев и землевладельцев, а прасины — городские низы, ремесленников; хотя среди и тех и других были сенаторы, Юстиниан благоволил прасинам.

Венеты потребовали отречения от престола императора Юстиниана, находившегося тут же — в ложе. Он приказал схватить зачинщиков и казнить их, но это не помогло: начался бунт. Начали его «синие», но когда дело дошло до грабежей, к ним охотно примкнули и «зеленые».

Восставшие громили частные дома и лавки, избивали сборщиков налогов, жгли их списки, выпустили из тюрьмы заключенных. Город был основательно разрушен, погибли многие знаменитые здания: Октагон, Бани Зевскиппа, собор Святой Софии с государственным хранилищем Актов Империи, церковь Святой Ирины. Счет убитых шел на тысячи.

Бунтовщики выдвинули нового императора — племянника императора Анастасия, правившего еще до отца Юстиниана. Покойный Анастасий имел трех племянников — Помпея, Пробуса и Ипатия; в свое время их обошли на выборах, предпочтя Юстина, а теперь вспомнили об их «правах». Пробус, не желая в этом участвовать, бежал из города, Помпей спрятался во дворце, а Ипатия, запершегося в своем доме, толпа вытащила на улицу и торжественно короновала. Перепуганный и растерянный поначалу, на второй день он уже вполне освоился со своей ролью и стал отдавать распоряжения. Бунтовщики собирались штурмовать императорский дворец, где заперся Юстиниан.

Во дворце началась паника, Юстиниан уже рассматривал план побега. Удержала его царица — Феодора, произнеся знаменитые слова о том, что царский пурпур — лучший саван.

Прокопий Кесарийский:

«Василевс Юстиниан и бывшие с ним приближенные совещались между тем, как лучше поступить, остаться ли здесь или обратиться в бегство на кораблях. Немало было сказано речей в пользу и того, и другого мнения. И вот василиса Феодора сказала следующее: „Теперь, я думаю, не время рассуждать, пристойно ли женщине проявить смелость перед мужчинами и выступить перед оробевшими с юношеской отвагой. Тем, у кого дела находятся в величайшей опасности, не остается ничего другого, как только устроить их лучшим образом. По-моему, бегство, даже если когда-либо и приносило спасение и, возможно, принесет его сейчас, недостойно. Тому, кто появился на свет, нельзя не умереть, но тому, кто однажды царствовал, быть беглецом невыносимо. Да не лишиться мне этой порфиры, да не дожить до того дня, когда встречные не назовут меня госпожой! Если ты желаешь спасти себя бегством, василевс, это нетрудно. У нас много денег, и море рядом, и суда есть. Но смотри, чтобы тебе, спасшемуся, не пришлось предпочесть смерть спасению. Мне же нравится древнее изречение, что царская власть — прекрасный саван“. Так сказала

василиса Феодора. Слова ее воодушевили всех, и, вновь обретя утраченное мужество, они начали обсуждать, как им следует защищаться, если кто-либо пошел бы на них войной».

Агенты Юстиниана отправились к тем аристократам, что примкнули к восставшим, объяснив им, что они не понесут никакого наказания, если раскаются в своем заблуждении. Многим из них были даже предложены за это деньги, и немалые. Этот ход принес немало выгоды: напуганные размахом грабежей и насилия аристократы с радостью заверили василевса в своей полной благонадежности. Сохранившие верность Юстиниану войска напали на собравшихся на Ипподроме бунтовщиков и устроили резню. Погибло более тридцати пяти тысяч человек. Те сенаторы, что оставались с восставшими, были казнены. Ипатий был захвачен в плен. Юстиниан колебался, стоит ли лишать его жизни: ведь толпа вытащила беднягу из дома силком и он сам не рвался в правители, но Феодора была тверда и настояла на казни. Эта женщина умела принимать решения и настаивать на своем.

Кем же была эта сильная женщина, ставшая царицей отнюдь не по рождению?

«Она была грешницей, но затем раскаялась», — говорится в ее официальной биографии. Историк Иоанн Эфесский более откровенен: «Она пришла из борделя», ну а благодаря Прокопию Кесарийскому, секретарю близкого к императору полководца Велизария, мы знаем все подробности ее карьеры.

В клане «зеленых» был некто Акакий, надсмотрщик над цирковыми зверями. Этот человек умер, оставив трех дочерей: Комито, Феодору и Анастасию, старшей из которых не было еще семи лет. Наследницей его должности считалась жена, но подкупленный глава «зеленых» отстранил вдовицу от работы и назначил на нее того, кто дал ему взятку. Женщина была в отчаянии: ведь ей грозила голодная смерть. Рассчитывая на милость своих юных дочерей, она в день большого соревнования украсила их венками из цветов и поставила у входа в цирк на колени молить о милости. «Зеленые» не обратили на девочек никакого внимания, а вот «синие» проявили снисхождение: оказывается, у них тоже недавно освободилось место надсмотрщика за зверями, и они определили на эту должность бедную вдову, а заодно и нового мужа ей подыскали. При Ипподроме был и театр, где исполнялись вульгарные фарсы и комедии со скабрёзными сюжетами, а актеры появлялись на сцене почти обнаженными — их тела прикрывала лишь обязательная по закону тонкая набедренная повязка. Ни петь, ни танцевать актеры почти не умели, сценические

выступления служили лишь прикрытием, на самом деле их основной профессией была проституция. В это заведение и поступили подрастающие Комито, Феодора и Анастасия. Поначалу Феодора сопровождала свою старшую сестру — Комито, наподобие служаночки-рабыни, а затем и сама стала участвовать в представлениях. Прямо на сцене она раздевалась до набедренной повязки, затем некоторое время танцевала и делала гимнастические упражнения, выгибаясь назад и делая «мостик», затем ложилась на спину.

Служители, на которых была возложена эта работа, бросали зерна ячменя ей на живот, грудь и на «срамные места», а гуси, специально для того приготовленные, вытаскивали их клювами и съедали.

Прокопий Кесарийский:

«Феодора, будучи пока незрелой, не могла еще сходить с мужчинами и иметь с ними сношение как женщина, но она предавалась любострастию на мужской лад с негодьями, одержимыми дьявольскими страстями, хотя бы и с рабами, которые, сопровождая своих господ в театр, улучив минутку, между делом предавались этому гнусному занятию. В таком блуде она жила довольно долго, отдавая тело протiwоестественному пороку. Но как только она подросла и созрела, она пристроилась при сцене и тотчас стала гетерой из тех, что в древности называли „пехотой“. Ибо она не была ни флейтисткой, ни арфисткой, она даже не научилась пляске, но лишь продавала свою юную красоту, служа своему ремеслу всеми частями своего тела».

После спектаклей артисток часто приглашали в богатые дома для развлечения гостей. Такое застолье обычно заканчивалось оргией и могло обернуться для неопытной гетеры большими неприятностями. Но Феодора умела выходить невредимой из любой ситуации.

Прокопий Кесарийский:

«Была она необыкновенно изящна и остроумна. Из-за этого все приходило от нее в восторг. У этой женщины не было ни капли стыда, и никто никогда не видел ее смущенной, без малейшего колебания приступала она к постыдной службе. Она была в состоянии, громко хохоча, отпускать остроумные шутки и тогда, когда ее колотили по голове... Отдаваясь своим любовникам, она подзадоривала их развратными шутками и, забавляя их все новыми и новыми способами половых сношений, умела навсегда привязать к себе распутные души».

Надо признать, что этот древний автор патологически ненавидел Феодору и собирал о ней всевозможные непристойные сплетни, мало задумываясь об их достоверности. Порой он сообщает совершенно

фантастические истории: «Она часто приходила на обед, вскладчину сооруженный десятью, а то и более молодцами, отличающимися громадной телесной силой и опытными в распутстве, и в течение ночи отдавалась всем сотрапезникам; затем, когда все они, изнеможенные, оказывались не в состоянии продолжать это занятие, она отправлялась к их слугам, а их бывало порой до тридцати, спаривалась с каждым из них, но и тогда не испытывала пресыщения от этой похоти».

Она часто бывала беременной и с помощью различных настоек вызывала у себя выкидыши. Ее здоровье от этого сильно пострадало, и, выйдя замуж, Феодора уже не могла родить, а затем женские болезни стали причиной ее ранней смерти.

Репутация ее в то время была ужасна, и «когда кому-либо из более благопристойных людей случалось встретить ее на рынке, они отворачивались и поспешно удалялись от нее, чтобы не коснуться одежд этой женщины и таким образом не замарать себя этой нечистью».

Кроме сестер, она ни с кем не поддерживала дружеских отношений, относясь к выступавшим вместе с ней актрисам «как лютейший скорпион». Она безжалостно высмеивала конкуренток, стремясь их всячески унижить.

Врагов у нее было много, и многие желали ей зла. Нанятая для услаждения архонта города Тира, она чем-то ему не угодила (возможно, оказалась чересчур остроумной) и была изгнана из его дома, а после и из театра. Из-за этого она оказалась на самом дне, испытывая недостаток в самом необходимом. Прокопий сообщает, что гетера была вынуждена торговать своим телом прямо на улице. Для большинства ее коллег это стало бы крахом, ямой, из которой уже не выбраться. Но не такой была Феодора!

Она оставила Константинополь и отправилась в Александрию — город, знаменитый своими гетерами, до тонкостей изучившими искусство любви. Там Феодора научилась многому, в том числе — разнообразным косметическим ухищрениям, позволившим ей надолго сохранить красоту.

Прокопий Кесарийский:

«За телом своим она ухаживала больше, чем требовалось, но меньше, чем она желала. Ранее раннего она отправлялась в бани и очень поздно удалялась оттуда. Завершив омовение, она направлялась завтракать, позавтракав, отдыхала. За завтраком и обедом она отвеживала всякой еды и питья, сон же у нее всегда был очень продолжительным, днем до сумерек, ночью — до восхода солнца».

Искусство косметики в то время было весьма развито. Женщины использовали всевозможные помады, румяна, подводили глаза, чернили

ресницы. Их грим был вычурным и ярким, даже гротескным, но все же производил нужное впечатление.

Вот как описывает романист XIX века туалет александрийской гетеры:

«Краски для лица и тела самых разнообразнейших оттенков лежали в небольшом ларчике розового дерева, который привезли с острова Диоскорид. Рабыня окунула кисточку из верблюжьей шерсти в черную краску и подчеркнула изгиб ока, чтобы оттенить синеву глаз. На веки она положила голубые тени; два ярко-красных треугольника легли на скулы. Для того чтобы краска не размазывалась от поцелуев или слез, нужно было натереть лицо и грудь нежной мазью из воска и масла; затем Джала взяла мягкое перышко, обмакнула его в свинцовые белила и провела белые линии вдоль рук и на шее Кризи; обвела контуры губ и подкрасила кончики грудей; пальцы рабыни, которые только что нанесли на щеки румяна, обозначили на боках по три глубокие складки, а на ягодицах — две игривые ямочки. Затем окрашенным кожаным тампоном она провела по локтям Кризи и подновила цвет ногтей. Туалет был окончен».

В Александрии Феодора познакомилась с новыми для себя людьми — христианами-монофизитами. Это богословская доктрина, согласно которой в Иисусе Христе признается только одна-единственная природа — божественная. Вряд ли гетера испытывала интерес к теологии, но эти люди сумели ее заинтересовать и привлечь на свою сторону, возможно потому, что их мораль и нравы сильно отличались от принятых в Константинополе.

Незадолго до этого в Византии сменилась династия: восьмидесятилетний император Анастасий умер в 518 году, не оставив прямого наследника. Начались выборы нового властителя: во дворце собрались высшие чиновники и патриарх, а на Ипподроме — деды, то есть народ.

Сначала императором назвали одного из офицеров, некоего Иоанна, впоследствии ставшего епископом Гераклеи, и подняли его на щит. Однако венеты не поддержали его, выдвинув свою кандидатуру. Другие фракции предложили своих людей.

Наконец сенаторы согласились на кандидатуру Юстина, дядю Юстиниана. Но были и несогласные: новоизбранному императору даже разбили губу в драке. Однако решение сената было поддержано армией, и демам пришлось смириться. Юстин вышел на Ипподром, «синие» и «зеленые» приветствовали его. Новому императору были вручены знаки царской власти: пурпурные одежды и золотая цепь. Патриарх возложил на его голову корону.

Прокопий Кесарийский пишет, что Юстин не сделал для страны ничего

хорошего и ничего плохого, оставаясь и на троне крестьянским мужиком. Он до конца жизни был неграмотным и для подписи указов прибегал к хитрости: обводил буквы по специальному трафарету. Фактически Юстин совершенно не занимался управлением страной, предоставив власть своим чиновникам.

Имена родителей Юстина I до нас не дошли, но совершенно точно, что они не принадлежали к знати. Жену Юстина звали Луппикина, он купил ее в молодости как рабыню. Юстин дал ей вольную и даже женился на ней. Имя Луппикина казалось современникам смешным и неблагозвучным (Лупа по латыни значит и волчица, и проститутка). Став императрицей, женщина стала называться Евфимией. Детей у них не было, и в апреле 527 года Юстин назначил соправителем своего племянника, сына своей сестры Бигленицы, Юстиниана, который несколько месяцев спустя унаследовал трон. Отцом Юстиниана считался некий Савватий, человек ничем не примечательный, но Бигленица, по примеру многих своих предшественниц, постаралась преподнести миру иную версию. «Мать Юстиниана говаривала кому-то из близких, что он родился не от мужа ее Савватия и не от какого-либо человека. Перед тем как она забеременела им, ее навестил демон, невидимый, однако оставивший у нее впечатление, что он был с ней и имел сношение с ней, как мужчина с женщиной, а затем исчез, как во сне», — сообщает Прокопий Кесарийский, добавляя, что «в Юстиниане не было ничего от царского достоинства, да он и не считал нужным блюсти его, но и языком, и внешним видом, и образом мыслей он был подобен варвару».

Именно Юстинианом был подписан декрет о закрытии Платоновой (точнее, неоплатонической) академии в Афинах в 529 году — эта дата традиционно считается событием, завершающим период Античности и знаменующим начало Средневековья.

Иоанн Малала:

«После василевса Юстина I апреля пятого индикта, по антиохийскому исчислению 575 года, в консульство Мавортия воцарился божественный Юстиниан. Он процарствовал 38 лет, 7 месяцев и 13 дней. Был он невысокого роста, широкогрудый, с красивым носом, белым цветом лица, вьющимися волосами. Был он круглолиц, красив, несмотря на то что у него не было волос на лбу, цветущий на вид, (хотя) борода и голова его поседали, великодушный, христианин. Любил партию венетов. Он был фракийцем, родом из Бедерианы».

Побывав во многих городах Востока, много повидав и повзрослев, Феодора вновь вернулась в Константинополь. Ей исполнилось уже около

двадцати пяти лет, что при ее образе жизни было немало. Сохранилось описание ее внешности в те годы: Феодора была красива лицом и к тому же исполнена грации, но невысока ростом, бледнолица, однако не совсем белая, но скорее желтовато-бледная; взгляд ее огромных черных глаз из-под темных четко очерченных бровей был выразителен, а после обретения власти — грозен.

Неизвестно, на каком празднике император впервые увидел свою будущую супругу, однако влюбился он в нее сразу и до безумия. Он осыпал ее подарками, выделил ей богатое содержание и даже, желая возвысить свою любовницу, возвел ее в сан патрикии.

Мечтая жениться на любимой, Юстиниан даже уговорил дядю отменить старый закон, запрещающий человеку, достигшему звания выше сенаторского, жениться на блуднице. Василевс — глубокий старик — уже не внушал подданным никакого почтения и плохо понимал, что происходит вокруг. Перед Юстинианом же все в страхе пресмыкались.

Однако старая василиса, императрица Луппкина-Евфимия, решительно воспротивилась этому браку. Эта невежественная, простая женщина, чуждая всякой испорченности, была крестьянкой ничего не смыслила в государственных делах, зато придерживалась традиционной морали и ни за что не допустила бы брак пасынка с бывшей проституткой. Вплоть до смерти Евфимии Феодора считалась лишь сожительницей, но не женой Юстиниана, а спустя несколько месяцев после кончины старой василисы они торжественно обвенчались в соборе Святой Софии. В апреле 527 года Феодора была коронована вместе с супругом. Старый Юстин умер спустя пять месяцев после их коронации.

Этот брак шокировал многих. По общему разумению, император должен был жениться на женщине благородной, воспитанной вдали от чужих глаз, исполненной чувства глубокой стыдливости и скромности.

Скромная благонравная императрица, невежественный император — что может быть лучше для знати и пронырливых госчиновников? Но эти надежды не сбылись.

Нашлись люди, которые принялись роптать и заявили, что считают недостойным повиноваться бывшей гетере. Такие люди просто исчезали: императрица приглашала их во дворец словно для беседы, и больше они домой не возвращались. Ходили страшные слухи о подземной тюрьме, похожей на лабиринт, вход в которую был прямо из гинекея — женских комнат дворца. То были тайные помещения, скрытые, темные и не имеющие никакого сообщения с миром, где не было различия между днем и ночью. Даже если спустя много лет кому-то и удавалось обрести свободу,

то на него смотрели как на воскресшего из мертвых. Феодора, став василисой, не упускала случая отомстить тем, кто когда-то унижал ее саму.

Прокопий Кесарийский:

«Одного... сенатора она, конфисковав все его имущество, заключила в совершенно темное подземелье, привязав его петлей, накинутаю на шею, к стойлу; веревка эта была столь короткой, что он не мог ни выпрямиться, ни распустить петли. Находясь все время в таком положении привязанным к стойлу, этот несчастный должен был и есть, и спать, и выполнять все другие физические потребности, и, чтобы во всем быть похожим на осла, ему оставалось только (научиться) реветь. В таком состоянии этот человек провел здесь больше четырех месяцев, пока он не стал страдать болезнью, так называемой меланхолией, и окончательно не сошел с ума; тогда он был выпущен из этого узилища и вскоре после этого умер».

Как-то повлиять на Феодору, заморочить ей голову, внушить ей что-то, воззвать к ее человеколюбию — не представлялось возможным. «Она никогда и ничего не совершала по чужому внушению или побуждению, но с непреклонной настойчивостью всеми силами осуществляла свои решения, и никто не отваживался испросить у нее милости для того, кто стал жертвой ее недовольства, — сообщает биограф. — Государство погрязло в рабологии, получив в ее лице надсмотрщика рабов».

Однако Феодора ценила преданных ей людей и многое им прощала, охотно покрывая мелкие грешки своих друзей. Так, например, ее подруге Антонине сходили с рук многочисленные любовные похождения. Ее супруг — полководец Велизарий — как-то попытался возмутиться и был немедленно обвинен в государственной измене. Но Антонина вовсе не собиралась вдоветь! Две женщины разыграли целый спектакль: в дом Велизария прибыл посланец императрицы, больше похожий на наемного убийцу. Но вместо кинжала или яда он показал полководцу письмо, в котором василиса даровала ему прощение исключительно ради его супруги. Обманутый и униженный патрикий был вынужден целовать ноги своей неверной жены, а василисе отправить богатые подарки.

Феодора вообще крайне терпимо относилась к женской неверности и даже назначила штрафы, которые должны были платить мужья, клеветнически обвинившие своих жен в измене. А однажды василиса приказала для острастки, чтобы не говорил ерунды, выпороть новобрачного, утверждавшего, что он «нашел сосуд уже просверленным»: невестой была дочь ее давней подруги — гетеры.

Сословие патрикиев она презирала и ненавидела, находя удовольствие в том, чтобы унижать и высмеивать тех, кто некогда мог подобным

образом относиться к ней самой. Она не испытывали ни малейшей жалости к тем, кто никогда не знал подлинной нужды.

Бывшая актриса, она любила придавать и дворцовой жизни подобие спектакля, в котором сама всегда играла главную роль.

Как-то к ней явился некий патрикий жаловаться на должника, просрочившего возврат долга. Он, как полагалось, пал перед ней ниц и со слезами на лице сказал: «О владычица, тяжело мужу-патрикию испытывать нужду в деньгах. То, что к другим вызывает сочувствие и жалость, оборачивается оскорблением для человека этого сана, так как бедность не сочетается с этим сословием». Речь его была долгой, причем упирал он именно на знатность своего рода. Императрица нараспев ответила: «О патрикий такой-то!» А хор евнухов подхватил ей в ответ: «Ну и большая же у тебя грыжа». Опешивший проситель стал повторять свои жалобы — но каждый раз ему отвечали насмешками.

Впрочем, подобное презрение у нее вызывали лишь люди знатные и богатые. Другой ее биограф — Иоанн Малала — отзывался об императрице с уважением, упоминая о ее «добрых делах». В частности, он описывает ее борьбу с содержателями борделей, скупавшими у бедняков их дочерей. «Так называемые содержатели притонов шныряли вокруг, высматривая повсюду бедняков, имеющих дочерей, и, дав им обещания и немного номисм (денег — *М. Б.*), они забирали тех девиц якобы на воспитание». Само собой, ни о каком воспитании речи не было: девушек заставляли заниматься проституцией. Феодора провела рейды по улицам и собрала таких девиц, а потом тщательно допросила, вызнав, за какую сумму их купили. «Те сказали, что дали по пять номисм за каждую девицу. После того как сказанное было подтверждено клятвой, благочестивая василиса, дав деньги, освободила девиц от ярма горького рабства, повелев, чтобы не было содержателей притонов, а девиц, одарив одеждой и дав по номисме, отпустила».

Известно, что она основала монастырь для публичных женщин, решивших оставить свое ремесло. Впрочем, не всегда они попадали в это заведение добровольно, есть сведения, что устав там был настолько суров, что некоторые грешницы бросались со скалы в море, не желая себе такой «добродетельной» жизни. Нетерпима Феодора была и к гомосексуалам и сурово их преследовала. Наказанием за мужеложство служило публичное оскотление.

Прокопий Кесарийский:

«Прогневалась она на некоего Васиана, принадлежавшего к прасинам молодого человека знатного рода, по той причине, что он ее ругательски

ругал. Поэтому Васиан (ибо до него дошел слух о ее гневе) бежал в храм Архангела. Она тотчас направила к нему стоящего над народом архонта, повелев предъявлять ему обвинение не в том, что он бранил ее, но приписать ему мужеложество. Архонт извлек его из храма и подверг невыразимо мучительному наказанию. И весь народ, видя, какие несчастья выпали на долю человека благородного и искони воспитанного в неге, тотчас преисполнился сострадания к нему и с плачем принялся кричать до небес, прося пощадить юношу. Та же подвергла его еще более тяжкому наказанию, отсекла ему срамные места и погубила его, не имея против него никаких улик, а имущество отписала в казну. Таким образом, когда эту бабу охватывал гнев, безопасности не давали ни храм, ни запрет со стороны закона; мольбы целого города оказывались бесполезны, чтобы спасти попавшего в несчастье, и ничто другое не могло оказаться препятствием на ее пути».

Но даже самые злоязычные биографы Феодоры не решались усомниться в ее любви к мужу и его ответном чувстве к ней. «Они в своей совместной жизни ничего не совершали друг без друга», — признает даже Прокопий Кесарийский. Когда однажды императрицу заподозрили в чрезмерном пристрастии к молодому и очень красивому рабу, она, без всякой его вины, а лишь для того, чтобы развеять все подозрения, приказала жестоко высечь его плетьюми и отправить вон из дворца.

Она участвовала во всех делах своего мужа, и василевс не решался предпринимать какие-либо дела, не посоветовавшись с супругой. Сенат же, «словно изображение на картине, не являясь господином своих решений и не обладая влиянием для доброго дела, но собирався лишь для вида, ради соблюдения древнего закона».

Феодора была весьма религиозна и покровительствовала священникам-монофизитам: способствовала избранию патриархом Анфима, а после его низложения в 536 году укрывала его двенадцать лет в тайной келье своего дворца, где было устроено подобие монастыря. Ее биограф, епископ Иоанн Эфесский, сообщает, что Феодора втайне от Юстиниана отправила миссионеров-монофизитов к племени нобадов в Нубию: «Царица горела ревностью Божией, она приняла (его) с радостью и обещала, что будет сделано все, чтобы отвратить этот народ от заблуждения почитания идолов».

Детей у Феодоры и Юстиниана не было, но есть сведения о двух внебрачных детях, рожденных ею еще в бытность гетерой. Мальчик по имени Иоанн был воспитан в Аравии отцом, потом вернулся в Константинополь к матери... и исчез. Прокопий убежден, что Феодора

сама умертвила сына, испугавшись гнева Юстиниана, но это противоречит его же собственным утверждениям, что муж был у нее «под каблуком».

Зато точно известно, что дочь Феодоры — также внебрачная — жила при дворе в Константинополе, не подвергаясь никаким опасностям и не вызывая недовольства императора. И даже Прокопий Кесарийский, ненавидевший Феодору, подтверждает этот факт: своего внука Феодора женила на дочери Антонины — своей закнутой подруги. Впрочем, почти сразу после смерти императрицы та развела молодых супругов и выдала дочь замуж за другого.

Феодора умерла в 548 году после продолжительной болезни, как полагают, от рака. Она была похоронена со всеми императорскими почестями в церкви Двенадцати апостолов в Константинополе.

Юстиниан после смерти жены более не женился. Давая торжественные обещания, он клялся ее именем, которое он увековечил в названиях многих городов Византии. Сразу после смерти василиса была объявлена святой — блаженной и доныне почитается в православной церкви.

До нас дошли аутентичные прижизненные изображения Феодоры и Юстиниана, выполненные талантливыми мастерами. Они очень точно передают облик этой четы. Наиболее знаменита мозаика в баптистерии Сан-Витале в Равенне. Императрица с супругом изображена на двух панно в тот момент, когда они подносят дары храму. Оба — в парадных уборах, окружены царедворцами. Их головы окружают нимбы.

Каково было быть женщиной в Раннем Средневековье

Феодора царствовала на востоке Римской империи. Историк считал ее излишне самовластной и жестокой. Возможно, где-то на западе правили другие королевы — благородные, мудрые и мягкосердечные? Давайте посмотрим, какой была жизнь женщин, пусть даже и знатных, в те жестокие века.

Свержение последнего Римского императора Ромула-Августула германским вождем Одоакром в 476 году нашей эры считается концом Древнего мира и началом Средневековья. Спустя несколько лет сам Одоакр был убит на пиру королем остготов Теодорихом Великим, Европа оказалась поделена между различными племенами: вандалами, гуннами, готами, франками, остготами... и стала совершенно децентрализованной. Их вожди постоянно воевали между собой. Не было даже единой религии:

часть племен поклонялась древним языческим божествам, часть приняла христианство, но даже христиане делились на ариан и католиков, ненавидевших друг друга.

Хлодвигу — вождю франков — удалось создать мощное королевство. Он стал фактическим основателем первой династии французских королей — Меровингов, получившей свое название по имени легендарного дедушки Хлодвига — Меровея, рожденного, согласно древней легенде, от морского чудовища. Признаком принадлежности к королевскому дому у Меровингов считались длинные волосы. Чтобы лишить короля или принца прав на престол, его достаточно было остричь. Впрочем, когда остриженные волосы вновь отрастали, ситуация могла измениться.

История женитьбы Хлодвига довольно романтична. Вождь соседнего племени — жестокий король бургундов Гундобад — убил мечом своего брата Хильперика, а его жену утопил в реке, привязав к шее камень.

Подобные разборки между ближайшими родственниками были не редкостью в те времена. У погибшей королевской четы остались две дочери — Хрона и Клотильда (в более архаичном прочтении — Хродегильда). Старшая стала монахиней, а младшую, Клотильду, заприметили послы Хлодвига и, «найдя ее красивой и умной и узнав, что она королевского рода», сообщили об этом королю Хлодвигу. Тот немедленно направил послов к Гундобаду с просьбой отдать ее ему в жены. Гундобад побоялся отказать Хлодвигу и передал племянницу послам, которые доставили ее своему королю. «Увидев ее, король очень обрадовался и женился на ней» — так коротко сообщает историк епископ города Тура Григорий об их знакомстве.

В V веке нашей эры власть королей держалась исключительно на военной силе. Общество было абсолютно патриархальным. Властителям приходилось быть хитрыми и жестокими, они жили в постоянном ожидании нападения даже со стороны членов собственной семьи. Женщин эти вожди-короли меняли «как перчатки», и Клотильда вовсе не была первой и единственной: Хлодвиг уже имел сына от любовницы. Вождь франков был язычником, а значит, ни о каком венчании не могло быть и речи, скорее всего он просто отвел юную девицу в опочивальню, объявив слугам, что это их новая госпожа. У Клотильды не было ни отца, ни братьев, которые могли бы защитить ее, и полагаться она могла лишь на себя саму. В придачу к красоте ей потребовались недюжинный ум и воля, чтобы остаться королевой и обрести влияние на мужа.

А влияние это стало огромным! Ведь она даже уговорила мужа сменить веру: Клотильда была христианкой и спустя несколько лет ее супруг тоже

принял крещение, до этого франки были язычниками.

Хлодвиг оставил четырех сыновей: Теодориха, Хлотаря, Хлодомера и Хильдеберта и дочь Хлотхильду — ее выдали замуж за вестготского короля Амалариха в Испанию.

Сыновья Хлодвига поделили между собой королевство и тут же принялись воевать. Хлодомер вскоре погиб в одной из стычек с врагами. Хлотарь немедленно женился на его супруге Гунтевке и стал претендовать на его земли. Однако у Хлодомера остались трое сыновей, их опекала бабушка — Клотильда.

Вдовствующая королева очень любила своих внуков-сирот. Формально они считались наследниками своего отца, но их дядья совсем не хотели отдавать племянникам земли.

«Наша мать держит у себя сыновей нашего брата и хочет наделить их королевством. Быстрее приезжай в Париж, чтобы, посоветовавшись, решить, что с ними делать, обрезать ли им волосы, чтобы они казались обычными людьми, или лучше убить их и поделить поровну между собой королевство нашего брата» — такое письмо отправил Хильдеберт брату Хлотарю. Тот, не мешкая, приехал в Париж.

Хильдеберт уверял всех и каждого, что он и его брат готовятся возвести на трон этих детей. Об этом же коварные короли сообщили и старой Клотильде, попросив ее прислать к ним их маленьких племянников. Могла ли королева не понимать, какой опасности подвергает маленьких внуков, выпуская их из-под своего крылышка? Но все же она пошла на риск!

Клотильда напоила и накормила детей, нарядила их в дорогу, говоря: «Буду считать, что я не потеряла сына, если я увижу вас королями в его королевстве».

Однако, как только дети покинули ее покои, злодеи схватили несчастных, отделив их от слуг и воспитателей. Затем они отправили к старой королеве посланника: в одной руке он держал ножницы, в другой — обнаженный меч. Клотильде предложили выбор: «Прикажешь ли ты обрезать им волосы и оставить их в живых или же обоих убить?»

Что же ответила любящая бабушка? С истинно королевской гордостью она произнесла: «Если они не будут коронованы, то для меня лучше видеть их мертвыми, чем остриженными». Жестокосердный посланник быстро возвратился к Хлотарю с Хильдебертом и объявил: «С согласия королевы выполняйте задуманное, ведь она сама желает, чтобы вы осуществили ваше решение».

Разыгралась душераздирающая сцена, подробно описанная Григорием Турским: «Схватив старшего мальчика за руку, Хлотарь немедля бросил

его на землю и, вонзив меч ему в плечо, жестоко его убил. Когда тот кричал, его брат бросился к ногам Хильдеберта и, обняв его колени, сказал со слезами: „О мой милый дядя, не дай мне погибнуть так, как погиб мой брат“. Тогда Хильдеберт со слезами на глазах молвил: „Прошу тебя, любезнейший брат, будь милосерден и подари мне жизнь этого мальчика. За его жизнь я тебя вознагражу всем, чего ты ни пожелаешь, только не убивай его“. Но тот набросился на него с бранью, говоря: „Или ты оттолкнешь его от себя, или сам вместо него умрешь. Ведь ты зачинщик этого дела, а теперь ты так быстро отступаешься от данного слова“. При этих словах Хильдеберт оттолкнул от себя мальчика и бросил его брату. А тот, принимая его, вонзил ему в бок меч и убил его так же, как старшего брата».

Слуги и воспитатели, пытавшиеся защитить своих подопечных, также были заколоты. Лишь один из сыновей Хлодомера сумел избежать смерти: он сам схватил ножницы и обрезал себе волосы, тем самым отказываясь быть наследником своего отца. Дядья пощадили его. Подросток ушел в монастырь и сделался клириком.

Старая королева положила тела внуков на погребальные носилки и с душераздирающим стенанием следовала за ними в сопровождении певчих до базилики Святого Петра, где и похоронила обоих. Из них одному было десять лет, другому семь. А Хлотарь и Хильдеберт поделили поровну королевство Хлодомера.

Муж единственной дочери Хлотхильды Амаларих хоть и принял христианство, но не был католиком: он был арианином, то есть, с точки зрения франков, еретиком, почти язычником. Супруга отказалась перейти в его веру, и он очень злился по этому поводу.

Кто же такие ариане? Это течение в раннем христианстве было положено священником Арием, бербером по национальности. Коротко: суть его заключается в отрицании Святой Троицы. Иисус был сотворен богом-отцом, а значит, не равен ему и не тождественен. Бог-отец — вечен и бесконечен, а Иисус — лишь временное его воплощение, не более. При этом церковные службы и у ариан, и у католиков были весьма схожи, а различия заметны лишь образованным теологам.

В 325 году в Никее арианство было объявлено ересью, книги Ария сожжены, сам он изгнан (умер в 336 году н. э.) Но, несмотря на это, его учение распространилось на востоке Римской империи, и при преемниках императора Константина даже стало государственной религией. Приняли его и германские государства, но не франки. Франки оставались католиками.

Сложно сейчас сказать, что именно послужило причиной крайней нелюбви короля Амалариха к молодой супруге, но летописец Григорий Турский описывает его крайне жестокое с ней обращение именно на религиозную рознь: «Хильдеберт... покинув Клермон, направился в Испанию ради сестры Хлотхильды, которая, исповедуя католическую веру, терпела от Амалариха, своего мужа, многочисленные оскорбления. И впрямь часто, когда она шла в святую церковь, он приказывал бросать в нее навоз и различные нечистоты, и наконец, говорят, он так ее жестоко избил, что она переслала брату платок, пропитанный ее кровью. Вот почему Хильдеберт, весьма обеспокоенный этим, и устремился в Испанию. Узнав об этом, Амаларих приготовил корабли для бегства. Когда Хильдеберт был уже недалеко, а Амаларих должен был подняться на корабль, он вспомнил, что оставил много драгоценных камней в своей кладовой. И когда он возвращался в город, чтобы взять их, войско Хильдеберта отрезало ему путь в порт. И видя, что ему не удастся бежать, он в поисках убежища устремился к христианской церкви. Но, прежде чем он достиг священного порога, один из преследователей метнул в него копье и смертельно ранил его, и там он упал и испустил дух».

К сожалению, Хлотхильда от жестокого обращения супруга потеряла здоровье и тоже вскоре умерла.

Может быть, история бедной Хлотхильды исключение? Как обстояли дела у других королей? Увы, редко кто из них был счастлив!

Амаласунта

Амаласунта была дочерью остготского короля Теодориха Великого и Аудофледы, сестры знаменитого Хлодвига I, короля франков. Королевство ее отца располагалось на Аппенинском полуострове, а столицей был прекрасный город Равенна. Королевство было обширным. Значительную часть владений Теодорих получил, зарезав на пиру Одоакра — того самого, что свергнул с престола последнего римского императора.

Учителя познакомили девушку с римской культурой и философией, дали ей хорошее образование. Она покровительствовала наукам, считала свой народ наследниками Рима и римской культуры.

Юную Амаласунту выдали замуж за некоего вестгота Эвтариха, умершего всего лишь спустя семь лет после бракосочетания. От этого брака остались двое детей: сын Аталарих и дочь Матасунта. Мальчику было всего десять лет, когда умер Теодорих Великий. Согласно его

завещанию, Амаласунта приняла регентство.

Амаласунта была доброй и справедливой правительницей: она возвратила детям казненного ее отцом философа Боэция конфискованные имения. В числе ее первых советников был Марк Аврелий Кассиодор — выдающийся римский писатель, ученый и государственный деятель.

Но, не смотря на все таланты и выдающийся ум, Амаласунте не удалось добиться должного уважения: ее благородство и доброту готская знать воспринимала как признак слабости. К тому же вожди неохотно сносили власть женщины. Разочаровали ее и дети: единственный сын и наследник Амаласунты спился и умер всего лишь восемнадцати лет от роду. Оба непродолжительных брака ее дочери окончились вдовством.

Лишившись наследника, Амаласунта предложила стать королем своему двоюродному брату, Теодахаду из Тусции, при условии, что он оставит ее соправительницей. Она обещала давать ему самые лучшие советы и во всем помогать. Теодахад дал обещание, но сразу после коронации он приказал арестовать свою благодетельницу и заточить ее на уединенном острове озера Больсена. Свергнутая королева написала императору Юстиниану, умоляя предоставить ей убежище. Поразмыслив некоторое время, василевс дал согласие, но уехать Амаласунта не успела: подсланные Теодахадом люди заперли ее в бане и уморили горячим паром и угарным газом. Эта жестокость никакой выгоды Теодахаду не принесла, тем более что сам он не обладал особым политическим талантом: император Юстиниан объявил себя мстителем за убитую и объявил остготам войну. В надежде поживиться его поддержали и другие правители, и примерно через год Теодахада, лишившегося почти всех земель, зарезали на проезжей дороге неизвестные воины. Королевство остготов пало.

История королевы Радегунды

Но даже в столь страшном мире сумели уцелеть такие понятия, как добро, красота, любовь и человеческое достоинство!

У соседнего с франками племени тюрингов правили три брата, и, как это часто бывало, один из братьев убил другого, захватив его королевство. У погибшего короля Бертахара осталась дочь Радегунда и, кроме того, сын. Вскоре на тюрингов напали франки, и юная Радегунда стала пленницей короля Хлотаря — того самого Хлотаря, о котором шла речь выше, убийцы своих малолетних племянников. В ту пору ей было около тринадцати лет.

Радегунда была очень красива и приглянулась королю. Вскоре она стала его женой.

В отличие от Хлотаря, Радегунда получила блестящее по тем временам образование: она была хорошо знакома с римской культурой и с трудами христианских философов. Биограф Радегунды — Венанций Фортунат говорит, что ее «обучали не только тому, что надлежало знать женщине, но и словесности».

Грубый, невежественный и жестокий Хлотарь не сумел добиться ни любви, ни уважения своей юной, но строптивой супруги. Заставить жену подчиняться королю помогало лишь то, что он держал в заложниках ее младшего брата. Но Радегунда даже в подчинении проявляла характер: так, она демонстративно появлялась на пиршествах в подчеркнуто простом наряде, который не пристал королеве.

— Да ты на монашке женился! — поддразнивали Хлотаря братья-короли.

Такая жизнь продолжалась около десяти лет, а потом Хлотарь совершил непоправимую ошибку: он приказал зарезать брата Радегунды. Принц тюрингов, как и его сестра, отличался непокорным характером, по некоторым сведениям, даже участвовал в заговоре против Хлотаря.

Когда весть о смерти юноши дошла до Радегунды, молодая женщина тут же бежала от супруга под предлогом паломничества. Мол, ей надо помолиться за погибшего брата и отмолить грех его убийцы.

Радегунда прекрасно понимала, что спастись от супруга-короля ей будет достаточно трудно. Однако в ее руках был неплохой козырь — разногласия Хлотаря с католической церковью и наследство ее отца. Радегунда попросила убежища у епископа Медара и попросила постричь ее в монахини с тем, что свое приданое она передаст священному престолу или потратит на новое аббатство.

Епископ долго не решался выполнить ее просьбу, боясь гнева Хлотаря. Да и франкские воины протестовали: эта женщина принадлежала королю!

— Кого ты боишься больше, человека или Бога? — спросила епископа Радегунда.

И тогда пристыженный Медар согласился расторгнуть их брак и рукоположил Радегунду в диакониссы.

Но Хлотарь не сдался так просто: еще долго король франков пытался вернуть жену! Он выслеживал ее, писал ей письма. Возможно, он искренне и страстно любил ее. Радегунда пряталась и тоже писала ему, убеждая бывшего супруга оставить ее в покое. Предметом спора служили также и земли, которыми королева имела право распоряжаться самостоятельно.

Лишь через два года Радегунда получила право основать в Пуатье женский монастырь, и именно на это ушло приданое, которое ей удалось отстоять в спорах с мужем. А надо признать, что Радегунда была весьма речиста и умела настоять на своем.

Настоятельницей женского монастыря королева окончила свои дни.

Надо полагать, она была счастлива: Радегунда обрела независимость, она реализовалась как личность, проявив свои организаторские способности. В аббатство Пуатье уходили девицы весьма знатные, большая часть монахинь были королевской крови. Ее путь вовсе не был усыпан розами, но она общалась с умными, интересными людьми: поэтом Венанцием Фортунатом, епископом Тура Григорием. Впоследствии все трое были объявлены католической церковью святыми.

«Война двух королев»

Так у историков принято называть полувековую междоусобицу в Королевстве франков, которую всю жизнь вели две дамы со звучными именами: Брунгильда и Фредегонда.

В те времена обширное Королевство франков состояло из разных областей: Австразии, Нейстрии, Бургундии, Швабии, Аквитании, Тюрингии... У каждой области был свой король.

В 566 году король Австразии тридцатилетний Сигиберт I женился. Свадьба была очень пышной, ее посетила почти вся франкская знать и высокопоставленное духовенство, а знаменитый поэт Венаций Фортунат сочинил эпиталаму в честь молодых. Необычным эту свадьбу делало происхождение невесты: она была младшей дочерью и возможной наследницей короля вестготов Атанагильда, правившего в Толедо. Кроме того, юная Брунгильда отличалась яркой красотой, хорошим образованием и умом.

Наутро король, согласно традиции, вручил супруге ценные подарки. Это был так называемый «утренний дар» — плата за девственность. По обычаю, все мужчины после первой брачной ночи дарили что-то своим женам. Сигиберт вручил супруге драгоценности, роскошные одежды, рабов и несколько поместий; но не феод, где она могла бы собирать налоги и чувствовать себя правительницей: король вовсе не хотел давать своей «лучшей половине» слишком много власти в руки.

Спустя короткое время после свадьбы Сигиберт предложил жене сменить веру: франки приняли католичество, в то время как вестогы были арианами. Понимая религиозные чувства супруга и политическую выгоду этого шага, Брунгильда не сопротивлялась и покорно перешла в конфессию своего мужа, вдохновив Фортуната на очередной стихотворный шедевр.

Следующие годы жила она с супругом дружно, постепенно завоевывая его любовь и уважение. Сигиберт и сам не заметил, как стал прислушиваться к советам жены, а потом уже и обойтись без них не мог. Брунгильда родила ему несколько детей, из которых выжили трое: две дочери и сын Хильдеберт. Маловато, конечно, по меркам того времени, и мальчик всего один, но ведь король и королева считали, что впереди у них еще много счастливых лет.

В это время замуж вышла и ее старшая сестра Галсвинта — за короля Нейстрии Хильперика. Ради выгодной женитьбы Хильперика пришлось

удалить со двора свою любимую наложницу Фредегонду, которая уже несколько лет жила с ним как законная супруга и нарожала много детей. Эта женщина происходила из самых низов — из сервов. В юности она была служанкой у первой законной супруги Хильдеберта — Аудоверы. Приглянувшись королю, она сумела обрести нешуточное влияние, даже вынудила царственного любовника выгнать Аудоверу, верную и плодовитую жену: она родила четверых детей.

Учитывая все это, репутация Хилдеберта была не слишком хорошей. Но политическая выгода заставила Атанагильда закрыть на это глаза и отдать ему свою дочь, несмотря на значительные опасения.

Поначалу Хильперик был щедр и заботлив: молодой жене наутро после свадьбы он вручил феодал, равный почти трети Нейстрии! Эти земли теперь принадлежали только ей, и Галсвинта могла ими распоряжаться, как пожелает. Так же как и сестра, Галсвинта перешла из арианства в католичество.

Однако очень скоро король пожалел о своей щедрости: прошло полгода — но Галсвинта не забеременела. А Хильперик был нетерпелив, да и отосланная из дворца, но любимая Фредегонда мечтала вернуться, и король предложил жене убираться подобру поздорову, вернув ему все подарки и самое главное — его опрометчиво щедрый «утренний дар», феодал. Галсвинта сначала отказалась, пугая мужа гневом Атанагильда. Она противилась еще несколько месяцев — пока внезапно не умер ее отец. Франки оживились: и Сигиберт, и Хильперик могли претендовать на трон. Но вестготы не хотели чужеземного правителя, к тому же другой веры, поэтому они срочно подыскали супруга еще довольно молодой вдове Атанагильда и объявили того своим королем.

Сигиберт довольно спокойно перенес крушение надежд занять вестготский трон. Он успел привязаться к Брунгильде, полюбил ее и не стал относиться к жене хуже. А вот Хильперик разозлился не на шутку!

Братьев у Галсвинты не было, а стало быть, молодая женщина осталась совершенно незащищенной. Опасаясь злобы мужа, она согласилась на развод и была готова уехать к матери, но теперь Хильперик был не намерен ее отпускать: а вдруг вестготы потребуют тот излишне щедрый «утренний дар», который он так необдуманно преподнес молодой жене? Потому он отправил в спальню жены убийцу, который удушил молодую женщину прямо в постели.

А как же закон? Неужели в стране франков царил произвол? Конечно нет, но представление о законности в те века было иным. «Жизнь человека бесценна» — твердят современные моралисты. Человек средневековья

вряд ли бы их понял: для него жизнь каждого человека имела свою цену. Жизнь знатного господина ценилась высоко, жизнь крестьянина — намного дешевле. Жизнь беременной женщины стоила дорого, а жизнь старухи — медяки. На практике это значило, что убийца был обязан выплатить штраф, размер которого зависел от статуса жертвы. Бесплодная женщина ценилась недорого. А учитывая, что у бедной Галсвинты и родных-то почти не осталось, Хильперiku было достаточно ограничиться церковным покаянием, и он снова мог жить себе поживать со своей любимой Фредегондой.

Но Хильперик забыл, что у Галсвинты была сестра! Сестра любящая, сильная и мстительная. Она не простила!

Первой реакцией стала заказанная Венанцию Фортунату поэма-плач. Не нападая прямо на Хильперика (это было бы слишком опасно для незнатного поэта, живущего за счет богатых покровителей), но прославляя добродетели покойной, автор оплакивал ее кончину и подчеркивал низость ее убийцы. Поэма эта считается шедевром средневековой поэзии, а Брунгильде она была нужна для подготовки общественного мнения: за гибель прекрасной и благочестивой королевы необходимо было отомстить. Сигиберт внял просьбам жены и, объединившись с третьим братом Гунтрамном, заочно осудил Хильперика и повел с ним войну.

Поначалу удача была на их стороне: братья загнали Хильперика в угол и уже не сомневались в победе. Лишившись значительной части войска, он укрылся в городе-крепости Турне на территории современной Бельгии, и казалось, что его гибель — лишь дело времени. Брунгильда с детьми, захватив свою сокровищницу, отправилась в Париж, собираясь отпраздновать триумф.

Но вмешалась Фредегонда! Эта хитрая и сильная женщина не собиралась сдаваться. Она отправила в лагерь Сигиберта, расслабившегося в предвкушении скорой победы, двух убийц с отравленными кинжалами. Те, убедив охрану, что желают передать королю некую важную информацию, были допущены в его шатер и закололи героя. Сами они тут же пали от рук стражников. Войско осталось без предводителя и самочинно сняло осаду Турне. Несчастной Брунгильде, вместо того чтобы радоваться победе, пришлось оплакивать супруга и свою горькую судьбу. Она разом потеряла все: мужа, власть, богатство... Пришедший в себя Хильперик явился с войском в Париж, захватил ее в плен, сокровища отобрал, а двадцатипятилетнюю красавицу-королеву отправил в ссылку в Руан. Легенда гласит, что, спрятав пятилетнего сына в мешок, она тайно передала его одному из своих верных людей, который вывез мальчика в

Австразию.

Хильдеберта II провозгласили королем, а регентом стал граф Гогон. Влияние Брунгильды свелось к нулю.

Но не такой была эта королева, чтобы долго плакать! В Руане она свела близкое знакомство со ссыльной Аудоверой и вышла замуж за ее сына Меровея. Этот шаг был слишком поспешным: разозленный Хильперик лишил сына всех прав и отправил его в монастырь, где тот вскоре погиб при невыясненных обстоятельствах.

Вторично овдовев, Брунгильда покинула Руан и вернулась в Австразию, где формально правил ее малолетний сын. Фактическая власть принадлежала его опекуну — старому Гогону, которому с трудом удавалось сдерживать австразийскую знать, предвкушавшую его скорую смерть: многие герцоги и графы Австразии мечтали занять место регента.

В соседней Нейстрии дела тоже обстояли неважно: затяжные ливни с градом уничтожили урожай. Из-за разливов рек происходили наводнения, а в довершение всего вспыхнула эпидемия оспы, от которой погибли оба сына Фредегонды.

Перепуганная и крайне суеверная и невежественная Фредегонда решила, что эти беды — колдовские происки. Она обвинила в ведьмовстве ссыльную Аудоверу, и бедную женщину сожгли на костре. У той оставались еще два сына и дочь. Юношей Хильперик приказал убить, а дочку Базину сослал в монастырь в Пуатье, после того, как Фредегонда велела своим слугам изнасиловать бедняжку. Таким образом, он сам оставил себя без потомства.

В 581 году регент Гогон умер, и в стране начались междоусобицы: часть аристократов выступала за продление старого союза с Гунтрамном, другие же — за союз с Нейстрией, рассчитывая на то, что юный Хильдеберт станет наследником своего дяди. Начались споры, кто займет место регента; эти споры доросли до вооруженных действий. В 581 году тридцатилетняя Брунгильда, одевшись в латы и перепоясавшись мечом, как мужчина, вышла на поле боя, но не для того, чтобы сражаться, а чтобы предотвратить междоусобную войну. Не только как женщина, не только как королева и мать короля, но и как государственный деятель она говорила с противниками, преодолевая их сопротивление и неприязнь.

«Отойди от нас, женщина! С тебя достаточно, что ты правила при жизни мужа. Теперь же правит твой сын, и королевство сохраняется не твоей защитой, а нашей. Ты же отойди от нас, чтобы копыта лошадей не смешали тебя с грязью», — заявил ей один из герцогов.

Но никуда Брунгильда не ушла! Она заставила обе стороны

прислушаться к голосу разума, признать, что их вражда приведет к расколу Австразии. Спустя три года путем убеждений и длительной изощенной дипломатии она вынудила их признать себя регентшей. Брунгильда правила Австразией вплоть до совершеннолетия своего сына, но и после ее влияние оставалось огромным.

Хильперiku тоже улыбнулось счастье: Фредегонда родила сына, которого назвали Хлотарем. Правда, счастье это было недолгим: Нейстрия проиграла войну Бургундии, а вскоре самого Хильперика заколол подосланный кем-то убийца. Примечательно, что сплетники обвинили в этом Фредегону, хотя той совсем была невыгодна смерть короля. Но уж больно плохой была ее репутация: все ведь знали, что эта женщина ко многим своим врагам подсылала убийц. Ненавидели ее многие, даже родная дочь, которую Фредегонда пыталась убить, прихлопнув ей голову тяжелой крышкой сундука. Потому и придумали, что, мол, король узнал, что у нее есть любовник, вот она и избавилась от мужа.

В трудных обстоятельствах дочь служанки Фредегонда показала себя ничуть не менее сильной, амбициозной и хитрой, нежели аристократка Брунгильда. Она вручила своего сына бездетному королю Гунтрамну, предложив тому стать его опекуном, а значит — фактическим правителем Нейстрии. Бургундец охотно принял предложение, но, зная пристрастие Фредегонды подсылать наемных убийц, саму ее отправил в ссылку в какую-то усадьбу под Руаном. Там она и прожила до смерти Гунтрамна в 592 году. Ее сын Хлотарь не наследовал своему опекуну, Бургундия досталась Хильдеберту II, что привело Фредегону в ярость.

Оставшиеся пять лет своей жизни она беспрерывно воевала, вместе с сыном участвуя в походах. Она подсылала убийц к своим врагам, появлялась на полях сражений, измышляя военные хитрости, до которых вряд ли додумались бы мужчины. Своему сыну Хлотарю она передала дикую ненависть к сопернице — королеве Австразии.

Во время одного из военных походов Фредегонда умерла. Она удостоилась пышного погребения рядом с мужем.

Войну продолжил ее сын — Хлотарь II, законнорожденность которого подвергалась сомнению. Слухи об этом активно распространяла старая Брунгильда. То были годы расцвета Австразии и могущества Брунгильды. Она много жертвовала монастырям, возводила новые церкви, намереваясь окончить свои дни в почете и славе.

Счастье изменчиво: Хильдеберт II умер рано, и Австразия была поделена между его сыновьями. Долгое время от их имени правила Брунгильда, но повзрослев они устроили междоусобицу, в ходе которой

один был убит, а второй умер от дизентерии. Брунгильда возвела на трон правнука; но мальчик-король и старуха-регентша вряд ли могли считаться серьезными противниками. Хлотарь II захватил Австразию. Конец некогда могущественной королевы был ужасен: сын Фредегонды истребил все ее мужское потомство. Семидесятилетнюю Брунгильду она захватил в плен, устроив над ней судилище, на котором приписал старухе всевозможные грехи и даже преступления своей собственной матери. Три дня он пытал и позорил Брунгильду разными способами, а затем приказал привязать ее к хвосту лошади и пустил ту вскачь. Тело несчастной женщины было разорвано на части. Останки собрали и сожгли на костре, стараясь стереть саму память о королеве Брунгильде.

Однако вышло наоборот: бурная жизнь королевы, ее взлеты и падения, невероятная, неслыханная жестокость казни сделали Брунгильду героиней легенд и мифов. Именно она считается прототипом сказочной валькирии — прекрасной воинственной красавицы, облаченной в доспехи.

Глава 3

Развитие Средневековья

Аквитания — сердце куртуазности

Из предыдущей главы ясно, насколько кровавыми и невероятно жестокими были войны раннего Средневековья. Поэтому люди, не желая, чтобы их повесили, распяли или содрали с них живых кожу, в первую очередь думали о безопасности и старались укрепить свои жилища. Так возникли замки, ставшие символом романтического и прекрасного Средневековья.

Поначалу они были деревянными, позже их стали возводить на каменном фундаменте, затем каменным стал донжон — центральная часть замка, потом и внешние стены.

Крепостную стену замка защищали разнообразные оборонительные сооружения, призванные затруднить наступление врага и дать время защитникам наладить оборону. Это были рогатки, земляные насыпи, живые изгороди из колючего кустарника. Затем шел ров, часто заполненный водой. За рвом насыпь, а за ней — крепостная стена, опоясанная тропинкой, по которой всегда прохаживались стражники. Такие же стражники дежурили и на верху стены, высота которой могла достигать 10 метров, а ширина колебалась от 1,5 до 4,5 метра. Фундамент башни старались максимально углубить в землю и сделать по возможности пологим, чтобы затруднить врагам рытье подкопов и применение таранов.

Крепостных стен могло быть несколько, одна внутри другой, так что, преодолев первую, враги оказывались в узком коридоре, а сверху, со второй стены, их осыпали стрелами осажденные. Внутри замка устраивали несколько дворов, тоже разделенных стенами: так создавалось больше линий обороны и замок труднее было захватить.

Центром каждого замка был донжон — отдельно стоящая укрепленная башня с одной-единственной небольшой дверью, расположенной примерно на высоте 5 метров от земли. К ней вела шаткая деревянная лесенка. Если внешние стены и дворы замка оказывались захваченными, защитники могли укрыться в донжоне, обрушить лесенку и продержаться еще довольно долгое время.

В подземелье донжона устраивались кладовые с запасами провизии и воды. Особенно ценились замки, внутри которых был вырыт колодец.

Это значило, что защитники не останутся без воды даже в случае самой длительной осады. Такие замки считались неприступными.

На втором этаже замка устраивался огромный зал — площадью до 150 кв. метров. Толстые стены с узкими трапециевидными окнами позволяли

устраивать глубокие оконные проемы с низкими подоконниками, похожими на скамьи. Такие проемы служили своего рода маленькими гостиными, тут можно было уединиться и поговорить по душам.

В центре зала стоял стол — простые доски, положенные на козлы. Во главе стола стояло кресло хозяина замка, иногда рядом — кресла для его супруги и наиболее знатных гостей. Остальные сидели на длинных скамьях или просто на подстеленных покрывалах или пучках соломы. Стульев не было, а столы были ниже, чем современные. Скатерти использовались редко, и были они размером с салфетку. Большая скатерть на весь стол стоила бы безумно дорого, да тогдашний ткацкий станок не позволил бы выткать столь широкое полотно.

Пол зала зимой и весной был устлан соломой, а летом и осенью — свежесрезанной травой и цветами. По углам раскладывались пучки пахучих трав: розмарина, тимьяна, шалфея. Иногда стены украшали гобелены или пестрые шерстяные занавеси — это считалось роскошью. Мебели было немного — лишь ряд сундуков вдоль стен, где хранилась посуда, одежда и домашняя утварь. Иногда вместо сундуков в стенах устраивались глухие ниши с полками — прообраз современных шкафов. Их закрывали плотные пологи.

Верхние этажи были разделены на множество комнат — спален для господ и слуг. В комнатах стояли широкие кровати: простые деревянные настилы на ножках, покрытые толстым слоем размятой соломы. Поверх соломы такое ложе застилали льняной или шелковой простыней, которую не заправляли, и укрывали стеганым одеялом — пуховым или шерстным. Иногда зимой использовали еще и меховые покрывала.

Кровати эти были очень широки — в те времена люди никогда не спали поодиночке, а всегда по двое или по трое, — но не слишком длинные: во время сна не было принято вытягивать ноги.

Над кроватью делался балдахин: потолки замка часто протекали. Со всех четырех сторон имелись занавеси, позволявшие полностью укрыть ложе. Так как в спальне знатного сеньора кроме него из соображений безопасности обычно ночевали еще и самые преданные его вассалы, такие пологи были необходимы из соображений приличия.

На задней стене донжона устраивался туалет — небольшая выступающая из стены кабинка с круглым отверстием в полу. Экскременты падали вниз, образуя на заднем дворе замка зловонную кучу, которую периодически вывозили золотари. Иногда таких кабинок было несколько — одна над другой. В этом случае во время дефекации следовало громко кричать, чтобы не попасть в неприятную ситуацию

самому и не испачкать тех, что мог присесть снизу по той же надобности. На эту сторону по причине дурного запаха старались не выводить окон и открытых галерей, но это не всегда было возможно по причине ограниченности места.

Но не зловоние было главным бичом рыцарского замка, а сырость и сквозняки. В холодное время года окна прикрывали лишь плотными шторами или ставнями, защищавшими от ветра, но не пропускавшими свет. Чтобы как-то решить проблему, порой в ставенках делались отверстия, затянутые бычьим пузырем.

Отапливался замок с помощью огромных каминов, никак не украшенных, и большого числа переносных жаровен. Из-за этих неудобств хозяева замка в мирное время предпочитали жить не в донжоне, а в небольших пристройках.

Во дворе замка располагались деревянные постройки — хозяйственные службы и жилища многочисленной дворни. Часто в замке был и свой садик.

Замковые сады заслуживают отдельного описания. Возникли они по чисто бытовой надобности — иметь к столу свежие фрукты, овощи, зелень. Однако мало-помалу хозяйки замков пришли к мысли, что такие сады — отличное место для прогулок, и принялись наводить там красоту. Деревья высаживались по определенному плану, грядкам с овощами придавались фигурные формы, а кое-где даже росли цветочки — лилии, маки, душистый горошек, отнимая у грядок драгоценную плодородную почву. Вьющиеся растения на опорах создавали плотные изгороди, позволявшие укрыться от солнца и нескромных взглядов.

Кретьен де Труа. Отрывок из романа «Ланселот»:

«Выехав из леса, они заметили дом какого-то рыцаря. Его жена сидела у входа и казалась весьма приветливой. Едва завидев их, она поднялась, пошла им навстречу и радостно приветствовала, говоря: „Будьте желанными гостями. Я рада принять вас в своем доме. Сойдите с лошадей, вы найдете здесь гостеприимный приют“. — „Мадам, мы благодарны вам. Раз вы нас просите, мы сойдем с лошадей и переночуем у вас“. Они спешили. Имея много прислуги, дама тотчас велела позаботиться о лошадях. Она созвала сыновей и дочерей, все незамедлительно сбегались: рыцари, любезные и обходительные юноши, прекрасные девушки. Своим сыновьям она повелела снять седла с лошадей и привести их в порядок, на что те охотно согласились. Дочерей она просила помочь гостям снять их оружие. Те поспешно выполнили просьбу, после чего каждому из гостей они накинули на плечи короткий плащ. Затем их повели внутрь дома,

облик которого показался им красивым. Хозяина еще не было: он охотился в лесу вместе с двумя сыновьями. Остальные дети вышли ему навстречу, они взяли у него крупную дичь и сказали: „Сир, знайте, что у нас в гостях два рыцаря“. — „Да будет славен Господь за это“, — ответил он. Пока отец и сыновья радостно приветствовали рыцарей, остальные домочадцы хлопотали по хозяйству. Каждый спешил выполнить свою часть работы: одни помогали в приготовлении пищи, другие в это время зажигали свечи. Третьи принесли полотенце, таз и воду для мытья рук и наливали ее, не жалея. Вымыв руки, каждый шел на свое место за столом. И все было приятным в этом доме, и ни в чем не было недостатка».

Подобные описания встречаются во многих рыцарских романах, и нет оснований им не верить. В те времена не было газет или радио, а потому все новости передавались только из уст в уста. Посещение замка странствующим или возвращающимся из похода рыцарем давало возможность хозяевам узнать, что происходит в мире и, возможно, завязать полезные знакомства, а если повезет — то найти женихов для многочисленных дочерей.

Хлебосолье считалось одной из главных добродетелей феодала, ее несоблюдение влекло за собой позор. «А у баронов при дворах / Я бы от голода зачах: / Хоть богатеет феодал, / Пустеет пиршественный зал», — высмеивал скупердяев знаменитый трубадур Бертран де Борн.

Мытье рук перед тем, как сесть за стол, и после еды — тоже не выдумка писателя: в те времена это было просто необходимо, так как не было ни вилок, ни ложек, а нож подавался один на двоих. Ели руками. Жидкие и полужидкие кушанья слуги наливали в блюда с ушками, также обычно рассчитанные на двоих, и соседи по столу отхлебывали по очереди. Рыбу, мясо и твердую пищу подавали на блюдах, а индивидуальных тарелок не было: каждый гость клал свой кусок на плоскую лепешку. Эти лепешки не съедали; по окончании обеда их, пропитавшихся соками разных блюд, выбрасывали или отдавали черни. Пожалуй, именно так и родилась столь популярная ныне пицца.

Золотая и серебряная посуда, часто упоминающаяся в романах, — безусловно, преувеличение: даже при королевском дворе она была максимум позолоченной.

Вино пили из большой чаши, которая наполнялась из расчета на несколько соседей, или из индивидуальных кубков, по первому требованию наполняемых виночерпием. Блюда с кухни приносили накрытыми полотенцем, а снимали его только в момент подачи. Это позволяло сохранить пищу горячей, а также помогало предотвратить

попытку отравления.

Порядка подачи блюд не существовало. Обед мог начинаться с супа, пирогов, сыра или даже фруктов. Современные представления о том, что фрукты, сладости и конфеты должны завершать трапезу, не соответствуют тогдашним обычаям: часто на миниатюрах изображены столы, на которых супы, жаркое и десерты стоят вперемешку.

Обеспечив свою безопасность, обитатели замков возжаждали красоты, и это желание привело к рождению куртуазного мира, полуреального, полувывмышленного, воспетого поэтами — труверами и трубадурами. Страной поэтов по праву можно считать область на юго-западе Франции, состоявшую из нескольких графств и герцогств, которые обычно объединяют под названием Аквитания. В разные века она считалась то королевством, то герцогством; то обретала самостоятельность, то теряла ее.

Во второй половине IX века герцоги Аквитании стали вассалами короля Франции, однако их мощь не уступала власти их сюзеренов, а земельные владения превышали домен короля Франции. Центром Аквитании стал город Пуатье, столица графства Пуату. Покровительницей этого города считалась уже знакомая нам святая Радегунда. Спустя шестьсот лет после нее в Пуатье родилась девочка, которой суждено было стать одной из самых знаменитых королев в мире. Она была сильной, она была красавицей, как и ее святая предшественница, но на благонравие не претендовала. Она была прекрасно образованна и умна и тоже ушла от нелюбимого мужа — но не в монастырь, а к другому мужчине. Ей посвящали стихи трубадуры — но славили они ее красоту, а не благочестие.

Эту женщину звали Алиенор, и была она герцогиней Аквитании. Рассказ о ней, наверное, лучше всего начать с ее деда — отважного рыцаря и первого из трубадуров Гильома Аквитанского.

«Граф Пуатье был одним из самых куртуазных людей на сеете и одним из самых великих обманщиков дам, и был он добрым рыцарем, галантным и щедрым; и хорошо сочинял и пел...» «Своей воинской доблестью в делах мира сего он превзошел всех прочих светских властителей...» — признавали средневековые хроникеры, но, однако, называли аквитанского герцога «врагом всяческого целомудрия и святости», считая, что он «погряз в трясине пороков, как если бы полагал, что все вершится случайностями, а не управляется Провидением».

Гильом после смерти отца унаследовал герцогство в возрасте

пятнадцати лет. В шестнадцать он женился на красавице Ирменгарде Анжуйской. Однако скоро выяснилось, что его молодая супруга бесплодна, да и нервная до крайности, поэтому брак был расторгнут спустя всего три года. Гильом вторично женился на Филиппе, дочери графа Тулузского, которая родила ему двух сыновей — Гильома и Раймунда.

В тридцатилетнем возрасте герцог отправился в Первый крестовый поход, принесший больше бедствий, чем славы.

Английский хронист Ордрик Виталис:

«Итак, в году 1101-м от Рождества Господа нашего, Гильем, герцог Пуатевинский, собрал огромное войско из Аквитании и Гаскони и, полный воодушевления... двинулся в священный поход. Он был храбр и доблестен и чрезвычайно веселого нрава, превосходя даже самых находчивых лицедеев бесчисленными своими шутками...

Герцог Пуатевинский в сопровождении трехсот тысяч вооруженных воителей выступил из лимузинских границ и, чрезвычайно отважно обложив осадой Константинополь, устрасил императора, но затем, нищий и обездоленный, едва добравшись до Антиохии, вошел в нее всего с шестью спутниками...»

Столь прискорбная перемена произошла после того, как христианское войско попало в засаду магометан при Геракпее в сентябре 1101 года. Печальной героиней этого боя стала сорокасемилетняя маркграфиня Ида Австрийская — признанная красавица и мать семерых детей. Эта женщина, обладавшая прекрасным здоровьем и физической подготовкой, отправилась в Крестовый поход и билась с врагами наравне с мужчинами. Она тоже участвовала в бою при Геракпее, когда христиане были окружены и разбиты. Только Гильом Аквитанский, Вельф Баварский и шесть человек свиты, израненные, изможденные, в лохмотьях достигли Антиохии. Архиепископ Тимо был убит, прекрасная Ида пропала без вести. По всей видимости, она тоже погибла, но позднее возникла легенда, что красавицу взяли в плен и отправили в Хорасан, там она попала в гарем эмира и родила героя Имадеддина Ценки, впоследствии опаснейшего врага христиан.

Эта битва стала не последним испытанием, выпавшим на долю крестоносцев. Дошли до нас слова безымянного пилигрима, описывающие страшный голод, терзавший христианское войско, осажденное в Антиохии, когда воины-паломники вынуждены были пожирать тела мертвых турок: «Они сдирают кожу с турок и хорошо их потрошат, варят и жарят мясо к пиру. Им это порядком нравится: они едят его не соленым и с хлебом. Иной, прищелкивая, говорит соседу: „Пост прошел, всю свою жизнь я не

буду желать лучшего кушанья и предпочитаю его свинине и жирной ветчине; дайте нам им полакомиться, пока мы не свалимся“»).

Крестоносцы все же дошли до Иерусалима, взяли город штурмом и потопили его в крови неверных. Историк XII века Гийом Тирский писал, что «невозможно было смотреть без ужаса, как валялись всюду тела убитых и разбросанные части тел и как вся земля была залита кровью. И не только обезображенные трупы и отрубленные головы представляли страшное зрелище, но еще более приводило в содрогание то, что сами победители с головы до пят были в крови и наводили ужас на всякого встречного».

В результате Первого крестового похода на Востоке было основано несколько христианских государств: Иерусалимское королевство, герцогство Антиохия, графство Триполи, графство Эдесса.

Аквитанский герцог воротился домой, но он был явно не создан для мирной жизни: его дважды отлучали от церкви, и оба раза он возвращался в ее лоно. Историк XII века Вильям Малмсберийский с негодованием писал: «Прикрывая свои дурачества некоей обманчивой личиной благопристойности, он сводил все к остроумным шуткам и заставлял рты своих слушателей растягиваться от хохота... воздвигнув возле некоего замка Ивор (Ниорт) здание наподобие небольшого монастыря, он задумал в безумстве своем разместить там аббатство блудниц; называя поименно ту или иную, отмеченную молвой за свое непотребство, он напевал, что поставит ее аббатисой или игуменьей, а все остальные будут простыми монахинями».

«Прогнав законную супругу, он похитил жену некоего виконта из замка Геральда по имени Мальбергиона, к которой до того пылал страстью, что нанес на свой щит изображение этой бабенки, утверждая, что хочет иметь ее с собой в битвах, подобно как она имела его при себе за пиршественным столом».

Герцог Гильом забрал красотку прямо из замка ее мужа, чему тот даже не попытался воспротивиться. Зато герцогиня Филиппа вовсе не желала мириться с изменой супруга: она была страшно разозлена и даже пожаловалась папе римскому.

Не слишком огорчившись, Гильом сочинил, по его собственному выражению, «малопристойный стих» о двух лошадях:

«Есть у меня две скаковые лошади, породистые и красивые; Превосходны они, сильны и норовисты, но я не могу держать их в одной конюшне, потому что они не терпят друг друга.

Если бы я мог объездить их по моему вкусу, я бы не вылезал из седла и

был бы самым завидным наездником».

Удалому герцогу так и не удалось примирить своих «лошадок». Оскорбленная Филиппа удалилась в монастырь и принялась настраивать своего сына против отца. Началась война. Захватив сына в плен, Гильом придумал ему своеобразное «наказание»: женил на юной виконтессе Аэнор де Шательро — дочери прекрасной Амальберги.

Алиенор, герцогиня Аквитанская — королева Франции

Гильом X, в отличие от отца, отличался строгим нравом и благочестием. К сожалению, брак его длился недолго: Аэнор умерла молодой от какой-то болезни. От этой же хвори скончался и их единственный сын. А две дочери — Алиенор и Петронилла выжили. Вторично жениться Гильом не успел: он умер от случайного отравления, совершая паломничество в испанский город Сантьяго де Кампостелла, назначив опекуном своих юных дочерей французского короля Людовика Толстого. Старый король, не мудрствуя лукаво, быстро нашел красивой и богатой наследнице мужа — своего сына. А чтобы красotka Алиенор от выгодного брака не отказалась, «благородное сопровождение для путешествия туда приготовил»: пятьсот и более рыцарей из лучших в королевстве собрал.

Войско это он «богатствами и изобилием сокровищ снабдил, чтобы ничего во всем герцогстве Аквитанском они не грабили, чтобы ни землю, ни бедных этой земли не портили, чтобы друзей в недругов не превращали...» — рассказывает нам аббат Сугерий.

25 июля 1137 года в Бордо состоялась свадьба, прерванная печальным известием о смерти старого короля. Лето в тот год было очень жарким, продукты быстро портились и люди часто страдали желудочными недомоганиями, грозившими серьезной бедой: дизентерия была очень распространена в Средние века. «Невыносимой слабостью господин Людовик совсем изнемог, когда в Париже повторной дизентерии поносом тяжко мучился, — горестно сообщает Сугерий, — после тридцати лет правления, в возрасте... шестидесяти лет, в августовские календы, он испустил дух».

Молодожены немедленно отправились в Париж, чтобы успеть на похороны старого короля. Так Алиенор стала королевой Франции.

Трудно представить двух более непохожих людей, чем Алиенор и Людовик VII. Он — замкнутый хмурый юноша, хорошо образованный и неглупый, но слишком застенчивый, неуверенный и непривычный к

публичным выступлениям. Она — яркая красавица с роскошными рыжими волосами, из-за которых трубадуры прозвали ее *aïgle en or* — «золотой орлицей». В ту пору Алиенор было всего 15 лет. По описаниям современников и имеющимся изображениям, она была невысокой, стройной, с удлинённым лицом и большими темными глазами.

Людовик оказался на французском престоле силой случая, он ведь был вторым сыном, престол должен был занять его старший брат Филипп. Внезапное несчастье изменило все: Филипп верхом переправлялся через один из рукавов Сены. Только он выбрался на берег, как под ноги коню внезапно метнулась невесть откуда взявшаяся свинья. Испуганная лошадь взвилась на дыбы и сбросила всадника. Удар о землю оказался для седока смертельным. Его младший брат Людовик готовил себя к духовной карьере, не к царствованию, он не был честолюбив, и внезапно свалившаяся на его плечи власть стала для него тяжким бременем.

Алиенор же воспитывалась совсем иначе.

«Все цветет! Вокруг весна! —

Эйя!

Королева влюблена!

Эйя!

И, лишив ревнивца сна,—

Эйя!

К нам пришла сюда она,

Как сам апрель, сияя.

А ревнивцам даем мы приказ:

Прочь от нас, прочь от нас!

Мы резвый затеяли пляс».

Вот такие песни распевала юная Алиенор с подругами, танцуя вокруг украшенного разноцветными ленточками майского дерева.

«Ревнивцами» провансальские лирики именовали нелюбимых и скучных мужей, мешавших красавицам-женам развлекаться с молодыми людьми. Теперь роль такого «ревнивца» выпала французскому королю, искренне полюбившему свою красавицу-жену. Его чувство не стало взаимным, брак их не клеился, к тому же целых семь лет королева оставалась бесплодной. Это тревожило и ее саму. Молясь о ниспослании наследника, Алиенор обратилась к Бернару Клервосскому — человеку, еще при жизни почитавшемуся святым.

Молитвы помогли: в 1145 году Алиенора родила королю дочь Марию. С той поры святой Бернар сделался ее кумиром. Поэтому молодая королева

ни минуты не сомневалась, услышав его проповеди о новом Крестовом походе: она вместе с мужем приняла крест.

Поводом для похода послужили падение христианского города Эдессы в 1144 году и страшная резня, устроенная там мусульманами под предводительством Имадеддина Ценки, считавшегося сыном пропавшей без вести Иды Австрийской.

Обет «взять крест» король и королева принесли в знаменитом аббатстве Сен-Дени, где хранилась орифламма — стяг французских королей. На площади перед церковью собралось столько народу, что Людовик с супругой из-за страшной давки даже не сумели выйти из церкви через главный вход, их пришлось провести через кельи монахов.

Людовик, следуя обычаю, отныне установившемуся у французских королей, поклонился мощам святого Дионисия, затем взял с алтаря прославленную красно-золотую орифламму, и сам папа Евгений III, прибывший специально ради этого случая, вручил ему суму и посох паломника. Ведь Крестовый поход, который сегодня представляется нам военной экспедицией, прежде всего был паломничеством.

Бернар Клервосский

(1090–1153)

Этот аристократ из Бургундии ушел в монастырь цистерцианцев в возрасте двадцати двух лет. Вместе с ним монашество приняли четыре его брата и двадцать семь друзей.

Всего через три года он основал монастырь в Клерво на землях своего дяди в Шампани. Монастырь этот быстро рос, и со временем у него появилось шестьдесят шесть «дочерних» обителей.

Бернар изводил себя постами и бдениями, много путешествовал, хотя не отличался крепким здоровьем, был сторонником аскезы и крайней строгости богослужений. «Что делать золоту в святая святых?» — восклицал он, сравнивая аббатство Сен-Дени, заботливо украшенное настоятелем Сугерием, с «кузницей Вулкана», убежденный, что там поклоняются не Богу, а золоту. Надо признать, что часто Бернар переходил границы здравого смысла: так, обличая разврат духовенства, он считал излишеством даже хорошее полноценное питание, принятое в Сен-Дени.

Также нетерпим он был и к любому инакомыслию в толковании Священного Писания. По его настоянию Пьер Абеляр был объявлен еретиком и брошен в тюрьму.

Крестовые походы Бернар идеализировал, подчеркивая, что крестоносцы поднимают меч не ради грабежа и наживы, а лишь во Славу Господню.

Немного о Сен-Дени и аббате Сугерии

По преданию, Дионисий проповедовал христианство в Риме, в германских землях и в Испании, затем он перешел в Галлию и стал первым епископом Лютеции, как тогда называли Париж. Во время преследования христиан Дионисий и еще два проповедника были схвачены языческими властями и обезглавлены на вершине горы Монмартр. Именно в честь этого трагического события гора и получила свое имя: по-французски Montmartre — гора мучеников. Но после казни произошло настоящее чудо: святой Дионисий взял свою отрубленную голову, прошествовал с ней через весь город и лишь затем там пал мертвый, неподалеку от места тайных собраний христиан.

Благочестивая женщина Катулла погребла его останки. Позднее на этом месте выросло аббатство Сен-Дени.

Наибольшего расцвета оно достигло в XII веке при управлении аббата Сугерия — так принято по-латински транскрибировать его имя, хотя во французском варианте имя произносилось как Сюжер.

Хороший политик и хороший человек — может ли такое быть? Сюжер или Сугерий — один из редчайших примеров, когда эти два качества совмещались.

Начать надо с того, что этот знаменитый аббат был незнатного происхождения. К тому же его родители были вовсе не богаты. Но мальчик с детства отличался столь выдающимися способностями, что его приняли в знаменитую школу при Сен-Дени, где в это же время получал образование будущий Людовик ле Гро — Людовик Толстый, король Франции.

Помимо способностей и отличной памяти молодой Сугерий обладал редким даром общения. Окруженный отпрысками знатнейших родов, он умудрился не стать парией, не замкнуться в себе. Напротив, он сумел подружиться с самим наследником престола! И судя по тому, что их дружба продлилась вплоть до самой смерти Людовика, это чувство не было ни лестью, ни низкопоклонством. Мало того, Сугерий сумел стать другом и наставником сыну короля — Людовику Молодому. Именно Сугерий был назначен регентом Франции на время отъезда Людовика в Крестовый поход. Он долгие годы мирил Людовика и Алиенору, не допуская их развода.

Сугерий был великолепным хозяйственником и страстным патриотом; он обожал своего короля и был страстно привязан к аббатству Сен-Дени. При нем Сен-Дени стало богатейшим и красивейшим святилищем Франции.

Интерьер церкви Святого Дионисия напоминал драгоценную шкатулку: стены покрывали росписи и мозаики, алтарь был весь изукрашен золотом и самоцветами. Большой крест, сделанный из чистого золота, — сплошь выложен жемчугом и драгоценными камнями. В отличие от многих настоятелей, не допускавших в монастырские церкви простую публику, Сугерий, напротив, заботился о том, чтобы храм мог вместить всех желающих и все могли полюбоваться его красотой. «Сияет благородный храм, пронизанный светом», — восхищался аббат своим детищем.

Сугерий заботился не только о внешней красоте, но и об удобстве: по его распоряжению старые холодные мраморные скамьи были заменены на деревянные. Эта замена страшно возмутила Бернара. «Монах во время молитвы должен думать о Боге, а не о своей заднице!» — воскликнул он. «Совершенно справедливо, — согласился Сугерий, — вот теперь они у меня сидят на теплых скамьях смиренно и думают о Боге, а раньше все вертелись на холодном мраморе и думали о своих задницах».

Он гордился тем, как хорошо питаются его монахи и какой обильный стол накрывают для бедняков, даже порой навлекая на себя обвинения в стяжательстве и чревоугодии со стороны фанатичного Бернара Клервосского. Надо заметить, что собственная келья Сугерия была чуть ли не самым скромным помещением в аббатстве, единственное, что ее украшало, — так это цветное покрывало на кровати и витраж на оконце: добрый аббат любил яркие краски.

Второй крестовый поход

«Горе королю Людовику, из-за которого мое сердце оделось в траур», — говорил трубадур Маркабрю устами юной девы, оплакивающей расставание с возлюбленным, уходящим в Крестовый поход. Ему вторит и святой Бернар, с гордостью написавший папе Евгению: «Я повинился вашему повелению, и высокое достоинство повелевающего способствовало послушанию. Когда я проповедовал и говорил, число их умножалось. Замки и города стоят пустыми, семь женщин едва могут найти одного мужчину: так везде остаются вдовы при живых мужьях».

Но далеко не все дамы пожелали оставаться дома, те, кому позволяли средства, социальное положение и здоровье, отправились в этот поход

вслед за своими мужьями. Среди них были графиня де Блуа, Сивилла Анжуйская, графиня Фламандская, Феида Тулузская, Флорина Бургундская и конечно же сама королева Франции.

Двадцатипятилетняя красавица Алиенор везла с собой множество ковров, чтобы расстилать их во время привалов, несколько палаток, массу платьев, словно собиралась не на войну, а на бал, ворох шуб на случай холодов, целую кипу вуалей, чтобы уберечь свою кожу от загара, сундуки с драгоценностями, помадами и всевозможными косметическими средствами. Ее сопровождало множество служанок и своя кухня. Она мечтала освободить «Гроб Господень», но ради этого не собиралась отказываться ни от услуг своих камеристок, ни от хотя бы относительного комфорта. Примеру королевы последовали и другие дамы, и за войском потянулся бесконечный обоз, сильно тормозивший продвижение. Это не нравилось ни военачальникам, ни церковникам. Одни вполне обоснованно полагали, что столь большое количество невоенных людей снизит боеспособность крестоносцев, а другие бичевали распутство, которое неминуемо должно было возникнуть из-за присутствия женщин.

Джауфре де Рюдель

С этим походом связана одна из самых романтических легенд Средневековья — о Далекой Даме и влюбленном в нее трубадуре.

«Джауфре Рюдель, сеньор Блайи, был муж весьма знатный. Заочно полюбил графиню Триполитанскую, по одним лишь добрым слухам о ее красоте и куртуазности, шедшим от пилигримов, возвращавшихся домой из Антиохии. И сложил он о ней множество песен, и напевы их были очень хорошие, но слова простые. И так хотел он узреть ее, что отправился в Крестовый поход и пустился плыть по морю. На корабле одолела его тяжкая болезнь, так что бывшие с ним считали его уже умершим и, доставивши в Триполи, как мертвого, положили в странноприимном доме. Графине же дали знать об этом, и она подошла к нему, к самому его ложу, и заключила в свои объятия. Сразу узнал он, что то сама графиня, и вернулись к нему слух и чувства. И воздал он славу Господу за то, что сохранилась ему жизнь, пока он ее не узрел. Так он и умер у нее на руках. И повелела она похоронить его с великими почестями при храме тамплиеров, сама же по великой горести о нем в тот же день постриглась в монахини».

На Ближнем Востоке в XII веке существовало несколько христианских государств: Иерусалимское королевство, герцогство Антиохия, графство

Триполи. Им правил Раймунд II, чьей женой была Годиэрна де Ретель. Эта дама славилась своей красотой, умом, образованностью и силой характера. Притчей во языцех стали и ее любовные похождения. Считается, что именно она могла быть «Далекой любовью» поэта и именно к ней обращены строки:

«Я верой в Господа согрет —
И встречу я с любовью дальней.
Но после блага жду я бед,
Ведь благо — это призрак дальний.
Стать пилигримом буду рад,
Чтоб на меня был брошен взгляд,
Прекраснейший в земной юдоли».

Однако Годиэрна никогда не уходила в монастырь, и к тому же в одной из версий легенды названо совсем иное имя — Мелисанда. Так звали дочь прекрасной графини, чья судьба тоже достойна упоминания.

К девушке посватался овдовевший византийский император Мануил, но их брак не состоялся, хотя все было сговорено и даже приданое погрузили на корабль. Дело в том, что стоило Мелисанде подняться на борт, как ею немедленно овладевала жестокая хворь:

«Посему откладывая со дня на день отплытие, они напрасно теряли время, ибо только лишь немного облегчались ее страдания и она казалась благонадежной для отплытия, страшная болезнь вдруг будто нарочно возвращалась к ней, и тогда, уложенная в постель, она тряслась всем телом и подвергалась жестоким судорогам, а затем следовали жар, синева под глазами и изнеможение. Цвет глаз, прежде сиявший какой-то прелестью, быстро изменялся и становился мрачным. Всякий, видя, как вянет преждевременно этот цветок, проливал слезы».

До рождения доктора Фрейда было еще очень далеко, и понятия «невроз» в XII веке еще не знали, а потому недуг, явно связанный с нежеланием покидать родину, привел к тому, что о девушке поползли разнообразные сплетни: что она скрывает тайную беременность, что она вовсе не дочь Раймунда, а прижита Годиэрной от любовника... Эти слухи лишили Мелисанду возможности стать византийской императрицей. Отказ Мануила от обещаний настолько возмутил Раймунда III, что на собранные для приданого деньги он нанял целый флот пиратов, приказав им разорить побережье византийского Кипра. Ну, а хворая Мелисанда ушла в монастырь, как и героиня легенды. Там она и умерла, не дожив до зрелых лет.

Сказочный Константинополь

Причины неудачи Второго крестового похода внимательно проанализированы и разобраны по косточкам в специальных исследованиях. Кто-то напоминает о многочисленных ошибках самих крестоносцев; кто-то винит во всем византийского императора-интригана. Мы рассмотрим только то, что имеет непосредственное отношение к судьбе Алиенор.

Армия крестоносцев была огромна, кроме Людовика в походе участвовал еще и германский император Конрад. Как ни парадоксально, но именно слишком большая численность войск вкупе с крайне плохой организацией и послужили главной причиной их поражения: солдат стало нечем кормить. Неприятности начались уже в Восточной Европе: многомиллионная армия опустошала городские рынки и запасы крестьян. Продовольствие все больше дорожало.

Людовик VII строго запретил грабежи, и денег катастрофически не хватало. С каждой стоянки он был вынужден посылать к Сугерию, назначенному регентом Франции, гонцов с просьбой прислать еще денег.

Крестоносцам потребовалось почти пять месяцев на то, чтобы добраться до Константинополя — города сказочных богатств. Говорили, что за его стенами находится большая часть сокровищ мира. Именно там Алиенор узнала, что такое «восточная роскошь», и полюбила ее.

Византийский император Мануил Комнин встретил «латинян» с почестями. Надо указать, что в Константинополе — наследнике Римской империи — живы еще были традиции обожествления императоров, что в корне отличалось от принятого на Западе убеждения, что король — «первый среди равных». Не только византийские сановники, но и послы должны были падать ниц перед басилевсом, восседавшем на золотом троне, изукрашенном драгоценными камнями. Дворец с его огромным вымощенным мрамором двором, мозаичными полами, покрытыми фресками стенами и вызолоченными колоннами превосходил все, что до сих пор могли видеть Людовик и Алиенор, и даже богатейшее Сен-Дени.

Короля и королеву поселили в загородной резиденции императоров в Филопатии. Этот обширный дворец был окружен прекрасными парками, где водилась разнообразная дичь. Все его многочисленные залы были устланы тонкой работы коврами. В комнатах стояли серебряные курильницы с благовониями, а вышколенные слуги тут же бросались исполнять любую прихоть Алиенор. Тут ей игодились все ее наряды и уборы: ведь каждый день прием следовал за приемом, роскошный пир за

торжественным молебном. Именно в Константинополе французская королева впервые воспользовалась вилок, впервые вдохнула аромат диковинных пряностей, узнала вкус греческих вин и изысканных яств: артишоков, жареных лягушек, сваренного в козьем же молоке козленка...

Королевская чета пробыла в византийской столице три недели. Они не знали, что в это время в битве при Каппадокии было наголову разбито войско германского императора Конрада. Большая часть его погибла или была взята в плен.

Император Мануил, желая избавиться от непрошенных гостей, не спешил сообщать им неприятную правду. Наоборот, он пустил слух, что действия Конрада вполне успешны и что если Людовик не поторопится, то все лавры достанутся немцам. Только переправившись через Босфор, французы узнали о несчастной участи своих союзников.

Им и самим приходилось несладко: турки то тут, то там нападали на армию крестоносцев, держа их в постоянном напряжении. Несколько раз подвергалась опасности и жизнь самого короля. Недостаток съестных припасов и фуража заставил Людовика бросить множество вьючных животных и багажа.

Утративший энтузиазм Конрад дошел до Эфеса и предпочел вернуться морем в Константинополь, а Людовик отплыл в Антиохию, одно из «государств крестоносцев». Его князем был родной дядя Алиеноры — Раймонд Пуатевинский.

Раймонд Пуатевинский

Этот доблестный рыцарь отличался красотой, недюжинной силой и ловкостью, а также мастерством наездника: Раймонд шутя гнул толстые железные прутья; мог, въехав на могучем жеребце под арку, схватиться за кольцо в кладке и, сжав бока животного коленями, заставить его остановиться.

Князем Антиохии Раймонд стал благодаря удаче. Король Иерусалима Фульк I Анжуйский подыскивал для Антиохии правителя взамен погибшего, и его выбор пал на Раймонда. Тот сразу же согласился: ведь ему, как младшему сыну, на родине ничего не светило. Чтобы стать антиохийским князем, Раймонду нужно было жениться на Констансе — дочери и наследнице покойного антиохийского князя. Одно смущало: Констанса в ту пору исполнилось всего девять лет. У нее была мать — молодая и привлекательная вдова Алис. Когда Раймонд прибыл в Антиохию, эта дама наивно предположила, что целью его

матримониальных планов является она сама. Ее не стали разубеждать.

Однако Раймонд понимал, что в случае брака с Констанс он становился полноправным государем, а если бы он женился на Алис, то в лучшем случае мог бы претендовать на регентство. Даже его собственный сын от Алис имел бы больше прав на престол, чем он сам, не говоря уже о гипотетическом суженом Констанс.

Сторону Раймонда принял патриарх Радульф — человек весьма хитрый и обходительный. Он согласился помочь при условии, что князь будет в дальнейшем во всем слушаться своего духовного сюзерена. Раймонд согласился. Радульф обвел вокруг пальца бедную Алис, и пока доверчивая женщина готовилась к собственной свадьбе, фактически похитил у нее дочь и организовал венчание, поставив мать перед фактом. Той оставалось лишь смириться.

Княжение оказалось хлопотным: Раймонду приходилось вести войны и с мусульманами, и с христианскими соседями. Прибытие французских крестоносцев Раймонд расценил как шанс свести счеты с врагами. Он тепло принял королевскую чету, хоть и не с такой пышностью, как в Константинополе, — но зато искренне. К тому же он был очень рад видеть свою повзрослевшую и похорошевшую племянницу, которую помнил еще маленькой девочкой. Раймонду было уже за сорок, Алиенор — исполнилось двадцать пять. И он, и она слыли признанными красавцами, на их фоне король Людовик явно проигрывал. Злые языки тут же зашептали о порочной связи между дядей и племянницей. Основной распространительницей этих слухов была иерусалимская королева Мелисанда, сестра обманутой Алис. Раймонда она ненавидела. Трудно сказать, сколько правды содержалось в ее обвинениях, но до сих пор многие историки говорят о связи Алиенор и Раймонда как о бесспорном факте. Однако слишком уж близким было их родство, и такой роман пахивал бы кровосмесительством, а известно, что сама Алиенор осуждала подобные вещи. Много лет спустя на «Суде любви» она открыто выскажется о кровосмешении.

Андре Капеллан:

«Вот еще какой любовный случай был представлен названной королеве на рассмотрение. Некто по неведению соединился любовью с родственницей, а узнав о таком грехе, стал искать повод уйти от нее. Дама же, связанная узами истинной любви, устремлялась удержать его в любовном повиновении, утверждая, что грех им не вменяется, ибо приступили они к любви, не зная вины.

По такому делу решение королевы было следующим: „Женщина, под

любым покровом заблуждения ищущая скрыть кровосмесительность любви, явственно поступает против права и пристойности. Ибо мы всегда должны противиться предосудительности кровосмешения, зная, что даже людские уста наказуют сие тягчайшими казнями“»).

Как бы то ни было, обвинения дошли до ушей Людовика. И король заревновал. Он категорически отказался предоставить Раймонду военную помощь в его борьбе с сарацинами и настоял на том, чтобы двигаться дальше — к Иерусалиму. Алиенора, понимая, что Антиохии грозит нешуточная опасность, уговаривала мужа изменить решение.

Под давлением своей воинственной супруги Людовик предпринял несколько выступлений. Сплетники-хронисты даже утверждают, что Алиенор, чтобы вдохновить войска, объезжала их ряды, обнажив грудь. Бесспорно, грудь красавицы-королевы могла вдохновить кого угодно, крестоносцы смело шли в бой, но раз за разом терпели поражение.

Между тем Конрад рассорился с Мануилом Комнином и, уйдя из Константинополя, направился в Иерусалим, где предпринял крайне неудачную войну против Дамаска. Результатом этой бездарной кампании стало поражение крестоносцев и потеря ранее христианской Эдессы. Энергия и рыцарский энтузиазм Конрада ослабли, и он решил в начале 1149 года возвратиться в Германию, не сделав, в сущности, ничего.

Людовик колебался. Он не хотел бесславно уезжать, подобно Конраду, но в то же время он не мог не прислушиваться к грязным намекам на отношения его жены с Раймондом.

Деньги снова закончились, военных успехов он не достиг, дипломатических — тоже... В конце концов Людовик VII решил возвратиться, бросив остатки своего войска на произвол судьбы. В начале 1149 года он на норманнских кораблях переправился сначала в Южную Италию, а осенью 1149 года прибыл во Францию.

Раймонд остался один, а когда поход окончательно провалился и к началу лета 1149 года крестоносцы разъехались, князь пал в битве при Инабе. Сарацины отрубили уже мертвому Раймонду голову и, оправив череп в серебро, отправили в дар халифу Багдада.

Констанс осталась вдовой с четырьмя детьми, но Антиохия устояла — на выручку пришел с юга молодой король Иерусалима Бодуэн III, а затем молодая вдова вторично вышла замуж.

**«Я молода, а жизнь моя уныла... Мне муж не мил,
любовь его постыла»**

(из старинной аквитанской песни)

Отношения Людовика с женой были безнадежно испорчены, Алиенор, презирая мужа, даже потребовала развода. Но в тот раз Сугерий, проявив чудеса дипломатии, сумел помирить супругов. Он привлек к этому даже самого папу римского. Понтифик лично отвел королевскую чету в спальню, украшенную алой парчой, и благословил их. В 1151 году Алиенор родила вторую дочь.

В январе этого года Сугерий умер, а весной следующего 1152 года Алиенор все же развелась с мужем. Формальной причиной развода было объявлено то, что они находились в дальнем родстве. Дочери остались с королем и были признаны папой законнорожденными, а за Алиенор были сохранены все ее земли в Аквитании.

Уже в мае, то есть спустя всего два месяца после развода, Алиенор вышла замуж за графа Генриха Анжуйского и Нормандского, который был ее моложе лет на десять. Молодые уже встречались несколько лет назад, во время дипломатического визита графа Анжу в Париж. Сплетничали, что уже тогда юный наследник Анжуйского графства познакомился с королевой Франции ближе, чем позволяли приличия. В результате их брака под властью Плантагенета оказалась практически вся западная Франция — территория, по площади и населению раза в четыре превышающая владения французского короля. Эти земли историки часто называют «Анжуйской империей».

Людовик возмутился: формально и Алиенор, герцогиня Аквитанская, и Генрих, граф Анжуйский, считались его вассалами и должны были испросить у него разрешения на свадьбу, но этого сделано не было.

Генрих II

Этот человек всю свою жизнь провел в междоусобных войнах. Первая началась, когда ему исполнилось всего лишь два года. Генрих II, родившийся в 1133 году, был старшим сыном Жоффруа V Плантагенета, графа Анжу и Мэна, и императрицы Матильды, дочери английского короля Генриха I. Сыновей Генрих I не оставил, и английский престол должен был отойти Матильде, а через нее — ее сыну Генриху. Однако трон Матильде не достался, его захватил племянник умершего короля Стефан Блуаский. Матильда отступить не пожелала, и это положило начало гражданской войне, длившейся почти двадцать лет.

Брак с Алиенор Аквитанской был крайне выгоден для Генриха:

благодаря ее богатству он смог наконец закончить войну за английскую корону. В 1153 году Генрих высадился в Британии и стал быстро продвигаться в глубь страны. Судьба ему благоприятствовала: погиб старший сын и наследник короля Стефана, а младший его сын был слишком мал. Стефан был вынужден признать Генриха своим наследником на английском престоле, а тот, в свою очередь, принес присягу верности королю и гарантировал неприкосновенность земельных владений его сына Вильгельма. Спустя год Стефан скончался. На английский престол вступил Генрих II Плантагенет.

Королева Англии

Следующие несколько лет жизни Алиенор можно назвать очень счастливыми, одного за другим она родила Генриху восьмерых детей: пятерых сыновей и трех дочерей. Их первенец — Гильом — умер в возрасте четырех лет, зато остальные выжили и могли похвалиться хорошим здоровьем.

По документам можно проследить, как Алиенор обустроивалась в Лондоне: она выписывала дорогие ткани и гобелены для обивки стен и мебели, благоуханные масла для светильников, золото, чтобы позолотить столовые приборы, дорогие вина, музыкальные инструменты и... трубадуров. Вместе с Алиенор в Англию прибыли ее любимые музыканты и поэты из Аквитании.

Своей страстью к истории, к поэзии, ко всему куртуазному Алиенор заразила и мужа: Генрих распорядился провести раскопки в Гластонберри — месте, которое народные легенды прочно связывали с Авалоном. Им действительно были найдены какие-то старинные предметы и меч, который король поспешил объявить Экскалибуром — легендарным мечом короля Артура.

Без сомнения, в ту пору Генрих был влюблен в свою жену и отчаянно ревновал ее. Ну, а учитывая, что куртуазная поэзия исполнена открытой чувственности и трубадуры порой позволяли себе весьма вольные поэтические обороты, поводов для ревности у него было предостаточно; так, он даже выслал из Англии величайшего лирика Аквитании Бернарта де Вентадорна, заподозрив его в связи с Алиенор.

Бернарт де Вентадорн

Из старинного жизнеописания поэта: «Бернарт Вентадорнский родом

был из Лимузина, из замка Вентадорн. Роду он был простого, происходя от служилого человека и булочницы, как говорит о нем Пейре Овернский в песне, где он поносит всех трубадуров:

„Третий же — де Вентадорн, старый шут;
Втрое тоньше он, чем Гираут,
И отец его вооружен
Саблей тонкой, как ивовый прут,
Мать же чистит овечий закут
И за хвостом ходит на склон“.

Впрочем, чьим бы он ни был сыном, Бог ему дал наружность красивую и приятную, а сердце благородное, от какого всякое благородство и происходит, и даровал ему ум, разум, вежество и сладкоречив, и еще владел он утонченным трубадурским искусством складывать прекрасные слова на веселый напев».

Далее биограф рассказывает, что Вентадорн долгое время жил при дворе герцогини Нормандской — то есть Алиенор (так ее называли по мужу, до того как Генрих стал королем) — дамы «юной и благородной и умевшей ценить вежество, честь и изящество обращенных к ней восхвалений. Кансоны и песни Бернарта очень нравились ей, и она встретила и приняла его весьма сердечно. И долгое время имел он от нее великую радость и счастье».

Когда король Генрих увез Алиенор в Англию и запретил влюбленному трубадуру видеться с ней, Бернарт от горя и тоски о ней постригся в монахи в Далонском аббатстве, где и оставался до конца своих дней.

Прекрасная Розамунда

Генрих и Алиенора строили себе роскошные дворцы, обставляли их со всей возможной роскошью, окружали эти дворцы парками. Они были или казались счастливыми, несмотря на все свои действительные или мнимые романы на стороне. Король и королева были всеми любимы, удачливы в политических начинаниях, у них один за другим рождались дети... и тут появилась разлучница — Розамунда Клиффорд. Имя этой женщины было многократно повторено в легендах, она считалась музой романтиков и прерафаэлитов. Легенда, сложенная в середине XIV века, повествует, что король Генрих полюбил прекрасную девушку по имени Розамунда, происходившую из простой бедной семьи. Не было в Англии женщины красивее, и Генрих любил ее страстно! Он опасался козней своей коварной,

жестокой и ревнивой жены королевы Алиенор и приказал построить для Розамунды тайное убежище в Вудстоке, окружив его садом в виде непроходимого лабиринта, путь по которому знали только самые доверенные и преданные люди.

Однако Алиенор узнала о тайной связи своего супруга и потратила немало сил, чтобы выведать путь к центру лабиринта. Она нашла Розамунду и предложила возлюбленной короля выбор — смерть от кинжала или яда. Розамунда предпочла яд.

Прекрасную Розамунду похоронили в Годстоу, на небольшом островке между двумя рукавами Исиса, в церковном приходе Вулверкот, близ Оксфорда. На ее надгробии выбили двусмысленную эпитафию по-латыни, которую нельзя перевести на русский, не нарушив игру слов:

*Hic jacet in tumba Rosa Mundi, non Rosamunda,
Non redolet, sed olet, redolere solet.*

(«Здесь покоится не Роза Целомудрия, а Роза Красоты,
Но аромат ее испарился и сменился смрадом тления»).

Правды в этой легенде довольно мало. Красавица Розамунда Клиффорд (до 1150 — ок. 1176) вовсе не была бедной простой девушкой: у ее семьи были влиятельное имя и богатые владения.

Связь Розамунды с королем началась в 1166 году, когда Алиенор была беременна своим последним ребенком, будущим королем Иоанном Безземельным. Измена жестоко оскорбила королеву, и она покинула Англию, поселившись на своей родине — в Аквитании. Она не собиралась скрывать обиды и постаралась настроить против отца старших сыновей.

Генрих, однако, не слишком переживал. Позабыв семью, он стал открыто демонстрировать свои отношения с Розамундой Клиффорд.

Потом Розамунда заболела и удалилась в монастырь Годстоу, где вскоре умерла в возрасте двадцати шести лет. Могила ее была уничтожена в годы правления Генриха VIII.

История о лабиринте в Вудстоке, прозванным «Будуаром Розамунды», стала популярна в эпоху царствования Елизаветы I. В XVII веке во время гражданской войны замок был разрушен, и от его парка ничего не осталось, поэтому трудно сказать, существовал ли лабиринт на самом деле. Скорее всего — да, существовал: в XII веке такие архитектурные изыски были в большой моде.

На месте Вудстока ныне стоит другой дворец — Бленхейм. Ходят слухи, что в его залах и башнях все еще бродит неуспокоившаяся душа Розамунды: ее призрак переворачивает стулья, срывает занавеси, мешая

гостям отдыхать. Видимо, при жизни эта дама обладала не самым легким характером.

Надо признать, что среди современников она была весьма непопулярна. Романтический флер окутал ее имя лет на двести позже, а для англичан XII века Розамунда Клиффорд была выскочкой, разлучницей, поссорившей короля с его красивой, веселой, энергичной и плодовитой супругой. Всеобщие симпатии были на стороне королевы. О Розамунде отзывались без всякой симпатии и с презрением. Писатель, богослов и историк Ги́рольд де Барри, современник Генриха и Алиенор, даже позволил себе язвительные опыты над ее именем, превратив Rosamunda в Rose Immonde — поганую розу.

Современные историки любят напоминать, что Алиенор была лет на десять старше супруга и родила к тому времени в общей сложности десять детей. Да, это немало. Но надо принимать во внимание, что здоровье и жизненная сила у людей XII века были несравнимы с нынешними, ведь жили они в крайне агрессивной среде. Свирепствовал естественный отбор: детская смертность была крайне высокой, выживали лишь сильнейшие. Ну а потом, если дама в молодости не погибала от родильной горячки — т. е. попросту от занесенной акушеркой инфекции, то у нее были все шансы сохранить здоровье и привлекательность и в сорок, и в пятьдесят лет. Конечно, речь идет только о женах феодалов, крестьянки редко доживали до такого возраста.

Прекрасные дамы

Современная реклама косметических средств без умолку твердит про увлажнение кожи. Еще древние египтянки стремились защитить кожу от иссушения, смазывая ее маслом, но настоящий прорыв в этой области совершил римский врач Гален, живший в II веке нашей эры — он изобрел козьим жиром. Так называют взбитую смесь травяных настоев и масел. Хранится она недолго: смесь масла и жидкости — идеальная среда для размножения бактерий, но зато замечательно увлажняет кожу и разглаживает морщины. В старинные кремы входили всевозможные отвары и настои трав, соки, эфирные масла и масла-основы, мед, пчелиный воск, а также консерванты, например бора. С падением Римской империи эти знания были забыты в Европе, но сохранились на Востоке, и теперь крестоносцы и сопровождающие их дамы привезли их обратно. Ухаживающие средства лет на десять продлили молодость европейских красавиц.

Другим ухищрением, пришедшим с Востока, было достаточно развитое искусство гримировки лица. Среди предметов роскоши, привозимых крестоносцами из дальних земель, были белила, румяна и краска для глаз. Один из трубадуров, монах из Монтаудона, даже острил по этому поводу:

«Я к Господу как-то попал.
Вижу — его обступили.
Статуи в гневе вопили,
Чтоб он наших донн обуздал:
На краски вскочила цена, —
Все больше идет их на донн,
А статуям храмов — урон,
Их лики — бледней полотна.
Недолго цветет их весна, —
Ведь смертный стареть обречен, —
Но краской обман совершен:
Глядишь — а старуха юна!»

Английская королева, сама побывавшая на Востоке, владела искусством грима в совершенстве. Да, Алиенор уже исполнилось сорок шесть. Но и позднее поэты по-прежнему именовали ее «дамой юной и благородной». «Была она веселой, одаренной доблестью, честью и могуществом и умела ценить доблестных и достойных», — восклицает биограф. Ему вторит католический монах: «Жена несравненная!» Мало того, до нас дошли даже неприличные, но весьма патриотичные и верноподданнические частушки, в которых поэты из простонародья выражали восхищение красотой своей королевы.

Надо признать, что понятия о женской красоте в те времена были иные, чем теперь. Не стройные отроковицы, а зрелые, уверенные в себе женщины, матери многих детей пленяли воображение поэтов. Подруге Алиенор, не менее прекрасной даме Ирменгарде Нарбонской, стукнуло сорок пять. Джауффре Рюдель отправился в Крестовый поход, чтобы хоть раз увидеть блистательную Годиэрну Триполитанскую, когда той уже исполнилось тридцать восемь лет. Уже упоминавшейся красавице Иде Австрийской, пропавшей без вести в Первом крестовом походе, исполнилось сорок семь, и она была матерью семерых детей. Несмотря на это, рассказывали, что она не погибла, а была похищена и увезена в гарем эмира, где родила ему героя-сына. Ни малейших сомнений в том, что эта дама способна влюбить в себя восточного эмира, ни у кого не возникло.

Впрочем, порой трубадуру было опасно не славить красоту дамы. Так,

когда один из них весьма неосторожно позволил себе высмеять уже семидесятилетнюю Алиенор и обозвать ее старухой, та приказала зарезать беднягу.

Жизнь в Пуату

Годы, проведенные Алиенор в Пуату, стали квинтэссенцией куртуазии. Королева старалась затмить Лондон блеском своего двора и возбудить ревность супруга. В ее замке собирались самые прекрасные дамы, самые смелые рыцари и талантливые поэты. Почти каждую неделю проводились турниры и балы. Три старших принца, оставив Лондон, переселились в Пуату. Здесь же часто гостила их сестра — Мария Шампанская.

Изысканным дамским развлечением стали «суды любви» — деликатный и тонкий разбор житейских ситуаций с точки зрения куртуазности.

Королева Алиенор, еще недавно так любившая своего мужа, теперь утверждала, что «супружеский долг и любовь — совсем разные чувства» и что «любовь не имеет силы над мужем и женой». Ею и другими дамами был составлен целый свод правил, которым должны были подчиняться куртуазные любовники. Вот некоторые из них:

- Брак не является освобождением от любовных приключений.
- Нельзя одновременно любить двоих.
- Известно, что любовь всегда приходит и уходит.
- То, что любовник берет против воли своей любимой, не дает наслаждения.
- Когда один влюбленный умирает, оставшийся в живых должен носить траур в течение двух лет.
- Никто не должен быть лишен любви без самой веской причины.
- Любовь — всегда чужая в скупом доме.
- Не подобает любить того, с кем вы стыдитесь вступить в брак.
- Истинный влюбленный не желает ничьих объятий, кроме объятий солюбовницы или солюбовника.
- Любовь, получившая огласку, редко продолжается.
- Легкое достижение любви снижает ее ценность: трудности достижения делают ее драгоценной.
- Каждый влюбленный постоянно бледнеет в присутствии его любимой.
- Когда возлюбленный внезапно ловит взгляд его любимой, его сердце трепещет.
- Если любовь ослабевает, она быстро остывает и редко возрождается.

- Влюбленный человек всегда полон тревог.
- Истинная ревность всегда увеличивает чувство любви.
- Ревность увеличивается, когда один влюбленный подозревает другого.
- Тот, кого мучает мысль о любви, ест и спит очень немного.
- Что бы ни делал влюбленный, он всегда думает о своей любимой.
- Для истинного влюбленного хорошо только то, что хорошо для его любимой.
- В любви все средства хороши.
- Влюбленные ненасытны друг другом.
- Человек, испытывающий слишком большую страсть, как правило, не влюблен.
- Истинный влюбленный постоянно и без перерыва думает о любимой.
- Ничто не запрещает одной женщине быть любимой двумя мужчинами или одному мужчине — двумя женщинами.

Придворный писатель королевы Андре Капеллан создал целый трактат «О любви», где привел многие решения таких куртуазных «судов»: «Некто, наслаждавшийся в объятиях превосходнейшей любви, испросил у своей любви дозволения обратиться к объятиям другой дамы. Возымев такое дозволение, он отлучился от прежней своей госпожи и доле обычного небрег ее утехами. По миновании же месяца воротился любовник к прежней госпоже и молвил, что ни с какою другою дамою он утех не вкушал и вкушать не намеревался, а единственно желал испытать постоянство своей солюбовницы. Госпожа однако же отлучила его от любви своей, объявив, что для такого отлучения довольно и того, что он просил и получил вышесказанное увольнение.

Но королева Алиенора высказалась вопреки суждению этой дамы и на спрос об этом случае так ответила: „Ведомо, что сие лежит в самой природе любви, что солюбовники зачастую измышляют, будто ищут новых утех, но сами лишь хотят вернее познать взаимность постоянства и верности. Посему противно естеству любви за это замыкать объятия пред любовником или в любви ему отказывать, ежели нет достоверного свидетельства неверности любовника“».

Было еще и такое сомнение: некоторый юноша, никакими достоинствами не отмеченный, и пожилой рыцарь, приятный всеми качествами, искали любви одной и той же дамы. Юноша притязает на предпочтение потому-де, что причастившись взыскуемой любви, сможет он достичь и нравственного достоинства; и когда взойдет к такому он достоинству, то будет в том его даме немалая честь.

На сие королева Алиенора так ответствовала: «Пусть даже и покажет юноша, что причастясь любви, он впрямь взойдет ко нравственному достоинству, то все равно неразумно поступает женщина, в любви предпочитая недостойного тем паче, когда ищет любви ее муж доблестный и душевным вежеством сияющий. Ибо ведь может быть и так, что по его недостойному нраву он, достигнув желанного блага, все же в нем не почерпнет себе средства к совершенствованию: не всегда ведь и посеянные семена бывают урожайными».

Сюжет о съеденном сердце

Сюжеты, на которые писали трубадуры, порой были весьма оригинальны и могли бы шокировать современного читателя. В более поздних пересказах до нас дошла повесть «О съеденном сердце», первоначально сложившаяся как раз при дворе Алиенор. Она рассказывает о трубадуре, влюбленном в прекрасную даму и слагавшем о ней кансоны. Одна из этих кансон дошла до слуха ревнивого мужа прекрасной донны.

«И когда эн Раймон де Кастель Руссильон услышал кансону, которую сложил Гильем для жены его, он призвал Гильема явиться к нему как бы для беседы довольно далеко от замка, и отрубил ему голову, и положил ее в охотничью сумку, а сердце вырезал из тела и положил вместе с головой. Вернувшись же в замок, он приказал изжарить сердце и подать его на стол жене, и заставил ее съесть его; а она не знала, что она ест. Когда же кончила она есть, встал эн Раймон и сказал жене, что съела она сердце эн Гильема де Кабестаня, и показал голову и спросил ее, пришлось ли сердце Гильема ей по вкусу. И она как услышала, что он ей сказал, и увидела голову эн Гильема, и узнала ее, то, отвечая ему, сказала, что сердце было такое хорошее и вкусное, что никогда никакая пища и никакое питье не заглушат у нее во рту вкуса, который оставило сердце сеньора Гильема. И тогда кинулся на нее эн Раймон с мечом, она же побежала от него, бросилась с балкона и разбила себе голову».

О, сей ужасный поступок не остался безнаказанным!

«Стало это известно по всей Каталонии и во всех землях короля Арагонского, и король Альфонс и все сеньоры тех мест погрузились в великую скорбь и великую печаль по поводу смерти эн Гильема и дамы его, которую эн Раймон столь гнусно умертвил. И собрались сородичи Гильема и дамы, и все куртуазные рыцари той округи, и все влюбленные, и объявили ему войну не на жизнь, а на смерть».

Гражданская война

У Генриха и Алиенор было четыре выживших сына: Генрих, Ричард, Джеффри и Иоанн. Младшего — Иоанна мать не очень любила, возможно, потому, что как раз перед родами узнала об интрижке супруга с Розамундой. Он не отличался ни умом, ни силой характера, зато слыл любимцем отца и волею судеб именно его потомки в дальнейшем правили Англией.

Третьим сыном Алиенор был Джеффри, рожденный в 1158 году, герцог Бретани и граф Ричмонд. Он погиб в возрасте двадцати восьми лет на турнире, находясь в гостях у короля Франции Филиппа, с которым был очень дружен. Его единственного сына Артура Бретонского в шестнадцать лет зарежет Иоанн Безземельный.

Второй по старшинству — Ричард родился в 1157 году в Оксфорде, в замке Бьюмонт. Он был хорошо образован, владел несколькими языками и писал стихи. Он был силен, красив и очень высок ростом. Бертран де Борн дал ему сеньяль «Да и нет»: этот любимый герой Вальтера Скотта был не слишком решителен и всегда долго колебался перед тем, как что-то предпринять. По словам одного арабского летописца, «английский король так же часто заключал условия, как брал их обратно: он постоянно менял уже принятые решения или предъявлял новые затруднения: только что он давал слово, как брал его назад, и когда он требовал сохранения тайны, то сам ее нарушал».

Больше всего он любил воевать — с детства он проявлял недюжинные политические и военные способности, был известен храбростью и умел брать верх в спорах с аристократами. Так же как и его братья, Ричард боготворил свою мать и осуждал отца за пренебрежение ею. Находясь в плену, он писал кансоны, посвященные ей — его матери, его единственной Прекрасной Даме. Средневековые биографы даже порой путали и принимали Алиенор не за мать, а за невесту Ричарда.

Отношения с женщинами у Ричарда складывались плохо. Его брак с Беренгарией остался бездетным: он почти не жил с ней, предпочитая проводить время в военных походах.

В юности Ричард оставался в тени своего старшего брата — Генриха, коронованного в возрасте пятнадцати лет как наследник престола еще при жизни отца и поэтому получившего прозвание «молодой король» или «король-юноша». Существует легенда о том, что на банкете, посвященном коронации Генриха, его отец прислуживал ему и заметил, что это редкая

честь, когда тебе прислуживает сам король. На это младший Генрих остроумно ответил, что сыну графа пристало прислуживать сыну короля. Он был женат на Маргарите Французской, дочери короля Людовика VII, но их единственный сын умер в младенчестве.

Генрих был красив, силен и смел. Он был великолепен в бою и на турнире, но, увы, неумен, недалёковиден и слишком поспешен в своих решениях. Эти качества в конечном счете и привели его к гибели. Молодой король рассорился с отцом и вместе с матерью и братьями пытался в затяжной гражданской войне 1173–1174 годов отобрать королевскую власть у Генриха-старшего.

Военные действия завязались в Нормандии в июне 1173 года. Старый Генрих не собирался сдаваться. И уже осенью ему улыбнулась удача: его люди взяли в плен горстку вооруженных пуатевинцев. Среди них переодетая в мужской костюм обнаружилась королева Алиенор.

Так она стала пленницей, сначала в Шиноне, затем в Англии — в Солсбери.

Но война продолжалась. Мятежные сыновья то мирились с отцом, выпрашивая прощение и принося клятвы верности, то снова поднимали бунт. Относительное затишье наступило лишь в 1183 году, когда от дизентерии умер двадцативосьмилетний Молодой король. Перед смертью он послал к отцу с просьбой в последний раз даровать ему прощение. Генрих не сразу поверил, потом достал из шкатулки дорогой сапфировый перстень и отдал его посланцам, те поспешили назад, застав своего господина уже в агонии. Он еще успел поцеловать присланное отцом кольцо и надеть его на палец.

С ним его и похоронили. Узнав о смерти сына, Генрих произнес: «Он дорого мне обошелся, но хотел бы я, чтобы он обошелся мне еще дороже, оставшись жить».

После смерти Молодого короля условия содержания Алиенор были значительно смягчены: ее выпускали из тюрьмы по церковным праздникам для совершения паломничеств к святыням. К ней были допущены гости — ее дочь Матильда с мужем; спустя год она сама навестила Матильду, разрешившуюся от бремени в Винчестере. Генрих стал делать ей подарки: алое платье, подбитое беличьим мехом, богато украшенное седло.

По свидетельству современников, Алиенор, хоть и была старше супруга лет на десять, выглядела значительно моложе его. Она до старости осталась красавицей, постарев, но не подурнев. «Прекрасная и целомудренная женщина, величественная и скромная одновременно, смиренная и красноречивая» — вот какое впечатление произвела она на

винчестерских монахов во время своего визита.

А вот Генрих выглядел очень плохо: он одряхлел и обрюзг, подволакивал левую ногу и, по всей видимости, страдал болезнью Паркинсона: его руки сильно дрожали. Одевался он крайне неряшливо и неопрятно, двор его пришел в упадок. С возрастом Генрих стал подозрителен и очень жесток. Именно в его правление был принят закон, согласно которому за убийство оленя полагалась смертная казнь: король обожал охоту и не желал делиться ни с кем дичью.

Утомленный стычками с сыновьями, Генрих II умер в 1189 году. Узнав о его кончине, тюремщики немедленно освободили шестидесятисемилетнюю Алиенор и даже организовали ее переезд в Винчестер.

Королева прожила еще 15 лет, причем очень активно: отправилась в Третий крестовый поход, выбрала невесту своему любимому сыну Ричарду, пережила его плен, освобождение и гибель. Семидесятилетней старухой она сумела организовать оборону замка, осаждаемого ее собственным внуком Артуром Плантагенетом, и продержаться до прибытия войск сына.

Умерла Алиенор в 1204 году, по легенде — от ярости, узнав о захвате врагами замка Шато-Гайяр, построенного ее любимым Ричардом.

Глава 4

Женщины Возрождения

Италия. Треченто. Чума

Чума пришла с Востока. Никто не знает точно, что послужило началом страшной пандемии: то ли Пятый крестовый поход, то ли война генуэзцев с золотоордынским ханом Джанибеком, то ли пристрастие галантных дам и кавалеров к восточным шелкам, поставлявшимся из зачумленного района Китая. Так или иначе, в середине XIV века на Европу обрушилась страшная беда.

«Флоренцию, прекраснейший из всех итальянских городов, постигла смертоносная чума» — именно так начинается «Декамерон» Джованни Боккаччо: «В начале болезни у мужчин и женщин показывались в пахах или под мышками какие-то опухоли, разраставшиеся до величины обыкновенного яблока или яйца, одни более, другие менее; ... в короткое время эта смертельная опухоль распространялась от указанных частей тела безразлично и на другие, а затем признак указанного недуга изменялся в черные и багровые пятна, появлявшиеся у многих на руках и бедрах и на всех частях тела, у иных большие и редкие, у других мелкие и частые. И как опухоль являлась вначале, да и позднее оставалась вернейшим признаком близкой смерти, таковым были пятна, у кого они выступали. Казалось, против этих болезней не помогали и не приносили пользы ни совет врача, ни сила какого бы то ни было лекарства... только немногие выздоравливали и почти все умирали на третий день после появления указанных признаков... не только беседа или общение с больными переносило на здоровых недуг и причину общей смерти, но, казалось, одно прикосновение к одежде или другой вещи, которой касался или пользовался больной, передавало болезнь дотрагивавшемуся».

Свирепствовала болезнь несколько лет, буквально опустошая целые области. Люди жили, зная, что каждый день может стать для них последним. Одни полагали, что умеренная жизнь и воздержание от всех излишеств помогут им в борьбе с чумой: они старались уединиться или собирались небольшими кружками, предаваясь постам и молитвам. Другие — напротив — ловили каждый миг ускользающей жизни. Те, кому позволяли средства, лакомились изысканными яствами и винами, проводили время среди музыки и удовольствий, какие только могли себе

доставить. Не вынося уединения, они утверждали, что много пить и наслаждаться, бродить с песнями и шутками, удовлетворять по возможности всякое желание, смеяться и издеваться над всем, что приключается, — вот вернейшее лекарство против недуга. Они кочевали из одной таверны в другую, выпивая без удержу и меры, порой устраивая пирушки даже в выморочных или брошенных домах. Таких домов было очень много: люди бежали из городов, бросая имущество «точно им больше не жить». Большая часть домов стала общим достоянием, и посторонний человек, если вступал в них, пользовался ими так же, как пользовался бы хозяин. «Всякому позволено было делать все, что заблагорассудится», — грустно заключает Боккаччо.

Именно тогда, в середине треченто, окончательно сформировалось мировоззрение итальянского Ренессанса: безудержный гедонизм, стремление наслаждаться сегодняшним днем, не беспокоясь о дне завтрашнем, который мог и не наступить. Здесь и далее будут употребляться термины «треченто», «кватроченто», «чинквеченто» — принятые в истории итальянские наименования четырнадцатого, пятнадцатого и шестнадцатого веков. Да, именно так: треченто — это четырнадцатый век, а не тринадцатый, так как название переводится с итальянского как «трехсотые годы»; соответственно кватроченто — это «четырёхсотые годы», а «чинквеченто» — пятисотые, т. е. шестнадцатый век.

Разгул страстей не минул ни светских лиц, ни духовных. Тысячи монахов и монахинь жили вне монастырских стен. Священнослужители занимались прибыльным бизнесом, держа мясные лавки. Порой было и того хуже: они выступали сутенерами или содержали кабаки и игорные дома. Неоднократно издавались указы, запрещающие священникам «ради денег делаться сводниками проституток», но все напрасно: уж больно велик был доход, получаемый от домов терпимости. Историк Корнелий Агриппа сообщает, что ежегодный доход от лупанариев (публичных домов) приносил папе двадцать тысяч дукатов: «Дело это считалось настолько обыденным, что мне часто приходилось слышать, как епископы, подсчитывая доходы, говорили: „Два бенефиция дают мне три тысячи дукатов в год, один приход приносит пятьсот, монастырь — триста, а пять шлюх в лупанариях папы мне приносят двести пятьдесят“».

Порой и женские монастыри превращались в публичные дома, писатели того времени открыто говорят об этом. Монахини принимали клиентов и предавались оргиям, а потом в сточных канавах находили младенческие скелеты.

Когда вместе с войском французского короля Карла VIII в конце кватроченто — XV века — так называемая французская болезнь, раньше встречавшаяся в Италии эпизодически, начала распространяться в ужасающей степени, жертвами ее пали не только многие светские, но и высокопоставленные духовные лица. По католическому обычаю, больные посвящали святым гипсовые или восковые слепки недужных органов. Эпидемия распространилась столь широко, что статуи Девы Марии были буквально окружены и обвешаны слепками половых органов. Можно легко представить, какое впечатление это производило на молодых прихожанок.

Искусство и литература начинающегося Возрождения, забыв про средневековую скромность и романтизм, обратилась к теме наслаждений плоти. Разнообразные игривые новеллы, подчас граничащие с самой настоящей порнографией, были очень популярны. Особенно прославился Антонио Беккаделли, по прозвищу Панормита, что означает уроженец Палермо. Он состоял на службе неаполитанского короля Альфонса Арагонского Великодушного, занятого борьбой со своей мачехой, злой королевой Джоанной. Его перу принадлежат и серьезные труды: «О речениях и деяниях короля Альфонса Арагонского», собрание «Дружеских писем», но своей огромной известностью он обязан в первую очередь скандальному сборнику эпиграмм, названному «Гермафродит». Он был написан автором еще в юности в Сиене. Панормита подражал римлянину Марциалу, но превзошел его по части эротики. Критики единодушно сходятся в том, что «Гермафродит» — произведение малопрстойное. Сборник был с восторгом принят гуманистами и встретил ожесточенные нападки со стороны проповедников, сжигавших по всей Италии изображения его автора. Книга эта была посвящена Козимо Медичи и сразу стала очень популярной по всей Италии. Когда в Вероне какой-то самозванец выдал себя за автора «Гермафродита», в его честь городские власти даже устроили праздник.

Пренебрегая обетом безбрачия, папы и кардиналы плодили незаконнорожденных отпрысков, другие предпочитали хорошеньких мальчиков. Имели незаконных детей папа Пий II, и папа Иннокентий VIII, и папа Юлий II, и папа Павел II. Папа Климент VII сам был незаконным сыном Джулиано Медичи.

Кардиналы открыто поддерживали отношения с куртизанками, соблазняли замужних женщин. Так, кардинал Алидозо, пользовавшийся особым благоволением папы Юлия II, похитил жену почтенного и родовитого флорентийца и увез ее в Болонью, где был тогда папским легатом. Кардинал Библиена, друг папы-гуманиста Льва X, имел

постоянную любовницу. По распространенной версии, некоторые из куртизанок даже удостоивались чести быть изображенными на стенных росписях Ватикана. Так, Рафаэль, живописуя Парнас, оставил там портрет знаменитой гетеры по прозвищу Империя, а его великолепная Сикстинская Мадонна — это гетера Форнарина.

Куртизанки

Этот промысел был чрезвычайно распространен в Италии эпохи Возрождения. В Риме в конце кватроченто насчитывалось 6800 проституток, в Венеции в начале чинквеченто — одиннадцать тысяч. Бывали времена, когда институт куртизанок приходилось специально поощрять, поскольку уж слишком распространялся «гнусный грех», то есть содомия. В связи с этим проституткам запрещалось одеваться в мужскую одежду и делать себе мужские прически.

Сохранились целые трактаты, посвященные искусству продажной любви, в которых говорится, чем славились венецианки, в чем заключалась неодолимая сила генуэзок и каковы были достоинства испанок. До нас дошли мемуары некоторых известных куртизанок, из которых можно узнать, что публичные женщины часто были весьма образованными и умными особами. Многие из куртизанок были прекрасными музыкантшами и поэтессами. Своим ремеслом они начинали заниматься лет в двенадцать, а заканчивали, будучи уже за сорок. Постаревшие проститутки занимались также физиогномикой, хиромантией, врачеванием и изготовлением лечебных и любовных средств.

Частенько их привозили из Германии, так как итальянцы ценили светлые волосы немок. Те итальянки, которых природа обделила этим богатством, специально окрашивали и высветляли свои локоны способом довольно простым, хоть и длительным по времени: волосы смачивали раствором крепкой щелочи (например, водой, настоянной на золе, лучше всего из березовых дров), а затем, равномерно распределив по полям большой шляпы без тульи, сушили на ярком солнце.

Именно средневековым куртизанкам мы ныне обязаны возникновением знаменитого муранского стекла: для большинства из них настоящие драгоценные камни были недоступны — и стекольные мастера предложили им имитацию.

Вероника Франко

Самой знаменитой из них на сегодняшний день является Вероника Франко, жившая во второй половине XVI века — чинквеченто. Вероника сама была дочерью куртизанки и была включена в перечень всех основных и наиболее уважаемых куртизанок Венеции.

В юности Вероника вышла замуж за какого-то доктора, но семейная жизнь не привлекла молодую женщину, и она вскоре развелась с мужем, вернув себе приданое. Разводу не помешала даже ее беременность. Всего от разных отцов у нее родилось шестеро детей, трое из которых умерли в младенчестве, это было обычным делом в ту эпоху.

Пока Вероника была молода, жизнь ее складывалась счастливо: богатые любовники, в числе которых был даже французский король, достаток, роскошь, интересное, интеллектуальное окружение: она была участницей литературного салона сенатора Доменико Веньера.

Вероника славилась красотой и умом, она писала стихи и вызывала всеобщее восхищение.

Но в 1575 году в Венеции разразилась эпидемия чумы. Испуганная Вероника покинула город, а когда вернулась, то нашла свой дом разграбленным. К тому же на ее плечи легла забота об осиротевших племянниках.

Ну а тут свалилась новая беда: Веронику обвинили в ведьмовстве. Клеветником стал Ридольфо Ваннителли, учитель ее сына, долго и безнадежно добивавшийся взаимности знаменитой куртизанки. Сохранились документы суда, из которых видно, что Вероника сумела защитить себя в суде и сделала это блестяще. Клеветнику она отомстила, обвинив его в воровстве.

Но репутация ее пострадала, молодость миновала и с этого момента ее карьера пошла на спад. Вероника была вынуждена переселиться в менее престижный квартал и, по некоторым сведениям, стала очень религиозной. Свою литературную деятельность она прекратила. Умерла она в возрасте 45 лет от тяжелой болезни.

Туллия д'Арагона

Туллия д'Арагона, старшая современница Вероники Франко, также была дочерью куртизанки. Туллия красивой вовсе не была. Тогда ценились женщины дородные, с пышными формами и мягкими чертами лица. Туллия же была высокой, худощавой, с большими тонкими губами и крючкообразным носом. Зато она была очень умной, остроумной, обладала прекрасным голосом и отлично играла на лютне. Покровительствовал

девочке кардинал Луиджи д'Арагона, архиепископ Палермо, который, возможно, был ее отцом.

В юности Туллия путешествовала по всей Италии, а древнейшей профессией занялась довольно поздно — лет в восемнадцать и быстро благодаря своему уму завоевала популярность.

В двадцать один год она пленила Филиппо Строцци, флорентийского банкира. Этот довольно грубый человек был «славен» тем, что унижал, оскорблял и довел до ранней смерти другую красавицу-куртизанку, поэтессу Камиллу Пизана. Тем не менее он влюбился в Туллию настолько, что стал делиться с ней государственными секретами, что вызвало скандал, и банкира срочно отозвали домой во Флоренцию, где Козимо Медичи приказал его убить.

Ну а Туллия, сменив множество умных, талантливых любовников, прославилась как поэтесса и писательница. Она пользовалась всеобщим уважением и не была стеснена в средствах.

Гаспара Стампа

По некоторым предположениям, не только музыкантшей, но и куртизанкой была Гаспара Стампа — самая известная итальянская поэтесса того времени, прожившая всего лишь чуть больше тридцати лет. Но скорее всего она не принадлежала к когорте «жриц любви», а занималась пением и музицированием. Современники восхищались ее игрой на лютне и нежным сильным голосом.

Замуж она не выходила, но часто заводила романы, более или менее длительные. Страстная влюбленность в графа Коллатино ди Коллальто, длившаяся несколько лет, до самой ее смерти, стала для Гаспары мукой и одновременно источником вдохновения. Их отношения были разорваны в 1551 году: граф охладел к прекрасной лютнистке и женился на другой. Однако сама Гаспара продолжала любить его. Она писала грустные сонеты о потерянной любви до самой своей смерти.

Борцы с «грехом» — инквизиция

Католическая церковь утратила авторитет, в Европе плодились ереси, которые угрожали могуществу римского престола. В XII — начале XIII века на юге Франции и на севере Италии распространилась ересь катаров, которые сразу поставили себя в оппозицию Риму утверждением, что церковь должна жить в бедности, а не в роскоши. На этом основании они

часто грабили монастыри и аббатства, что, без сомнения, не могло не вызвать негодования католических первосвященников. Для борьбы с еретиками в 1215 году был создан особый церковный суд под названием «инквизиция». Его главой был назначен испанец Доминик де Гусман, в будущем объявленный святым. В 1222 году папа Григорий IX отправил в южную Францию первые отряды инквизиторов, которым предоставлялась власть самостоятельно расследовать деятельность тамошних еретиков, конфисковывать их имущество, а их самих сжигать.

Постепенно перечень задач инквизиции расширялся: с конца XV века в ее компетенцию начинают входить суды над ведьмами.

Процессы над колдунами имели место еще во времена Меровингов: Григорий Турский описывает сожжение несчастных. В IX веке сыновья короля Людовика Благочестивого обвинили в колдовстве его вторую жену — красавицу Юдифь и ее подругу Гербергу. Гербергу утопили, а самой Юдифи удалось оправдаться, хоть ее несколько лет и продержали в заключении в монастыре.

В X и XI веках тоже периодически случались процессы над колдунами и ведьмами. Священники, возделавшие красивых женщин, обвиняли тех в колдовстве, и бедняжек сбрасывали с городских стен, вешали, жгли или топили, часто даже не по официальному приговору, а по самосуду толпы.

Все это были отдельные эпизоды, и число казнимых не превышало нескольких человек, массовый характер процессы над ведьмами приобрели не во времена «мрачного Средневековья», а в период Ренессанса, в XIV и XV веках. Этому способствовали буллы римских пап Иоанна XXII и Иннокентия VIII. Последний был известен своими гомосексуальными наклонностями, что не мешало ему иметь шестнадцать незаконнорожденных детей. Этот папа-сластолюбивый сокрушался, что «в некоторых частях Германии... очень многие лица обоего пола пренебрегли собственным спасением и, отвернувшись от католической веры, впали в плотский грех с демонами инкубами и суккубами».

Сам он при этом не чурался действий, которые вряд ли подобают христианину. Тяжело заболев и желая продлить свое земное существование, он согласился на «переливание крови». По рекомендации какого-то шарлатана папа выпил кровь трех мальчиков, едва достигших десяти лет. Каждому из них пообещали по дукату, но все трое умерли от кровопотери. Папу их кровь также не спасла.

Этот папа издал в 1484 году знаменитую буллу против ведьм, в которой прямо запретил светским и местным церковным властям чинить какие-либо препятствия инквизиторам, грозя за это отлучением и другими

карами. А то ведь местные власти приходили в ужас от свирепства папских следователей, буквально опустошавших их земли, и пытались умерить их рвение. Некий епископ сокрушался, что во вверенных ему деревнях выжили всего две женщины.

Три года спустя, в 1487 году, увидело свет страшное руководство для инквизиторов, оставленное членами ордена доминиканцев, профессорами богословия Яковом Шпренгером и Генрихом Инстититорисом — «Молот ведьм». На взгляд современного читателя, это собрание самых диких суеверий, откровенной чуши и всевозможных непристойностей, которое выглядело бы смехотворным, если бы не третья часть, в которой описывается ход дознания.

Страшная история из «Молота ведьм»:

«В городе Равенсбурге один юноша был привязан к девушке, но когда захотел бросить ее, то чародейственным образом потерял мужской член, так что не мог видеть его и чувствовал лишь гладкое тело. Он опечалился. Однажды он пошел в погребок купить вина; пока он там сидел, пришла туда одна женщина, которой он подробно рассказал причину своего горя и показал ей, что стало с его телом. Эта хитрая женщина спросила, не подозревает ли он кого-либо. Он назвал и рассказал всю историю. Тогда женщина сказала: „Необходимо, чтобы ты силою, так как любезность не поможет, принудил ее вернуть тебе здоровье“. Юноша темной ночью стал выжидать ведьму на дороге, по которой та обычно проходила; когда он увидел ее, то стал просить вернуть ему здоровье; та ответила, что она не повинна и ничего не знает; тогда он набросился на нее и стал душить полотенцем, крича: „Если ты не вернешь мне здоровья, то умрешь от моей руки“. Так как лицо ее уже распухло и посинело, то она сказала: „Хорошо, отпусти меня и я тебя вылечу“. Когда юноша ослабил узел петли, ведьма коснулась рукой его бедер у лобка и проговорила: „Теперь имеешь, чего хотел“. Юноша, как он рассказывал потом, прежде чем убедиться глазами и осязанием, явственно почувствовал, что одним прикосновением ведьмы член его был восстановлен».

Инквизиция заговорила о слетающихся из разных концов Европы стаях ведьм, устраивающих шабаши, и для уловления этих преступников наладила целую сеть инквизиционных трибуналов. Подсчитано, что за 150 лет в Испании, Италии и Германии были сожжены 30 тысяч человек. В изобилии выходили книги о колдовстве и магии, ученые мужи всерьез рассуждали о том, может ли дьявол оплодотворить женщину, теряет ли при этом девушка девственность, может ли колдун лишить мужчину полового члена и о прочих «важных» вопросах. Во множестве трудов разбирались и

то, что же происходит на шабашах.

Считалось, что шабаши устраивались обычно на покинутом кладбище, вокруг виселицы, развалин замка или заброшенного монастыря. Чтобы попасть на шабаш, ведьмы пользуются специальной мазью, приготовленной из печени некрещеных младенцев. Ведьма мажет тело этой мазью, садится верхом на помело, произносит заклинание и тут же взлетает в воздух. Ей не страшны ни буря, ни дождь, ни замки на дверях.

Дьявол представлялся хвостатым, с козлиными ногами и крыльями, как у летучей мыши. Ему отвешивали поклоны, повернувшись спиной отрекались от Бога, Богородицы, святых и посвящали себя дьяволу. Ведьмы и колдуны, имея в руках факелы, бешено танцевали, в полночь начиналось пиршество, на котором пожирались жабы, пауки и внутренности детей, умерших некрещеными. Пиршество сопровождалось оргией, за которой следовала черная обедня. Облаченный в черную ризу дьявол злобно издевался над христианской службой и предлагал для поклонения огромную красную морковь.

Первые лучи света разгоняли ведьм, и они разлетались, точно стая ворон. По пути они выбрасывали свои мази и яды на жатву и тем самым ее губили. Дьявол вручал ведьмам магический порошок, изготовленный из толченых костей мертвецов с пеной жаб.

С его помощью ведьмы губили поля, отравляли пищу и убивали людей. Кроме того, у ведьмы имелась магическая палочка, которой она если ударяла по луже, то вызывала проливные дожди и грозный град, переносила плодородие с поля одного крестьянина на поле его соседа и т. д. Не вредить людям ведьма не могла: дьявол не разрешал. Если она пыталась ослушаться, он бил и терзал ее, вселялся в нее и делал ее одержимой.

Богослов Варфоломей де Спино писал: «Бесчисленное множество инквизиционных процессов и наказаний ведьм доказывает, что ведовство и колдовство действительно существуют: в противном случае инквизиторы, приговаривавшие ведьм к смерти, были бы несправедливыми судьями. Так как церковь не только знает и принимает к сведению эти приговоры, но также санкционирует и одобряет их — следовательно, эти вещи действительно и истинны. Ведь каждому ясно, что почти весь земной шар полон дьявольских преступлений».

Королева Неаполя Джованна Первая

(правила в 1343–1382 гг.)

А были ли ведьмы на самом деле? Да, некоторых дам той эпохи иначе и не назовешь. Вот, например, недобрая и немудрая Джованна Неаполитанская! Эта правительница была наследницей двух древних династий — Анжуйской и Дураццо. Столь неблагозвучное для русского слуха название происходит от римского города Дуррес, который известен также под греческим названием Диррахий и итальянским Дураццо, расположенного на территории современной Албании, примерно в тридцати километрах западнее Тираны.

Дед Джованны, король Неаполитанский Роберт, прозванный Мудрым, умер в середине треченто. Это был достойный монарх, покровительствовавший Джотто, Боккаччо и Петрарке. Однако была у него слабость: остров Сицилия, который он долго и безуспешно пытался завоевать.

Роберт пережил своего единственного сына, не оставившего наследника мужского пола. Король был стар, немощен и во многом утратил реальную власть. Вдовы его братьев Екатерина де Куртене и Агнесса де Перигор со своими фаворитами разоряли страну бесконечными увеселениями, требовавшими немало денег.

Старый Роберт принял решение выдать свою внучку Джованну замуж, выбрав ей в мужа младшего сына венгерского короля — Андрея. На тот момент и жениху, и невесте было по семь лет. Их торжественно обручили в 1333 году, а обвенчали — в 1343-м. Роберт предполагал, что Джованна с супругом будут совместно коронованы и станут вместе править, но Джованна была иного мнения!

Андрей ей совсем не понравился, она посчитала мужа диким и невежественным и вовсе не хотела делить с ним власть. В августе 1344 года с согласия авиньонского папы Климента VI, номинального сюзерена Неаполя, Джованна I была коронована одна, без супруга.

Вскоре она совершила свое первое убийство, отравив Агнессу де Перигор. Вместе с Екатериной де Куртене они поставили хворавшей тетюшке клизму с ядом. Агнесса скончалась в страшных мучениях; все время, пока она корчилась и звала на помощь, Джованна и Екатерина насильно удерживали ее в постели, не выпуская из комнаты.

Напуганный Андрей написал своей матери, вдовствующей венгерской королеве Елизавете, сообщив о своем намерении бежать из Неаполя. Елизавета, не желая терять неаполитанскую корону, отправилась к папе Клименту и уговорила его короновать ее сына. Потом она навестила Неаполь, сделав там богатые подарки дворянам, а сыну вручила кольцо, обладатель которого, как считалось, не может погибнуть от холодного

оружия или яда. Недовольная всем этим Джованна решила устранить будущего супруга. Но как? Она была суеверна и верила в мощь амулета, поэтому кинжал или отравка исключались.

В заговоре участвовал ее любовник, сын уже покойной Екатерины де Куртене Людовик Тарентский, и Карл Дураццо, муж младшей сестры королевы. Сентябрьской ночью 1348 года они подкараулили Андрея у дверей его супружеской спальни; подкупленный слуга быстро запер дверь, чтобы принц не мог скрыться в комнате. Джованна в это время лежала в постели и не сделала ни малейшей попытки помочь мужу, который пытался защищаться и звал на помощь. После довольно долгой борьбы убийцы повалили его на пол и задушили шелковым шнурком, так как тоже верили в силу «охранного» кольца. Потом тело выбросили из окна, во дворе его увидели стражники и слуги, и весть быстро разнеслась по городу. Толпы жителей Неаполя окружили дворец с криками: «Смерть изменникам и королеве-блуднице». Джованна спаслась, выдав второстепенных участников убийства. Уже после смерти Андрея Джованна родила от него сына, увезенного родственниками в Венгрию и там умершего в раннем детстве.

Джованна вскоре вышла замуж за Людовика Тарентского, одного из убийц ее первого мужа. Людовик был коронован и стал королем Неаполя. Но жить «долго и счастливо» новобрачным не удалось.

Венгерский король Лайош I, брат Андрея, вторгся в Неаполь, желая отомстить за смерть брата. Он захватил в плен Карла Дураццо, предал его суду, признал виновным в убийстве Андрея и казнил его. Джованна также была объявлена соучастницей, но заочно, так как она вместе с мужем бежала в Прованс. Дальнейшим планам Лайоша помешала начавшаяся именно в этом году — в 1348-м — страшная эпидемия чумы.

Оба монарха согласились на беспристрастное расследование под контролем папы Климента. Джованна I могла сохранить свой трон только при условии невиновности в смерти мужа, в противном случае Неаполь должен был перейти под власть Лайоша I. Вердикт папы был неожиданным: Джованну признали участницей убийства, но не виновной, поскольку она действовала по наущению дьявола. Убийцей Андрея был назван уже казненный Лайошем I Карл Дураццо. Лайош вернулся во Францию, признав Джованну королевой Неаполя. Вскоре стала ясна причина столь мягкого приговора: Климент выкупил у Джованны за ничтожную сумму Авиньон, место своей постоянной резиденции. А Лайош Венгерский получил от неаполитанской королевы 300 тысяч флоринов в качестве откупа. Чтобы уплатить ему эти деньги, Джованна даже была

вынуждена заложить свою королевскую корону.

Авторитет королевы был совершенно подорван, в разоренной стране одно за другим следовали восстания; бароны отказывались подчиняться верховной власти, а во дворце на берегу Неаполитанского залива по-прежнему царили разврат, разгул, постоянно звучала музыка и лилось рекой вино, «нередко густо подмешанное кровью».

В 1362 году умер второй муж королевы, а уже в следующем году она вышла за молодого и замечательно красивого, но совершенно нищего Джакомо Арагонского, который уже через несколько дней после брака сбежал прочь из Неаполя. За ним выслали погоню, он был пойман, возвращен, снова бежал и вел бродячую жизнь, пока не умер в 1375 году в нищете и безвестности. Брантом передает сплетню, согласно которой бедняга был убит своей брошенной супругой.

В 1376 году уже стареющая Джованна в четвертый раз вышла замуж за рослого и здорового немецкого феодала Оттона Брауншвейгского. Так как старость была уже не за горами, а выживших детей у Джованны не было, она усыновила своего родственника — Людовика Анжуйского.

И снова разгорелась междоусобная война! Карл Малый, герцог Дураццо, внук отравленной Агнессы де Перигор, в 1382 году штурмом взял Неаполь, а после долгой осады — и королевский замок. Джованна вынуждена была сдать. В ноябре 1381 года Карл III Малый был коронован как король Неаполя, а 22 мая 1382 года Джованна I была по его приказу задушена. Это убийство было объявлено отмщением за смерть Андрея Венгерского. Но мир в Неаполе так и не наступил: еще долгие годы Карл Дураццо был вынужден воевать с Людовиком Анжуйским.

Катарина Сфорца

Основателем рода считается кондотьер Муцио Атендоло (1369–1424), получивший прозвище «Сильный», по-итальянски — Сфорца: он действительно был исполином, мог согнуть подкову и вскочить в седло в полном вооружении. На войну он ушел в пятнадцать лет, присоединившись к проходящим мимо наемникам. По преданию, Муцио метнул топор и загадал: если он застрянет в дереве, то юноша пойдет с солдатами, если упадет на землю, то останется. Топор застрял. К своему тридцатилетию Муцио уже сам командовал отрядом наемников.

Долгое время он служил неаполитанскому королю Владиславу, который желая заручиться преданностью кондотьера, взял «на воспитание» его сына — юного Франческо. Мальчик играл роль заложника, но,

несмотря на это, Владислав искренне привязался к ребенку, окружил его заботой и воспитывал вместе со своими сыновьями. Дела пошли хуже после внезапной смерти Владислава: Муцио был вынужден бежать из Неаполя и вскоре утонул во время одной из битв с Браччио де Монтоне при переправе через реку.

Стефано Инфессура:

«В лето 1413, в июне месяце, из Неаполя прибыл в Рим король Владислав, пробил стену у Санта-Кроче и вошел со всем своим войском в Латеран к св. Иоанну, где пробыл несколько дней. Вследствие такого вторжения короля папа Иоанн удалился из Рима и переехал во Флоренцию: он выехал в июле месяце со многими римлянами, причем во время бегства многие из них умерли от истощения. Король взял замок Ангела и вошел в Рим, где ему были оказаны большие почести... Затем король направился во Флоренцию, но по дороге был отравлен. Он хотел поспать у одной девицы, которой флорентийцы сказали: „Сделай так, и мы обогатим тебя: введи этот яд в твою срамную часть, и он умрет, а ты останешься жива“. И оба умерли».

Это был уже закат королевства Неаполь, вскоре оно потеряло самостоятельность. Последний его суверенный монарх — король Ферранте (или Фердинанд I) оставил о себе мрачную память. Большая часть его преступлений была вполне обычна для того времени: он предательски убивал, нередко прямо за своим столом, доверившихся ему людей и насильно овладевал женщинами. То, что он отравлял в венецианских церквах чаши со святой водой, чтобы отомстить венецианской сеньории, вызывало большое осуждение. Но самой эксцентричной его причудой было другое.

Лосев А. Ф.:

«Он сажал своих врагов в клетки, издевался над ними, откармливал их, а затем отрубал им головы и приказывал засаливать их тела. Он одевал мумии в самые дорогие наряды, рассаживал их вдоль стен погреба, устраивая у себя во дворце целую галерею, которую и посещал в добрые минуты. При одном воспоминании о своих жертвах он заливался смехом».

Бежав из Неаполя, двадцатитрехлетний Франческо Сфорца вернулся на службу к Миланскому герцогу, который обручил его со своей внебрачной дочерью. Много лет спустя они поженились: невеста едва достигла шестнадцати лет, жениху исполнилось сорок. Однако, несмотря на столь большую разницу в возрасте, между супругами установилось взаимопонимание, и брак этот стал счастливым. Бьянка постоянно ездила вместе с мужем по местам боевых действий, брала на себя

дипломатические миссии, участвовала в управлении. После смерти супруга она сделала все, чтобы власть перешла к ее сыну Галеаццо, в то время находившемуся в отлучке.

Увы, конец жизни Бьянки был печален: с сыном возникли трения. Не желая ссориться, Бьянка оставила Милан и поселилась в Кремоне, которая входила в ее приданое. Спустя два года вопреки советам своих приближенных она приняла участие в свадьбе Галеаццо, а вскоре после этого почувствовала себя больной. Это было весной, все лето Бьянка провела в постели, а в середине осени умерла.

Этот Галеаццо вообще был крайне неприятным типом: он приказывал закапывать живыми свои жертвы, выставлял на публичный позор соблазненных им женщин, однажды заставил крестьянина, укравшего зайца, съесть этого зайца живьем, с шерстью и шкурой, а за столом любил услаждать себя сценами содомии. В возрасте тридцати двух лет он был убит заговорщиками в церкви Сан-Стефано.

Злодей Галеаццо Сфорца оставил побочную дочь — Катерину Сфорца (1463–1509), ставшую графиней Форли и прозванную «Тигрицей Романьи». Порой именно ее называют как одну из настоящих моделей Моны Лизы.

Трижды она была замужем. Первый муж Катерины, Джироламо Риарио, «племянник», а на самом деле бастард папы Сикста IV выжил во время мятежа, разразившегося вслед за смертью понтифика, но затем во Флоренции был убит во время гражданского мятежа.

Катерина вторично вышла замуж за Джакомо да Фео, с которым обвенчалась тайно, так как он принадлежал к недостаточно знатному роду. Но и тут не замедлило случиться несчастье: заговорщики, возглавляемые неким Франческо Орсо, зарезали Джакомо на глазах у жены.

Николо Макиавелли:

«Все дома его были разграблены, графиня Катарина с детьми арестована. Для того чтобы дело увенчалось полным успехом, оставалось только захватить крепость. Так как комендант отказывался сдаться, заговорщики обратились к графине с просьбой побудить его к сдаче. Она пообещала сделать это, если они пропустят ее в крепость, и предложила оставить своих детей в качестве заложников. Ей поверили и пропустили в крепость. Но, едва оказавшись там, она принялась угрожать им мщением за мужа — смертью и жесточайшими пытками. Когда же заговорщики пригрозили, что убьют ее детей, она вышла на стену и публично задрала юбку, крикнув, что „формочка“ осталась при ней и она легко может наштамповать новых детей. Изумленные таким мужеством, заговорщики,

видя к тому же, что папа их не поддерживает, а дядя графини, синьор Лодовико, шлет ей на помощь войско, взяли столько добычи, сколько могли унести, и укрылись в Читта-ди-Кастелло. Графиня снова получила свои владения и со всевозможными жестокостями отомстила за убийство мужа».

Графиня приказала оцепить квартал, где жили убийцы, и устроила там резню, не оставляя в живых ни мужчин, ни женщин, ни детей — никого, кто был связан с убийцами узами хотя бы самого дальнего родства.

Следует заметить, что эта мера оказалась действенной — третий муж Катерины, Пьерфранческо де Медичи, умер естественной смертью.

Существует легенда, что Катарина пыталась отравить самого папу Александра Борджа, отправив ему письмо, то ли пропитанное сильнейшим ядом, то ли содержащее чумные бактерии. Андреа Бернарди в «Хрониках Форли» сообщает о некоем «мором поветрии» — опустошительной эпидемии, поразившей город в конце 1499 года. И вот, по словам Бернарди, графиня приказала положить приготовленное к отправке письмо на одного из больных, надеясь таким способом перенести заразу на Александра.

На расправу со строптивой графиней был послан Чезаре Борджа. Катерина заперлась в замке Форли, отправив во Флоренцию семейные драгоценности и малолетних детей. Военные силы Форли были невелики, но графиня надеялась выдержать осаду. В крепость спешно завезли припасы, заново укрепили ворота и стены, отремонтировали внешний вал.

Увы, окрестные города предали прекрасную графиню, предпочтя более сильную сторону — бастарда римского понтифика. Жители Форли сами открыли перед Борджа ворота.

Современник этих событий, историк Сануто Марино не без злорадства описывает горестное положение Форли: насилие и разбой, чинимые солдатами Чезаре, стали, по его мнению, достойным воздаянием горожанам за их продажность и низкую измену.

Крепость выдерживала осаду еще две недели. Наконец одна из стен рухнула, в замке началась резня.

Тридцатисемилетняя Катерина Риарио Сфорца была взята в плен. Некоторые свидетели рассказывают, что разозленный ее долгим сопротивлением, Чезаре изнасиловал пленницу, а потом хвастался перед солдатами, что «графиня защищала свой замок куда яростней, чем свою честь». Затем ее заковали в золотые цепи и отвезли в Рим. Надо отметить, что Чезаре лично сопровождал ее, защищая от возможных оскорблений. В Риме графиню сначала поселили в одном из дворцов, но после попытки побега отправили в замок св. Ангела, где она провела еще год. Затем по

просьбе французского короля папа освободил Катарину и разрешил уехать во Флоренцию к детям. Там она умерла спустя восемь лет.

Сын Катарини от третьего брака — Джованни делле Банде Нере Медичи — стал знаменитым кондотьером.

Лукреция Борджа

Борджа не были в Италии «своими», они происходили из Испании. Родриго Борджа, занявший папский престол под именем Александра VI, был ничем не хуже и не лучше своих коллег-кардиналов. Он точно так же плодил бастардов, подсылал убийц к врагам, брал и давал взятки.

Длительное время Борджа жил с Джованной де Катанеи, чаще ее имя пишут как Ваночца де Катанеи. Считается, что именно она передала Борджа рецепт их страшного яда — кантареллы. О ее происхождении ничего не известно, из чего можно заключить, что она не принадлежала к знати. Известно, что Ваночца не относилась к хорошо образованным женщинам и даже не умела писать. Она жила в Риме и формально считалась замужней женщиной, мужья менялись: всего Ваночца венчалась четыре раза. Сохранилось два ее портрета кисти Тициана и менее известного Инноченцо Франкузи. Судя по этим изображениям, Джованна относилась к самому модному в то время типу женщин: белокожая, дебелая, светловолосая, с крупными правильными чертами лица.

Между 1447 и 1482 годами она подарила кардиналу Борджа трех сыновей: Чезаре, Джованни, Жофре и дочь Лукрецию. Достигнув зрелости, она считалась обеспеченной женщиной: помимо собственного дома ей принадлежали цветущее поместье в Субурре и небольшая гостиница в Риме. Но Ваночца старела, и кардинал переключил свое внимание на новую пассию — юную Джулию Фарнезе, которая родила ему дочь Лауру. Не сохранилось ни одного портрета, про который было бы точно известно, что это изображение именно «Прекрасной Джулии». Однако Вазари упоминает картину Пинтуриккио: «В этом же дворце он изобразил над дверью одного из помещений Богоматерь с лицом синьоры Джулии Фарнезе и на той же картине голову поклоняющегося ей названного папы Александра». Изображение было настолько двусмысленным, что вызвало скандал, Джулию стали называть «папской шлюхой» и «невестой Христовой». Позднее фреска по этим причинам была уничтожена, однако до нас дошла ее копия, сделанная Пиетро Факеттио.

Некоторое время Борджа еще поддерживал отношения с Ваночцей, но затем расстался с ней. После своего избрания папой римским Борджа

приказал забрать детей у Ваноцци, и она больше ни разу с ними не виделась и даже не была приглашена на их бракосочетания. Конец жизни эта женщина провела в молитвах, завещав все свое имущество церкви.

28 июля 1492 года Родриго Борджа стал папой.

«Это человек дальновидный и разносторонне одаренный; речь его изящна и занимательна для собеседника, ибо природный ум возмещает его преосвященству не очень глубокую начитанность. Свойственна ему также несравненная ловкость в обделывании всех затеянных дел... Никогда на престоле Св. Петра не находился человек худший, чем он», «это будет, как говорят здесь, великолепный папа», «невозможно было бы найти лучшего пастыря для Святой церкви» — так по-разному комментировали современники это избрание.

Понтификат Борджа имел и хорошие, и плохие стороны. С одной стороны, он навел в Риме порядок и перевешал воров и грабителей, расплотившихся при попустительстве Сикста и Иннокентия. С другой стороны, страшные слухи о ночных убийствах и отравлениях, об оргиях, устраиваемых семейством Борджа, приводили в ужас всю Италию. Они превосходили все, что католический мир видел до сих пор: папа Александр VI собирал на свои ночные оргии до пятидесяти куртизанок. Как и его предшественники, он торговал должностями, милостями и отпущением грехов. Ни один кардинал не был назначен при нем, не заплатив большую сумму. Современники утверждают, что он сожительствовал со своей дочерью Лукрецией, которую по политическим расчетам четырежды выдавали замуж.

Первые ее три брака длились недолго: одного ее мужа отравили, на другого было устроено покушение, и он был тяжело ранен при входе в церковь Святого Петра. «Так как он не желал умирать от ран, его нашли в постели задушенным», — записал папский церемониймейстер Бурхард.

Последний муж Лукреции — Альфонс, избежавший печальной судьбы предшественников, происходил из рода Эсте. Их свадьба состоялась в 1501 году, брак продлился восемнадцать лет, Лукреция дала жизнь нескольким детям и стала очень набожной. В память обо всех мужчинах, причиной гибели которых она стала, герцогиня посадила цветник из амарантов, название этого цветка переводится как «неувядающий».

Иоганн Бурхард, епископ Читта ди Кастелло:

«Всего только восемь лет прошло, как Лукреция вышла замуж за Иоанна Сфорца, своего первого мужа. Свадьбу отпраздновали с такой пышностью, какой не знала даже языческая древность. На ужине присутствовали все кардиналы и высшие придворные священники, причем

каждый из них имел у себя по бокам двух благородных блудниц, вся одежда которых состояла из прозрачных муслиновых накидок и цветочных гирлянд. После ужина пятьдесят блудниц исполнили танцы, описать которые не позволяет приличие, — сначала одни, а потом с кардиналами. Наконец по сигналу Лукреции накидки были сброшены, и танцы продолжались под рукоплескания святого отца. Затем перешли к другим забавам. Его святейшество подал знак, в пиршественном зале были симметрично расставлены в двенадцать рядов огромные серебряные канделябры с зажженными свечами. Лукреция, папа и гости кидали жареные каштаны, и блудницы подбирали их, бегая совершенно голые, ползали, смеялись и падали. Более ловкие получали от его святейшества в награду шелковые ткани и драгоценности. Наконец папа подал знак к состязанию, и начался невообразимый разгул. Описать его и вовсе невозможно: гости проделывали с женщинами все, что им заблагорассудится. Лукреция восседала с папой на высокой эстраде, держа в руках приз, предназначенный самому пылкому и неумолимому любовнику».

По слухам, Лукреция также была любовницей своего брата Цезаре и родила ребенка не то от отца, не то от брата. «Она не покидала комнат святого отца», — сообщает Иоганн Бурхард, епископ Читта ди Кастелло, папский церемониймейстер, скрупулезно записывавший все события, происходившие в Ватикане.

Джироламо Савонарола о Лукреции Борджа:

«Отравительница и безжалостная убийца. Кровосмесительница, прелюбодейка, исчадие ада и отродье гремучей змеи, дочь шакала и гиены».

Лукреция помогала отцу в управлении церковью; она вскрывала папские депеши, созывала священную коллегия. Очень часто сразу же после пиршества она председательствовала на совещании святой коллегии в одежде гетеры, с открытой грудью, едва прикрытая прозрачным муслином, сохранился даже ее портрет в этом наряде. В таком виде она, развлекаясь, задавала щекотливые вопросы при обсуждении самых непристойных дел. Присутствие кардиналов не мешало ей быть нежной с папой или принимать его ласки, так что даже привыкший ко всему епископ Бурхард, описывая происходящее, восклицает: «Позор! Ужас!»

Иоганн Бурхард, епископ Читта ди Кастелло:

«Сегодня его святейшество, чтобы развлечь госпожу Лукрецию, велел вывести на малый двор папского дворца несколько кобыл и молодых огненных жеребцов. С отчаянным взвизгиванием и ржанием табун

молодых лошадей рассыпался по двору; гогоча и кусая друг друга, жеребцы преследовали и покрывали кобыл под аплодисменты госпожи Лукреции и святого отца, которые любовались этим зрелищем из окна спальни. После этого отец и дочь удалились во внутренние покои, где и пребывали целый час».

Сын папы — Чезаре Борджа представлялся современникам абсолютным злодеем.

В Риме каждую ночь находили убитыми до четырех-пяти человек, и все эти злодеяния приписываются Чезаре Борджа. О Борджа-отравителях рассказывали жуткие и почти невероятные истории: утверждали, что Лукреция для убийств употребляет специальный ключ, будто бы от ее спальни, который она вручает жертве, назначая свидание. Крохотный заусенец, смазанный ядом, ранит кожу, и человек умирает спустя несколько часов.

Чезаре для подобных целей использовал перстень: кольцо царапало кожу жертвы при рукопожатии. Чезаре якобы наловчился разрезать отравленным лишь с одной стороны ножом фрукты так, что сам, съедая одну его половину, оставался невредим, а приглашенный к обеду гость, которому доставалась другая половина, погибал. Знаменитое вино Борджа имело особенно страшные свойства: его действие сказывалось лишь спустя длительное время: у человека выпадали зубы, волосы, сходила кожа, и он умирал после долгой и мучительной агонии. Утверждали, что Александр VI с сыном отравили трех кардиналов (Орсини, Феррари и Микаэля), чтобы завладеть их огромным состоянием.

Однажды Александр VI решил расправиться сразу с несколькими кардиналами и для этого устроил званый обед. Александр вручил слуге две бутылки «специального» вина, распорядился припрятать их до поры и наливать только в те бокалы, на которые он укажет. Дожидаясь гостей, Александр с сыном почувствовали жажду и попросили налить им вина. К несчастью для них, тот доверенный слуга в этот момент куда-то отлучился, а прислуживавший за столом мальчик поленился спуститься в погреб и взял да и откупорил стоявшие тут же неподалеку бутылки. Александр выпил свой кубок залпом, Чезаре же разбавил вино водой, это и спасло ему жизнь: оказывается, ни о чем не подозревавший слуга подал им их же отравленного вина.

Александр умер этой же ночью.

Историк XV–XVI веков Рафаэль Маффеи по прозвищу Волатеран:

«Страшное зрелище представлял собой черный, обезображенный, вздутый труп, распространивший вокруг себя отвратительный смрад;

темная слизь покрыла его губы и ноздри, рот был широко раскрыт, и язык, распухший от яда, свисал почти до подбородка. Не нашлось ни одного фанатика, который осмелился бы приложиться к руке или ноге покойного, как это обычно бывает».

Чезаре остался жив, позднее он жаловался Макиавелли, что «он обдумал все, что могло случиться, если его отец умрет, и нашел средство для всего, но что он никогда не мог себе представить того, что в этот момент он сам будет находиться при смерти». Смерть отца означала для него конец всего: богатства, титулы, привилегии — все было отнято. Став наемником-кондотьером, четыре года спустя он погиб на юге Франции в неравном бою. Незадолго до смерти он женился, и супруга родила Чезаре дочь. Его потомки живут до сих пор.

Медичи и Симонетта

Меценаты, покровители ученых и поэтов Лоренцо и Джулиано Медичи сумели внести иные ноты в бесконечную череду убийств и заговоров, какой может представиться эпоха Возрождения. Образованной женщиной и прекрасной поэтессой была их мать — Лукреция Торнабуони, разбиралась в поэзии Лукреция Донати — возлюбленная Лоренцо.

Романтичной и печальной выглядит любовь Джулиано к первой красавице Флоренции — Симонетте Веспуччи. Эта очаровательная женщина прожила на свете всего лишь двадцать два года, но успела вдохновить многих поэтов и живописцев.

Она родилась в Генуе в патрицианской семье, а в 1468 году замужество ввело ее в круг приближенных Медичи. Ее муж — Марко Веспуччи — примечателен, пожалуй, лишь тем, что приходится родственником знаменитому Америго Веспуччи, давшему свое имя Новому Свету.

Симонетта воплощала идеал красоты того времени: она была стройной высокой блондинкой с маленькой упругой грудью и округлым животом.

Ее любили все — и мужчины, и женщины — за приятный характер, живой ум и веселый нрав.

До нас дошло много картин прославленных мастеров, считающихся портретами прекрасной Симонетты, но ни одно из этих изображений не было создано при ее жизни. Пьеро ди Козимо, Гирландайо, Боттичелли писали не реальную женщину, а идеальный образ, запечатлевшийся в их памяти. Ей посвящал сонеты Полициано и сам Лоренцо Великолепный.

В одной из баллад Полициано описал любовь отважного героя к лесной нимфе. Поэт изобразил праздничное представление, состоявшееся всего за год до смерти красавицы, где она изображала лесное божество, а героем был Джулиано Медичи.

К празднику готовились задолго. В назначенный день 29 января участники состязания проследовали по улицам Флоренции, украшенным флагами и гобеленами. Возглавлял процессию Джулиано, чей убор из золота и серебра со множеством драгоценных камней стоил несколько тысяч дукатов. Вслед за братом ехал Лоренцо, окруженный главными лицами города. За ними несли штандарт кисти самого Боттичелли. За штандартом следовали двенадцать молодых людей в роскошных одеждах. Они ехали на великолепных белых конях колонной по двое с копьями наперевес.

Победителями турнира стали Джулиано и Якопо Питти. Празднество

завершилось балами и пирами, роскошь которых еще долго славили поэты и хронисты.

К несчастью, красавица была тяжело больна — туберкулез. Если вблизи рассмотреть знаменитое «Рождение Венеры» Боттичелли, то можно заметить, что у богини — опухшие суставы, отечные щиколотки и искривленные пальцы ног. Это свидетельства страшной, неизлечимой в те годы болезни.

Лоренцо оставил описание похорон Симонетты:

«С непокрытым лицом несли ее из дома до склепа, и много слез она заставила пролить тех, кто видел ее... Она внушала сострадание, но также и восхищение, ибо в смерти превосходила ту красоту, которую при жизни ее считали непревзойденной. В ее облике явилась истина слов Петрарки: „Прекрасна смерть на лице сем прекрасном“».

Правителю Флоренции вторил Полициано, оставивший латинскую элегию на смерть Симонетты. Поэт описывал Амура, заметившего распростертую на погребальных носилках юную красавицу, чье неподвижное лицо по-прежнему прекрасно и желанно. Смерть не властна над ее прелестью, и Амур поспешил внушить любовь... умершей. Увы, это невозможно, и богу любви оставалось лишь оплакивать мертвую красавицу и свой несостоявшийся триумф. Джулиано пережил свою возлюбленную всего лишь на два года, он погиб в результате так называемого «заговора Пацци», устроенного врагами Медичи. Заговорщики назначили покушение на тот момент, когда священник, служащий мессу, совершает таинство евхаристии.

Джулиано был сражен наповал, а Лоренцо лишь ранен. Ему удалось скрыться, и тогда население Флоренции обратило свой гнев против мятежников. «Охваченные ужасом, они обратились в бегство и спрятались, однако их вскоре обнаружили, предали со всевозможными издевательствами смерти и протащили их трупы по улицам».

Глава 5

Новое время

Итальянки во Франции

Прекрасные представительницы рода Медичи дважды занимали французский престол. Обе они были связаны с королем Генрихом Великим IV. Одна приходилась ему первой тещей, другая — второй супругой. Екатерина Медичи была матерью последних королей династии Валуа, Мария Медичи положила начало династии Бурбонов.

Несмотря на одинаковую фамилию и принадлежность к одному роду, Екатерина и Мария приходились друг другу весьма отдаленными родственницами: род Медичи разделился на две ветви еще в XIV веке. Екатерина была правнучкой Лоренцо Великолепного и принадлежала к старшей ветви знаменитой династии. Со смертью ее единокровного брата эта ветвь пресеклась. Титул Великого герцога Тосканы перешел к представителю младшей ветви — сыну знаменитого кондотьера Джованни Дель Банде Нере. Мария Медичи приходилась кондотьеру правнучкой.

Обеих во Франции очень не любили, считали некрасивыми и приписывали им разнообразные грехи. Но если Екатерину подозревали в использовании черной магии, то Марию всего лишь считали глупой и похотливой.

Так ли страшна была Екатерина Медичи, как ее принято представлять?

Девочка росла сиротой: и мать, и отец умерли, когда ей и месяца не исполнилось. Растила ее тетя. Девочке было всего десять лет, когда войска Карла V Габсбурга осадили Флоренцию. Лишь помощь папы римского Климента VII спасла Екатерину. Он поселил ее в Риме и принялся подыскивать юной деве жениха. Выбор пал на принца Орлеанского — будущего короля Франции Генриха II.

Французы не смогли по достоинству оценить пикантную внешность флорентийки: рыжие волосы, худобу, невысокий рост, выразительные глаза, слегка резкие черты смуглого лица. По современным меркам, в юности она была прехорошенькой, но тогда в Париже были в моде женщины совсем иного типа: высокие, обильные телом и белокожие.

Одевалась Екатерина со вкусом, это отметили все. Парижские дамы с любопытством разглядывали туфли невесты, когда они выглядывали из-под юбки: таких высоких каблучков они еще не видели. Еще одной

новинкой стал для них поданный итальянцами десерт: смесь фруктов и льда, нечто вроде мороженого.

Но богатая невеста привезла с собой и другое «угощение»: в ее багаже был припрятан сундучок с ядами; а кроме того, в ее свите состояли знатоки черной магии: Тико Брае, Козимо Руджиери и флорентийцы Бианки и Рено. Последние умело изготавливали духи, различные косметические средства и милые дамские безделушки с приятным ароматом.

Свадьбу сыграли в октябре 1533-го. В следующем году умер папа римский Климент VII, а его преемник отказался выплатить Екатерине обещанное приданое. Это сделало ее положение невыносимым: король-отец жаловался, что невестка приехала к нему «голой»; придворные дамы дразнили ее «купчихой» и делали вид, что не понимают ее из-за сильного акцента; а супруг открыто жил с любовницей — признанной красавицей Дианой де Пуатье, которая была на 20 лет его старше. Эта умная и амбициозная женщина в стремлении как можно дольше сохранить свою редкую красоту обогнала свой век: она занималась физической зарядкой, купалась в холодной воде, обтиралась льдом и соблюдала строгую диету, иногда устраивая себе нечто вроде разгрузочных дней. Цели она добилась: красота ее не увядала до глубокой старости.

Екатерина, несмотря ни на что, старалась быть примерной женой и завоевать любовь мужа, но, к несчастью, ей долгое время не удавалось забеременеть. Для лечения бесплодия придворные медики применяли способы одновременно отвратительные и бесполезные: ставили королеве на низ живота компресс из свежего коровьего навоза; поили ее мочой мула; заставляли носить под юбкой обломки оленьих рогов.

В 1536 году неожиданно умер старший брат Генриха Второго — Франциск, и муж Екатерины стал наследником французского престола.

По Парижу тут же поползли слухи, что Екатерина его отравила. Ей грозил развод.

Но внезапно произошло чудо: Екатерина зачала дитя! Родила и зачала снова, потом — еще и еще... Внезапное излечение королевы от бесплодия приписывают знаменитому астрологу и врачу Мишелю Нострадамусу. Всего у Генриха и Екатерины было десять детей, из которых выжили четыре сына и три дочери.

Но, даже несмотря на это, на коронации Генриха Второго почетное место заняла не королева, а любовница — Диана де Пуатье. Екатерине приходилось делать вид, что она всем довольна. Она лицемерно улыбалась Диане и демонстрировала дружеские чувства, скрывая страдание: Екатерина искренне любила мужа.

Генрих умер внезапно: он погиб от случайного ранения на турнире, устроенном в честь заключения мирного договора и свадьбы дочери: деревянное, не боевое (!) копьё сбило с короля забрало и через глаз пронзило мозг. Считается, что именно это трагическое событие предсказал Нострадамус в своем катрене: «Молодой Лев победит старого, На поле боя, во время одиночной дуэли, В золотой клетке ему выцарапают глаза...»

Особо точным это предсказание делает то обстоятельство, что и король, и граф на злосчастном костюмированном празднике изображали именно львов.

Екатерина приказала Диане де Пуатье вернуть в казну все подарки царственного любовника, отправила ее в ссылку в провинцию, а сама в знак скорби переделалась в черное. Это было в новинку для французов: ранее траурным цветом считался белый; они прозвали ненавистную итальянку «Черной королевой».

Сорокалетняя женщина была вынуждена принять на себя бремя регентства при несовершеннолетних наследниках, которые не отличались крепким здоровьем. Чтобы удержать власть, ей приходилось прибегать к изощренным интригам, все время быть начеку.

Состарившаяся и подурневшая Екатерина создала знаменитый «летучий эскадрон» красавиц, использовавшийся «Черной королевой» в шпионских и дипломатических целях. По словам сплетника де Брантома, эти «фрейлины были столь соблазнительны, что могли зажечь огонь в ком угодно, опалив своей страстью большую часть людей при дворе, а также всех, кто приближался к их огню. Никогда ни до, ни после постель не играла на политической сцене такой важной роли...»

Именно благодаря Екатерине и ее красоткам-шпионкам изменился канон красоты: ушли в прошлое так называемые «толстые корсеты», стала модной стройность и даже некоторая хрупкость сложения. Теперь женщины старались максимально утянуть свои талии, порой даже с вредом для здоровья.

Интриги, отравления, предательства, невозможность доверять кому бы то ни было... От постоянного напряжения характер Екатерины портился, она становилась все более жестокой. Маргарита де Валуа писала: «Я росла при королеве-матери, настолько боясь ее, что не только не осмеливалась разговаривать с ней, но, когда она смотрела на меня, я цепенела от страха, что сделаю что-нибудь такое, что ей не понравится».

Потом начались новые несчастья: от гнойного отита (воспаления в ухе) умер старший сын; королем стал его десятилетний брат, больной туберкулезом. Он тоже не прожил долго. Его преемник Генрих III остался

бездетным. Младший сын умер, так и не женившись, хотя и сватался к Елизавете Тюдор. Из дочерей долго прожила лишь Маргарита, но внуков Екатерине она не подарила.

Друзей у «Черной королевы» не было, в народе ее не любили... Прибавила недоброй славы и жуткая Варфоломеевская ночь — массовое истребление протестантов с приказанием «не щадить никого».

Екатерина Медичи умерла в Блуа в возрасте шестидесяти девяти лет от воспаления легких. Последний ее сын Генрих Третий пережил мать всего лишь на восемь месяцев: его заколол религиозный фанатик монах Жак Клеман. Династия Валуа закончилась, трон перешел к Генриху IV, Бурбону.

Генрих Четвертый

Придворный сплетник и талантливый писатель Таллеман де Рео собрал немало сплетен и анекдотов о Генрихе IV, впрочем, король охотно подавал к этому поводы: по списку фавориток он обогнал всех прочих французских королей. Впрочем, по части его мужских способностей современницы высказывались довольно язвительно:

Таллеман де Рео:

«Как-то Генриху IV доставили некую Фанюш, которую ему выдали за девственницу. Найдя дорожку достаточно проторенной, он принялся насвистывать. „Что это значит?“ — спросила она. „А это я зову тех, — ответил он, — кто прошел здесь до меня“. „Жмите, жмите и нагоните“, — откликнулась Фанюш».

Одной из первых фавориток называют Шарлотту де Сов, фрейлину Екатерины Медичи, входившую в «летучий эскадрон». Портреты изображают ее большеносой и худощавой, но недостатки в чертах лица с лихвой искупались обаянием и грацией.

Шарлотта де Сов стала любовницей Генриха Наваррского по поручению Екатерины Медичи, она шпионила за ним и стравливала его с братьями Маргариты и еде Гизами, заводя с ними романы. Именно она передала королеве-матери информацию, приведшую к казни де Ла Моля. Эта дама участвовала во множестве интриг, перевернувших многие судьбы. Она дожила до 66 лет и умерла, возможно, от яда.

Генрих заводил романы еще со многими фрейлинами Екатерины, несмотря на то что все они с большей или меньшей долей вероятности были ее шпионками: Луиза де ля Беродьер дю Руэ, Виктория де Аяла, мадемуазель Рёбур...

Порой король увлекался и фрейлинами своей жены: Франсуаза де Монморанси-Фоссо стала его любовницей, достигнув едва ли 16 лет. Забеременев, она всерьез надеялась стать королевой, но ребенок родился мертвым. Франсуазу удалили в провинцию и выдали замуж.

Во время страстной влюбленности в молодую вдову Диану д'Андуан, прозванную «красавицей Коризандой», Генрих даже написал ей обещание жениться, причем сделал это собственной кровью. Красавица родила ему сына, но обещание король не сдержал, а мальчик не дожил до взрослого возраста.

Он обещал жениться и другой своей любовнице — Габриэль д'Эстре. Она стала любовницей Наваррского в 1591 году. По воспоминаниям современников, Габриэль была очень умной, образованной и практичной женщиной, именно она первой навела короля на мысль сменить вероисповедание, чтобы решить свои проблемы с Католической Лигой. Генрих был увлечен ею сверх всякой меры, любовники пользовались каждым удобным случаем, чтобы побыть вместе, а в случае разлуки писали друг другу нежные письма.

Она родила Генриху троих детей: Сезара, Екатерину-Генриетту и Александра; всем им король пожаловал титулы герцогов. Сама Габриэль стала маркизой де Монсо и графиней де Бофор, впрочем, это не мешало сплетникам за глаза называть ее графиней-шлюхой. Это было зло и несправедливо: Габриэль действительно любила Генриха и старалась всячески ему помочь. Она налаживала связи через свою сестру и их многочисленных подруг-католичек, стремясь привести страну к миру. Генрих называл ее своим лучшим дипломатом и очень ценил.

Он действительно обратился к папе Клименту VIII с просьбой разрешить ему развестись с бесплодной Маргаритой де Валуа и заключить новый брак и подарил возлюбленной кольцо, которое было ему вручено при ритуале коронации. Все шло к свадьбе, Габриэль радовалась и твердила, что лишь Господь или смерть короля могут помешать ее счастью, но судьба распорядилась иначе. В апреле 1599 года у Габриэль вдруг начались преждевременные роды, и она умерла, произведя на свет мертвого младенца. Все были убеждены, что ее отравили либо Валуа, либо те, кто желал, чтобы король Генрих заключил иной брак — с Марией Медичи.

Генрих был безумно опечален! Он горевал... целых шесть дней. Спустя неделю монарх познакомился с Екатериной-Генриеттой де Бальзак д'Антраг и был поражен не только ее красотой, а в значительно большей степени сходством с покойной Габриэль. Трудно сказать, состояли ли эти

дамы в каком-то родстве, но внешне они действительно были схожи, как сестры. Король тут же принялся добиваться взаимности. В отличие от д'Эстре, д'Антраг не испытывала к нему никаких чувств, однако она не собиралась отказываться от выпавшего на ее долю счастья. Родители поддерживали честолюбивую и алчную дочь, помогая ей заманивать влюбленного Генриха. Ими был составлен документ с условиями, на которых Екатерина-Генриетта соглашалась стать королевской любовницей: сто тысяч экю, титул маркизы и письменное обещание жениться в случае рождения сына. Генрих согласился. Документ был подписан в октябре 1599 года, девушка получила титул маркизы де Верней, но сына она родила лишь в 1601 году, а к этому времени Генрих был уже женат на Марии Медичи. Семья д'Антраг тут же принялась называть младенца истинным дофином Франции и требовать развода короля с его второй супругой. Они даже впутывались в заговоры с целью убийства Генриха и возведения на престол его внебрачного сына.

Таллеман де Рео:

«У Генриха IV было великое множество любовниц; но в постели он бывал не слишком расторопен, а потому всегда носил рога. Острили, что его и на раз едва хватает. Г-жа де Верней назвала его однажды „Капитан Хочет, да не Может“, а в другой раз — ибо королю доставалось от нее нещадно — она ему заявила, пусть, мол, радуется, что он король, не то его вообще нельзя было бы выносить, до того разит от него падалью. Покойный король, желая прикинуться шутником, говаривал: „Это я в батюшку пошел: потом воняю“...

В конце концов король порвал с г-жой де Верней; она стала вести образ жизни наподобие Сарданапала или Виттелия, только и помышляла что о еде, об острых приправах и требовала, чтобы даже в спальне у нее стояла миска с едой. Она до того растолстела, что стала просто безобразна. Но ум никогда ее не покидал. Ее мало кто навещал. Детей у нее отняли; ее дочь воспитывалась вместе с королевскими дочерьми».

Генриетта изменяла королю и отзывалась о нем с крайним презрением, высмеивая его бессилие как мужчины. Генрих злился, негодовал, но продолжал любить ее, хотя и заводил других женщин. Из-за одной из них — Шарлотты-Маргариты де Монморанси, супруги принца Конде, увезенной ревнивым мужем в Бельгию, — Генрих чуть было не начал военные действия. Война не началась только лишь из-за смерти французского короля от руки убийцы в 1610 году.

В этом заговоре подозревали как королеву Марию Медичи, так и семью д'Антраг.

Мария Медичи

И снова итальянка в чужой стране! Снова нелюбимая супруга короля, имевшего другую, невенчанную жену! Мария тяжело переносила свое положение. Она родила стране наследника престола, родила еще двух сыновей и трех принцесс, но даже не была коронована. Лишь в 1610 году, за несколько дней до того, как Генрих собирался отправиться с войсками в Брабант, Мария уговорила его короновать ее в Сен-Дени. А на следующий день, 14 мая, король был убит фанатиком Равальяком. Всего супружеская жизнь Марии продлилась десять лет.

Таллеман де Рео:

«...королева-мать... твердо верила в предсказания... верила в то, что большие, громко жужжащие мухи понимают все, что говорится, и повторяют сказанное. Увидев хотя бы одну, она никогда не говорила ничего, что должно было оставаться в тайне».

«Покойная королева-мать со своей стороны не очень-то старалась ладить со своим супругом, она придиралась к нему по любому поводу. Однажды, когда он велел выпороть дофина, она воскликнула: „С вашими ублюдками вы бы так не поступили!“

— Что до моих ублюдков, — отвечал он, — мой сын всегда сможет их высечь, ежели они станут валять дурака; а вот его-то уж никто не выпорет.

Я слышал, будто король дважды собственноручно высек дофина: один раз, когда тот возымел отвращение к некоему придворному, да такое, что в угоду ему пришлось выстрелить в этого дворянина из незаряженного пистолета для виду, словно его убивают; в другой раз за то, что дофин разможил головку воробью; и поскольку королева-мать рассердилась, король сказал ей: „Сударыня, молитесь бога, чтобы я еще пожил; если меня не станет, он будет дурно обращаться с вами“».

В управлении страной она не участвовала, но не Генрих был тому виной: он несколько раз приглашал ее на Совет, но Мария плохо разбиралась в тонкостях политики, не улавливала смысла витиеватых дипломатических пассажей и откровенно скучала. Зато она любила драгоценности и прекрасно в них разбиралась, предпочитая всем прочим камням бриллианты и жемчуг. Платье, которое она надела на крестины дофина Людовика XIII, было украшено тремя тысячами алмазов и тридцатью тысячами жемчужин. Всего в ее коллекции насчитывалось 5878 жемчужин.

Нелюбимая народом королева постаралась окружить себя верными людьми — итальянцами, и этим вызвала еще большую неприязнь

французов. Наибольшую ненависть вызывали Кончино Кончини и его жена Леонора Дори Галигаи. Она была молочной сестрой королевы и пользовалась ее безграничным доверием и любовью. Внешне Леонора совсем не соответствовала канонам красоты того времени: она была «маленькая, очень худая, очень смуглая, хорошо сложенная особа с резкими и правильными чертами лица». Супруг Леоноры исполнял при королеве обязанности шталмейстера, он был «тщеславен и хвастлив, гибок и смел, хитер и честолюбив, беден и жаден». Он стал главным фаворитом королевы, именно ему приписывалось отцовство в отношении младшего сына Марии Медичи Гастона.

После гибели супруга Мария Медичи назначила Кончини первым камергером, губернатором Амьена и сделала его маршалом Франции, несмотря на то что военным он не был. Фаворита считали одним из богатейших людей Франции: Мария Медичи не только постоянно ссужала фаворита деньгами, но даже подарила ему несколько драгоценных камней из короны.

Своего богатства он не скрывал: Кончини любил пиры и праздники, он содержал роскошный особняк, оценивавшийся в 200 тысяч экю. Этот особняк от Лувра отделял большой овраг, и маршал приказал соорудить специальный мост, чтобы ему было удобнее попадать к своей владычице. Это сооружение народ без стеснения называл «мостом любви». Кончини чаще проводил время в Лувре, чем дома: на допросах Леонора Галигаи заявила, что ее муж «не обедал, не ужинал и не спал с нею на протяжении последних четырех лет». Современники называли ситуацию отвратительной, скандальной. Кончини и его жена фактически управляли страной, манипулируя податливой и не слишком умной королевой. Определенной политической цели у них не было, они действовали лишь ради личного обогащения и, не стесняясь, брали взятки.

Кончилась эта идиллия, когда Людовик XIII подрос и тоже завел себе фаворита. Им стал Шарль д'Альбер, позднее ставший герцогом де Люинем. Их с королем связывали очень близкие отношения, многие историки склонны считать молодых людей любовниками. Что ж, Людовик действительно всю жизнь несколько побаивался женщин.

Таллеман де Рео:

«Проявлять свои любовные чувства король начал прежде всего к своему кучеру Сент-Амуру. Потом он почувствовал склонность к Арану, псарю. Великий приор Вандомский, командор де Сувре и Монпуйан-Ла-Форс, человек умный и мужественный, но некрасивый и рыжеватый (он погиб впоследствии во время войны с гугенотами), были удалены один за

другим королевою-матерью. Наконец появился г-н де Люинь».

Под влиянием своего друга он обрел уверенность в себе, решил стать из номинального короля фактическим и отдал приказ Никола Витри, капитану своих гвардейцев, убить Кончини. Весной 1617 года, когда фаворит королевы по «мосту любви» шел во дворец в окружении пятидесяти человек свиты, перед ним неожиданно возник Витри и схватил его за руку со словами: «Именем короля вы арестованы!» Кончини оторопел, затем возмутился и попытался выхватить шпагу, чтобы наказать наглеца, но не успел: три пистолетные пули почти одновременно поразили его, одна из них угодила в лицо, изрядно его изуродовав, и по крайней мере два ранения были смертельными. Упавшего Кончини гвардейцы принялись избивать ногами, а его охрана не сделала ни малейшей попытки его защитить, сразу же обратившись в бегство. Витри отправился сообщить монарху, что его приказ исполнен. Людовик XIII приказал открыть окно, вышел на балкон и, не скрывая своей радости, крикнул убийцам: «Большое спасибо! Большое спасибо всем! С этого часа я король!»

Когда Марии Медичи сообщили о гибели ее фаворита, она побледнела и, узнав, кто и по чьему приказу его убил, произнесла: «Я царствовала семь лет, теперь меня ждет венец только на небе».

Мария попросила аудиенции у короля, но Людовик XIII велел ответить, что у него нет времени принять ее. Она настаивала, упрашивала, напоминая о сыновнем долге, но Людовик так ее и не принял. Зато в ее покои явился Витри и запретил ей покидать свои апартаменты. Каменщики замуровали все двери, кроме одной, превратив королеву в пленницу. В это время за окнами другие рабочие разрушали «мост любви».

Но это был еще не конец! На следующий день толпа разыскала могилу, где было поспешно зарыто тело Кончини, и раскопала ее. «Бесчинство началось с того, что несколько человек из толпы стали плевать на могилу и топтать ее ногами, — рассказывал г-н Кадне, брат коннетабля де Люиня. — Другие принялись раскапывать землю вокруг могильного холма прямо руками и копали до тех пор, пока не нащупали места стыка каменных плит».

Вскоре надгробный камень был поднят, и кто-то из толпы наклонился над раскрытой могилой. Он привязал веревку к ногам трупа, уперся ногами и начал тащить. Священники, попытавшиеся помешать надругательству, вынуждены были спасаться бегством. Когда мертвое тело оказалось на поверхности, шквал палочных ударов обрушился на труп, и без того изуродованный гвардейцами Витри. Труп протащили волоком до Нового Моста и там привязали за голову к нижней части опоры. Парижская чернь,

словно сойдя с ума, принялась плясать вокруг, распевая непотребные куплеты. Потом какой-то юноша, достав из кармана нож, отрезал мертвецу нос и в качестве сувенира сунул себе в карман. Его пример оказался заразителен: каждому из присутствовавших захотелось взять себе хоть что-то на память. Пальцы, уши и даже «стыдные части» исчезли в мгновение ока. Менее удачливым пришлось довольствоваться «клочком плоти», вырезанным из мягкой части ягодицы. Когда каждый получил свой кусок, еще более возбуждаясь толпа отвязала от моста то, что осталось от трупа, и с дикими воплями потащила его дальше через весь Париж, чтобы, вновь вернувшись к Новому Мосту, сжечь его на костре.

Жена Кончини, Леонора Галигаи была обвинена в колдовстве, арестована, подвергнута многочисленным допросам и акту экзорцизма. Суд счел ее ведьмой, повинной в занятиях черной магией, и два месяца спустя она была обезглавлена и сожжена на Гревской площади.

Мария Медичи прожила еще двадцать пять лет. Некоторое время она находилась в заключении в Блуа, затем бежала оттуда в Ангулем, потом помирилась с сыном и вернулась в Париж, но, не найдя общего языка с кардиналом Ришелье, вынуждена была снова оставить столицу Франции. Она переселилась в Лондон, затем в Кельн, где и умерла в бедности и одиночестве.

Де Люинь еще целых четыре года считался самым влиятельным человеком в стране. Его боялись, но не любили, видя в нем второго Кончини. Он требовал и получал новые должности (специально для него была восстановлена должность коннетабля Франции), выгодно женился сам и устроил хорошие партии своим братьям. Но затем король охладил к своему любимцу, увлекшись молодым красавцем Анри Куаффье де Рюзе, маркизом де Сен-Мар. Шарль д'Альбер де Люинь был отправлен подальше от Парижа, командовать королевскими войсками в войне против беарнских кальвинистов. Во время военных действий он подхватил лихорадку и умер. Роман короля с Сен-Маром тоже не продлился долго: молодой человек впутался в заговор против Ришелье и в 22 года сложил голову на плахе.

Кроме увлечений мужчинами Людовик XIII имел красавицу-жену — воспетую в литературе Анну Австрийскую — и дважды переживал платонические увлечения с ее придворными дамами: Марией Хатефор и Луизой де Лафайет.

«Король-Солнце»

«Знаете ли вы так же хорошо, как я, человека, с которым мы оба имеем

дело? Знаете ли вы его пристрастие к эффектам, оплаченным любой ценой?» — писал о Людовике XIV его верный министр Кольбер. Этот гениальный финансист, оплачивавший все расходы своего короля, имел достаточно оснований для скептицизма. Внешний блеск, слава — вот что больше всего заботило короля, изрекшего: «Государство — это я».

Старший из двух сыновей Людовика XIII и Анны Австрийской, он родился лишь на 23 году их брака. Мальчику не исполнилось и пяти лет, когда в 1643 умер король, его отец. Государственную власть мать-регентша передала кардиналу Мазарини. Людовик XIV всецело доверял итальянцу, но после его смерти отказался брать себе другого первого министра.

В 1660 году Людовик вступил в брак с испанской инфантой Марией-Терезией. Однако место в постели короля чаще занимали его фаворитки: Луиза де Лавальер, Атенаис де Монтеспан, Франсуаза де Ментенон... В честь этих фавориток устраивались роскошные празднества. Король сам участвовал в них, исполняя роли Восходящего солнца или бога Аполлона, символом которого также было Солнце.

Затрачивая уйму средств на поддержание престижа своей страны, Людовик также вел постоянные войны, не принесшие Франции ни славы, ни новых территорий: сначала с Голландией, затем войну «Аугсбургской лиги», потом войну за испанское наследство...

Все это легло на страну воистину непереносимым бременем. Погибла масса людей, очень много денег было выброшено на ветер. Казна почти постоянно была пуста.

Несмотря на это, царствование Людовика, правившего более шестидесяти лет, считается временем расцвета Франции и ее небывалого влияния в мире. «Король-солнце» пережил своих детей, внуков и после его кончины на престол взошел Людовик XV — малолетний правнук короля.

А не лгут ли портреты?

«Короля-солнце», так пекшегося о блеске своего правления, принято изображать красавцем. Не очень высокий, но стройный и грациозный, темноволосый, с правильными чертами удлиненного лица, король прекрасно танцевал и был талантливым артистом.

Да, действительно, в ранней юности он выглядел именно так. Но затем начались изменения. Искусство стоматолога в XVII веке сводилось лишь к удалению вконец испорченных зубов, и Людовик вскоре потерял их почти все. Некоторые зубы ему удалили столь неудачно, что в верхнем небе образовались отверстия, и при жевании пища попадала в носоглотку. Когда

же король полоскал рот, вода фонтаном выливалась у него из носа. Несмотря на это, Людовик ел очень много. Его неумеренный аппетит поражал современников и приводил в отчаяние врачей.

Принцесса Пфальцская:

«Я видела, как король ест, а это часто означало: четыре полные тарелки разного супа, целый фазан, куропатка, большая тарелка салата, два больших куска ветчины, барашек с чесноком в собственном соку, тарелка печени, а потом еще фрукты и яйца вкрутую».

Его любимым лакомством был зеленый горошек, приводивший к метеоризму. Может быть, поэтому Людовик имел привычку держать окна открытыми даже в мороз, а г-жа де Монтеспан всегда сжимала в руке платочек, пропитанный резкими духами. «Первые врачи», которые часто менялись, изводили его клистирами, промываниями, кровопусканиями, диетами, которые король соблюдать отказывался.

Версаль: изнанка дворцовой жизни

В конце 40-х — начале 50-х годов Фронда вынудила королевскую семью бежать из Парижа, познать лишения, скрываться. С тех пор Людовик XIV невзлюбил столицу. Наверное, поэтому он выстроил себе новую резиденцию — Версаль в восемнадцати километрах от Парижа, признанный шедевром архитектуры. Огромный дворец был сооружен всего за четыре года в невероятной спешке. Из-за этого роскошный дворец оказался страшно некомфортным из-за сквозняков, протекающих потолков и плохой тяги в каминах. Исправить эти недостатки не было никакой возможности: для этого понадобилось бы проломать стены, покрытые искуснейшими росписями и лепниной. Поэтому в холодную погоду коридоры Версаля были столь задымлены, что придворные казались мутными силуэтами и узнавали друг друга, только подойдя совсем близко. Несмотря на камин, во дворце было страшно холодно, чтобы не простудиться, некоторые дамы носили под платьями нижнее белье из меха. Те, кто был вынужден в силу своего положения жить в Версале, ютились в крохотных комнатках на верхних этажах. Там было еще неуютнее, чем внизу: дамы укрывали свои кровати плотными пологам и обогревались с помощью жаровен. Эти спальни, в том числе и королевская, кишели клопами, вшами и другими насекомыми.

Еще одним недостатком королевской резиденции был явный недостаток отхожих мест. Часто, выйдя из бальной залы, кавалеры и дамы справляли малую нужду где-нибудь под лестницей. Когда вонь

становилась невыносимой, двор переезжал в другую резиденцию, предоставляя слугам отмывать загаженный дворец.

Зато сад Версаля был великолепен! Там росли многочисленные плодовые деревья, приносявшие большой урожай, в изобилии цвели цветы и били фонтаны. Ради экономии воды — очень дорогой в то время — их никогда не включали все. Однако король не должен был об этом догадаться, и в саду действовала особая система оповещения: мальчишки-курьеры отслеживали, куда направился король, и человек, следивший за фонтанами, направлял поток воды именно в те места, перекрывая остальные трубы. Если король находился во дворце, то действовали только те фонтаны, что были видны из окон.

Должность: официальная фаворитка

Княгиня Пфальцская, невестка короля, говорила, что «Людовик XIV был галантен, однако зачастую галантность его перерастала в сущее распутство. Он любил всех без разбору: благородных дам, крестьянок, дочерей садовника, горничных — для женщины главное было прикинуться, будто она влюблена в него».

Благодаря придворным сплетникам историкам стало известно имя дамы, лишившей будущего короля невинности. Ею стала Катрин-Генриетта Белльер, баронесса де Бовэ. Она была вовсе не знатна (ее супруг поставлял ко двору ткани) и значилась камеристкой Анны Австрийской. Красивой она тоже не была, и хотя портретов ее не сохранилось, из ее прозвища — Кривая Като — можно заключить, что на глазу у нее было по меньшей мере бельмо. Один из парижских дворцов украшают довольно непривлекательные «жабообразные» маски-барельефы; сплетники вот уже несколько столетий твердят, что это портреты Кривой Като.

Несмотря на это, бойкая особа имела кучу любовников. Считается, что сама королева отправила ее соблазнить принца, так как не без оснований опасалась, что дворцовые развратники приохотят его к содомскому греху. Выполнив свою важную миссию, сорокадвухлетняя камеристка отошла в тень. По слухам, Анна отблагодарила ее за верную службу, подарив две тысячи ливров. Впрочем, это не спасло Като от долгов, и после смерти супруга мадам Белльер вынуждена была оставить придворную жизнь.

Вслед за ней в постели короля перебивали почти все прислужницы Анны Австрийской. Стареющая королева была вынуждена даже приказать запирать двери в их спальню, беспокоясь за нравственность сына.

Пережив период юношеской гиперсексуальности, юный Людовик остановил свое внимание на одной из «мазаринеток» — племянниц кардинала Мазарини. Его следующей пассией стала Олимпия Манчини.

В юности Олимпия не считалась красавицей, на ее худом и бледном лице жили лишь огромные темные глаза. Впоследствии, родив несколько детей, она пополнела и это пошло ей на пользу: формы округлились, цвет лица стал лучше. Несмотря на молодость, девушка уже успела впутаться в заговор Фронды и побывать в ссылке, которая, впрочем, оказалась непродолжительной.

По возвращении молодой особы в Лувр Анна Австрийская сама приняла ее под свою защиту, а вскоре Людовик принял ее за ней ухаживать. Он дарил ей драгоценности баснословной стоимости, организовал в ее

честь пышные праздники, где даже сам выступал в балете. Олимпия строила честолюбивые планы, явно рассчитывая стать королевой Франции, что было сильно не по душе Анне Австрийской.

Их связь длилась три года, а затем девицу вдруг поспешно выдали замуж за Евгения-Мориса Савойского, графа Суассона. Причины спешки стали ясны через полгода, когда у Олимпии родился сын Луи-Томас, внешне очень похожий на Людовика.

Олимпия не считала замужество причиной для разрыва. Она ревновала Людовика к своей сестре Марии, ставшей его следующей фавориткой, к кузине короля Генриетте Английской, к Луизе де Лавальер... Предметом ее неприязни стала даже супруга короля Мария-Тереза, которой он в первый год брака был сильно увлечен.

В дальнейшем Олимпия показала себя заядлой интриганкой. Она то подсовывала королю любовниц, то, наоборот, пыталась расстроить его романы в надежде вновь самой оказаться в его постели. Однажды, когда ее планы в очередной раз сорвались, с досады она открыла глаза Марии-Терезе на измену мужа, указав ей на Лавальер. Королева была очень расстроена и, будучи не в силах изменить поведение мужа, просто удалила от себя Олимпию. Об интриганке все забыли вплоть до 1679 года, когда было раскрыто нашумевшее «дело отравителей». Выяснилось, что Олимпия тоже покупала яд, желая избавиться от Лавальер. Возможно, она имела отношение к отравлению Генриетты Английской, умершей при невыясненных обстоятельствах. Кто-то слышал, что Олимпия даже грозила, что подсыплет яд в пищу самому Людовику, если он к ней не вернется, — но страстная итальянка не исполнила свой план. Подозревали, что вместо этого она спровадила на тот свет своего супруга. Олимпия отрицала все обвинения, но в январе 1680 года ей было предложено покинуть не только Версаль, но и Францию.

С тех пор она путешествовала по Европе, переезжая из страны в страну, гостила у своих многочисленных родственников, нигде не задерживаясь надолго.

После расставания с Олимпией король отправился под Дюнкерк к месту военных действий. Там молодой король серьезно заболел, и врачи опасались за его жизнь. Кругом все говорили о политике, о том, что будет с Францией, если, не дай бог, случится худшее... И лишь одна девушка плакала не о государе, а о человеке; это была Мария Манчини, младшая сестра Олимпии. Слезы делали ее большие темные глаза прекрасными. Надо признать, что глаза были единственной красивой чертой в лице Марии; девушка была худой и бледной, совсем не во вкусе людей XVII

столетия.

Но слезы и искренняя привязанность сделали свое дело: Людовик влюбился. Образованная и умная, Мария положительно влияла на легкомысленного короля. Благодаря ей он познакомился с философией, древнегреческой и римской литературой.

Молодые люди были неразлучны, и в конце концов пошли слухи, что Мария может стать королевой Франции. Людовик действительно сделал ей предложение, известив об этом кардинала Мазарини.

— Я не вижу лучшего способа отблагодарить Вас за службу! — закончил он.

Но кардинал не посмел принять эту «благодарность», он немедленно поспешил к королеве и доложил ей о происходящем.

Анна Австрийская не могла допустить подобного. Несмотря на слезы и мольбы все еще влюбленного Людовика, девушку выслали в Ла-Рошель, а затем выдали замуж за князя Лоренцо Колонна. После ее замужества выяснилось, что роман Марии с королем был чисто платоническим: она осталась девственницей. Князь поначалу был этим сильно удивлен, а затем принялся всюду этим хвастаться.

Мария переехала в Рим, но ее отношения с мужем не сложились. Князь сильно пил, часто изменял жене и даже порой бил ее. После рождения третьего ребенка Мария покинула князя, опасаясь, что когда-нибудь он может ее убить. С тех пор она путешествовала по Европе в сопровождении своей сестры Гортензии и больше никогда с Людовиком не встречалась. Умерла Мария в Пизе в 1715 году.

После разрыва с Манчини в 1660 году Людовик женился. Его супругу, испанскую принцессу Марию-Терезию, принято выставлять скучной и малоинтересной особой. Здесь французские источники категорически не сходятся с испанскими. На родине Мария-Терезия считалась умной, волевой, красивой и даже несколько строптивой, ее живой нрав с трудом вписывался в чопорность мадридского двора. Многочисленные портреты кисти Диего Веласкеса подтверждают, что двадцатидвухлетняя испанская инфанта была прехорошенькой.

Ну а десятилетием позже принцесса Пфальцская писала, что королева была столь скудоумна, что верила всему, что ей говорили, и хорошему, и плохому. Видимо, что хорошо для строгой Испании, не всегда подходит для беззаботной Франции.

Помолвка юных королевских детей была делом политическим. Рассказывают, что Анна Австрийская, беспокоясь о семейном счастье молодых, спросила свою будущую невестку, нравится ли ей жених. Король

Испании немедленно оборвал французскую королеву: «Сейчас не время и не место говорить об этом!» Да и правда: какое значения для королевской свадьбы имеет взаимная симпатия молодоженов?! Анна выкрутилась: мило улыбнувшись, изменила вопрос: «Нравится ли Вам эта дверь, моя милая?» Мария-Терезия смущаясь, пролепетала, что дверь ей кажется очень красивой и привлекательной. Хотя их брак был одним из условий Пиренейского мира и средством закончить длительную войну, инфанта искренне желала его, идеализируя Людовика и французский двор.

Мария-Терезия и Людовик приходились друг другу кузенами, возможно, это близкое родство и стало причиной того, что их дети рождались слабенькими, и лишь один из них дожил до зрелого возраста. Увы, супружеское счастье длилось всего лишь год, затем супруг принялся изменять ей, вновь заведя фавориток. Однако, уважая свою супругу и испытывая к ней теплые чувства, он долгое время стремился скрывать свои интрижки. Мария-Терезия любила его, и когда Олимпия Манчини нарочно, со зла рассказала ей о Луизе де Лавальер, королева так расстроилась, что даже слегла.

В следующем, 1661 году сильно удивив двор, женился и младший брат короля Филипп герцог Орлеанский. Удивление было вызвано тем, что этот принц до сих пор вовсе не интересовался женщинами и даже, как язвили придворные, не видел ни одной из них обнаженной. Он предпочитал общество мужчин, сам любил переодеваться в платье и, подобно Генриху III, носил длинные серьги. Герцог не делал секрета из своих пристрастий, он был членом содомского общества, и об устраиваемых им оргиях по Парижу ходили самые непристойные слухи.

За него выдали шестнадцатилетнюю Генриетту, дочь казненного короля Англии Карла I. Эта девушка вовсе не была невинной овечкой; несмотря на молодость, она уже многое повидала. Генриетта родилась, когда в Англии вовсю полыхала гражданская война. Сразу после рождения дочери ее мать-королева бежала во Францию вместе с любовником — лордом Джермином, бросив новорожденную на попечение няни, леди Докит, графини Мортон, которая фактически спасла жизнь маленькой принцессы: она выбиралась из Англии, переодевшись крестьянкой и выдавая малютку за своего ребенка. Благодарности от королевы эта героическая женщина не получила, во Франции та приняла ее довольно прохладно и скоро уволила.

Воспитывалась Генриетта в католическом монастыре Шайо. Те дни, что она проводила с матерью, были лишены радости: изгнанная английская королева сильно нуждалась, и девочка часто была вынуждена целыми

днями оставаться в постели, так как в ее комнатах царил жуткий холод и не было дров, чтобы растопить камин. Любовник королевы сэр Джермин начал пить и отличался страшной грубостью. Однажды Генриетта стала свидетелем того, как он дал пощечину ее матери, та в ответ двинула его ногой в пах и между ними завязалась драка.

Однако, несмотря на трудное детство, Генриетта выросла умной и образованной, хоть и некрасивой девушкой: в ранней юности она была столь худа, что кузен Людовик дразнил ее ожившим скелетом. Но вскоре после замужества произошло чудо: тощая девица расцвела, пополнела и стала писаной красавицей. Теперь король уже не мог презрительно пройти мимо. Их связь никогда не выставлялась напоказ, но все при дворе считали их любовниками. Чтобы успокоить придворных сплетников, Людовик позволял себе интрижки с другими женщинами: именно с этой целью Генриетта познакомила короля со своей фрейлиной Лавальер, не ожидая, что скромница и хромоножка надолго займет ее место. Впоследствии она не раз интриговала против своей ставленницы.

Считаясь супругой мсье Филиппа Орлеанского, Генриетта родила четверых детей, из которых выжили трое. Кто на самом деле был их отцом, сказать трудно.

В 1670 году она участвовала в переговорах с Англией и способствовала подписанию важного для обеих стран Дуврского договора. Через две недели после своего триумфального возвращения из Лондона Мадам почувствовала несильные боли в боку. На них не обратили внимания: из-за тугих корсетов подобные недомогания были часты. Но боли усилились, и двадцатилетняя принцесса умерла. Причины ее смерти до сих пор точно не установлены.

Луиза Франсуаза де Ла Бом-Ле-Блан, герцогиня де Лавальер стала фрейлиной Генриетты Английской в семнадцать лет. Ее описывали как скромную и милую девушку с томными голубыми глазами. Она не была красавицей и к тому же прихрамывала, но все считали ее очаровательной. Двадцатитрехлетний Людовик влюбился в молодую женщину не на шутку. Уступила она далеко не сразу: Луиза была очень набожна и боялась греха. Даже считаясь официальной фавориткой, она частенько убегала от царственного любовника в монастырь, чтобы предаться покаянию. Луиза никогда не просила ничего у Людовика XIV, но от его подарков не отказывалась. Она получала крупные суммы от Кольбера и быстро тратила их на драгоценности.

Людовика она искренне любила, и Сен-Симон даже назвал ее «святой», сказав: «Благословен был бы король, если бы он имел только таких

любовниц, как мадам де Лавальер». Их связь длилась девять лет, Луиза родила королю четверых детей, из которых выжили двое. Этих маленьких бастардов каждый раз забирали у матери и передавали приемным родителям.

Ее слезливость и чрезмерная богобоязненность порой надоедали Людовику, и, чтобы развеяться, он обращался к другим женщинам.

Одной из них была Гортензия Манчини — еще одна из «мазаринеток», другой — Катрин-Шарлотта де Грамон, дочь герцога Антуана де Грамона, маршала Франции. В 1660 году она вышла замуж за князя Монако Людовика, герцога Валентино, и родила ему троих детей.

В 1670-м, после очередных родов, Луиза де Лавальер тяжело заболела, и за это время внимание короля сумела привлечь умная и хитрая красавица Атенаис де Монтеспан.

Разрываясь между двумя женщинами, Людовик повел себя крайне жестоко: он поселил Луизу и Атенаис в смежных апартаментах с одной входной дверью и настаивал, чтобы они поддерживали друг с другом хорошие отношения.

Простушке Луизе было трудно противостоять язве Атенаис. Принцесса Пфальцская писала: «Мадам Монтеспан издевалась над мадемуазель Лавальер, обращалась с ней плохо и вынуждала короля поступать таким же образом. Он относился к ней жестоко и насмешливо, доходил до оскорблений. Когда король направлялся через комнату Лавальер к Монтеспан, то, побуждаемый последней, оставлял свою маленькую собачку — красивого спаниеля по имени Малис — герцогине со словами: „Держите, мадам, вот ваша компания! Этого вам достаточно“».

Людовик заставил Луизу стать крестной матерью дочери Монтеспан. На следующий день после этого публичного унижения Луиза отправилась в монастырь кармелиток и на коленях умоляла настоятельницу принять ее. Конечно же, она получила отказ: в эту обитель принимали лишь девиц. Но отставная фаворитка проявила настойчивость: несколько дней подряд она уговаривала аббатису, и та в конце концов согласилась принять к себе кающуюся грешницу. Узнав о решении своей любовницы, Людовик даже прослезился, но удерживать ее не стал. Луиза, публично принеся извинения Марии-Терезии (чем вызвала новый скандал при дворе), ушла в монастырь. Там она провела 36 лет до самой смерти.

После расставания с Лавальер Людовик еще некоторое время колебался, прежде чем признать Монтеспан своей официальной фавориткой: уж слишком откровенной хищницей она была. В короткое время он имел несколько любовниц, связь с которыми была совсем

непродолжительной.

Среди них была Бонна дю Понс, маркиза де Хедикур, впоследствии прозванная «Большой волчицей» из-за своего мужа — «Большого волка Франции». Роман их расстроился из-за слишком откровенных писем Бонны, попавших в чужие руки. Бонна получила отставку, вынуждена была покинуть Версаль и, чтобы утешиться, вышла замуж за маркиза Хедикура.

Называют также Габриэль де Рошешуар де Мортемар — старшую сестру Аненаис де Монтеспан, которая сумела прельстить короля, но не удержала его.

Еще одной претенденткой на пост «официальной фаворитки» считали Анну де Роган-Шабо, именовавшуюся также Фронтене или госпожой Субиз — по ее наследным владениям. В апреле 1663 года пятнадцатилетнюю Анну выдали за родственника ее матери Франсуа де Рогана, который был старше ее на восемнадцать лет. Спустя два года молодую красавицу представили ко двору, там она получила прозвище Бель Флорис. Рассказывают, что для поддержания красоты и стройности она придерживалась специальной диеты, состоящей из салата, белого куриного мяса, фруктов, молочных продуктов, воды и вина.

Впервые Луи увлекся ею на короткое время в 1669 году, примерно в это же время Анна родила своего второго ребенка — сына. Затем любовники расстались на несколько лет, чтобы снова пережить второй краткий роман пять лет спустя, когда Лавальер уже удалилась в монастырь. В 1675 году Анна родила еще одного сына, Армана Гастона Максимилиана. По общему мнению, он был рожден ею от короля и очень на него похож. Супруг Анны получил от короля немалые денежные подарки, и дело обошлось без скандала. По словам Сен-Симона, «г-н де Субиз не ревновал жену, считая, что не ревновать ее будет куда полезнее».

Если Луизу де Лавальер считали ангелом во плоти, то вторую знаменитую фаворитку «короля-солнце» — Атенаис Франсуазу де Монтеспан — можно вполне посчитать демоном, принявшим человеческое обличье. Чтобы понять, насколько черна была душа этой женщины, нужно на время оставить любовные дела «короля-солнце» и вернуться на несколько веков назад.

Яды

В следующем, XVII столетии самым популярным ядом стала «аква тофана», названная так по имени своей создательницы — Джулии Тофаны, потомственной отравительницы. Ее считают дочерью Тофанио Д'Адамо, казненного в 1633 году в Палермо: его яды были несовершенны, и медики сумели их обнаружить. После смерти отца юная Джулия Тофана дни напролет просиживала в аптеке, сочетая различные ядовитые компоненты, чтобы создать свое снадобье, которое невозможно будет определить. И это ей удалось! Это была бесцветная жидкость без вкуса и запаха, не терявшая своих свойств ни на жаре, ни на холоде и неизменно приводившая к смерти тех, кого ею напоили. По имени своей создательницы жидкость получила название «аква тофана» — вода Тофаны.

Джулия принялась продавать «аква тофану» молодым женщинам, которые желали избавиться от опостылевших мужей. В свой прибыльный бизнес она вовлекла и дочь — Джироламу Спера. Женщины действовали в Неаполе и в Риме.

Ну, а неудачных браков в Неаполе и в Риме оказалось слишком много, и Джулия стала весьма популярной среди не слишком счастливых женщин: в те времена закон не защищал бедных итальянок от произвола мужей, и помочь им могла лишь «аква тофана». Однако частые случаи внезапных необъяснимых смертей привлекли внимание властей, и кто-то донес на Тофану папским легатам. Она пыталась найти убежище в церкви, но пошел слух, что злая ведьма отравила даже воду в римском водопроводе. Это вызвало бунт, разъяренная толпа окружила храм и вытащила оттуда отравительницу.

Под пытками она призналась в убийстве более чем шестисот человек. Джулию, ее дочь и еще трех их помощников казнили на Кампо ди Фьори в Риме в июле 1659 года. Ее мертвое тело было сброшено со стены той самой церкви, где она искала убежища.

Хотя после ее смерти по Риму и Неаполю прокатилась волна арестов, далеко не все из тех, кто использовал «аква тофану» или знал ее рецепт, были казнены или отправлены в тюрьму. Некоторым из этих горе-химиков удалось бежать, и они скрывались в соседних странах, в частности во Франции. Нашлись среди них и те, кто горел желанием поделиться своим искусством с другими. Привело это к тому, что в Париже разразился страшный скандал, известный как «Дело о ядах», или «Процесс отравителей».

Началось все с того, что молодой дворянин Годен де Сент-Круа по какому-то несерьезному обвинению угодил в страшную тюрьму Бастилию. Пробыл он там недолго, но в камере успел познакомиться с неким итальянцем, посвятившим его в аптечные тайны. Выйдя на свободу, Сент-Круа был исполнен энтузиазма и мечтал проверить откровения таинственного итальянца на практике. Он снял небольшую квартирку в небогатом квартале столицы и устроил там алхимическую лабораторию. Первые опыты на животных оказались удачными: несколько несчастных кошек скончались в мучениях. Но Сент-Круа этим не удовлетворился. Он посвятил в свою тайну любовницу — Мари-Мадлен де Бренвильи.

У маркизы де Бренвильи была горничная — девица Франсуаза Руссель. Однажды за завтраком госпожа угостила ее ветчиной и смородиновым вареньем. Ветчину девица съела, а варенье лишь попробовала — на кончике ножа. Вскоре после этого она испытала сильнейшую боль в животе. Бедняжке казалось, что все ее внутренности колот изнутри острыми иглами. Ее мучило, голова раскалывалась, и были минуты, когда девушка думала, что расстанется с жизнью. Но то ли яда оказалось недостаточно, то ли Франсуаза была очень сильной и здоровой — она выжила. Сент-Круа сделал соответствующий вывод и приготовил более концентрированный яд.

По обычаю многих знатных и богатых людей того времени де Бренвильи имела обыкновение навещать больницы для бедных, принося пациентам угощение. После ее очередного визита состояние многих больных резко ухудшилось и вскоре почти все они скончались.

Любовники были вполне удовлетворены результатами своего второго опыта и теперь решили применить яд с пользой для себя. Мадам де Бренвильи в некотором роде повезло: ее муж был совершенно не ревнив. Она почти открыто встречалась с Сент-Круа, показывалась с ним в обществе — он не обращал на это внимания. А вот отец прекрасной маркизы был воспитан по-старинке и не мог мириться с выкрутасами дочери, неоднократно делая ей замечания. Желая избавиться от поучений, а заодно и получить наследство, Мари-Мадлен решила попотчевать папашу ядом.

После пикника, на котором дочка угостила старика бульончиком, тот прожил еще несколько дней. Все это время его мучили рвота, страшные боли в желудке и ощущение жара, словно сжигавшего его изнутри. Заботливая дочь не отходила от отца, ухаживая за ним, и горько рыдала на похоронах.

Но завещание обмануло ожидания прекрасной маркизы: большая часть

отцовского состояния отошла ее братьям. А те имели наглость указать Мари-Мадлен на ее связь с Сент-Круа и потребовать от сестры «вести себя прилично».

Надо ли говорить, что вскоре оба заболели той же «наследственной хворью», что и их отец? На этот раз врачи, лечившие больных, призадумались, но симптомы были им совершенно незнакомы, и они не могли однозначно утверждать, что имеют дело с ядом.

Возможно, все сошло бы с рук очаровательной де Бренвильи, но она была столь неосторожна, что записала историю всех отравлений и, вложив листы в конверт, запечатала его, озаглавив «Моя исповедь». Аналогичный документ составил и ее любовник — Сент-Круа. Им же было написано несколько писем к Мари-Мадлен и другим лицам, из которых можно было заключить, что совершено преступление.

Он продолжал свои опыты с ядами, не обращая внимания на то, что его собственное самочувствие ухудшается. Работая в своей лаборатории, он защищал лицо стеклянной маской, чтобы не вдыхать ядовитые испарения, но часть из них просачивалась под стекло и отравляла самого убийцу. Однажды ему совсем не повезло: когда он склонился над ретортой, маска слетела, и Сент-Круа, вдохнув отравленный пар, тут же рухнул замертво. Квартирная хозяйка, обнаружив тело, решила не привлекать к себе внимания, поэтому она убрала осколки маски, выбросила реторту с ядом и только после этого вызвала полицию.

Но, несмотря на уборку, в комнате осталось достаточно улик, чтобы полицейские со временем заподозрили неладное. К сожалению, они слишком поздно сообразили, с чем имеют дело, и из чувства стыдливости сожгли конверт с «Исповедью» преступника, но даже из прочитанных писем и прочих бумаг покойного выяснилось, что он изготавливал и продавал яды. Среди прочих бумаг нашлась и долговая расписка де Бренвильи: любовь любовью, но негодяй брал деньги даже со своей подруги. Были найдены и запасы самих этих ядов.

Внимание полиции обратилось к Бренвильи, однако она успела бежать из Парижа. А вот запечатанный ею конверт с надписью «Моя исповедь» попал в руки полиции. На этот раз стражи порядка не стали его сжигать, а прочли очень внимательно. Им открылись страшные вещи: кроме уже описанных злодеяний маркиза признавалась, что убила свою дочь, ревнуя к красоте и молодости девушки-подростка.

Из писем мадам де Савиньи:

«Г-жа де Бренвильи оповещает нас в своей исповеди, что в семь лет она утратила невинность, что продолжала в том же духе, что отравила своего

отца, братьев и одного из своих детей, что сама травилась, чтобы испробовать противоядие; даже Медее далеко до нее».

Де Бренвилль скрылась в городе Льеж в монастыре, и в силу несовершенства законодательства не было возможности добиться ее выдачи. Тогда один из полицейских по фамилии Дегре пошел на довольно сомнительный с точки зрения морали ход: он выдал себя за поклонника маркизы. Той исполнилось уже сорок пять лет, но она все еще оставалась привлекательной женщиной. Маркиза, соскучившаяся по мужскому вниманию, поверила ему и согласилась на свидание. Увы, вместо любовных ласк ее ждал арест. Началось длительное следствие, в ходе которого использовались и записи самой маркизы, и сохранившиеся бумаги де Сент-Круа, и показания свидетелей. Несмотря на то что де Бренвилль был предоставлен защитник, который действовал весьма умело, сомнений у судей не осталось: маркизу признали виновной в восьми смертях и приговорили к смертной казни и пытке водой. Судьи пытались дознаться, не было ли у нее сообщников, и стремились выяснить состав употреблявшихся ею ядов. В несчастную преступницу влили пятнадцать литров воды, растянув ее на дыбе, но признаний не получили. Ее обезглавили на Гревской площади в июле 1676 года. Мертвое тело предали огню, что дало повод знаменитой писательнице мадам де Савиньи пошутить: «Дым развеялся над Парижем, мы все его вдохнули, и как бы нам теперь не пришло желание кого-нибудь отравить». Ох, как она была права!

Дело де Бренвилль заинтересовало самого короля. Несколько лет назад он потерял горячо любимую кузину Генриетту. Молодая женщина умерла при очень странных обстоятельствах: она попросила пить, и, достав ее чашку из шкафа, ей налили воды из общего графина. Сразу после этого Генриетта почувствовала страшные, нестерпимые боли в животе и спустя несколько часов скончалась. Вскрытие, проведенное по приказу Людовика, не обнаружило ни признаков яда, ни следов болезни. Врачи не сумели сказать, почему она умерла, зато объяснение придумали придворные.

У мужа Генриетты, Филиппа Орлеанского, был любовник — шевалье де Лоррен, по общему мнению, человек жестокий и безнравственный. Генриетта его терпеть не могла, а он не выносил Генриетту. Доконал мадам случай, когда ее супруг Филипп появился на балу в женском платье, с женской прической и украшениями, под руку с де Лорреном. Весь вечер парочка была неразлучна, откровенно милоясь и кокетничая.

Генриетта устроила супругу скандал, потребовав не выставлять ни себя, ни ее на посмешище, в ответ Филипп имел дурость пригрозить ей

разводом. Но развод члена королевской семьи не есть его частное дело. Ссора с Генриеттой грозила ухудшением отношений с Англией, и Людовик не мог не вмешаться; шевалье де Лоррен был немедленно отправлен в ссылку.

Герцог Сен-Симон:

«Ее любовные связи возбуждали ревность месье, его извращенные склонности возмущали мадам: его фавориты, которых она ненавидела, как могли, углубляли раздор между супругами, чтобы полностью завладеть мужем. Кавалер Лотарингский, родившийся в 1643 году и бывший в ту пору в расцвете юности и красоты, взял над месье полную власть и давал это почувствовать как мадам, так и всему двору. У прелестной мадам, которая была на один год младше кавалера Лотарингского, были все основания страдать из-за той власти, которую он забрал над месье; король был тогда исключительно благосклонен к ней, и она добилась в конце концов изгнания кавалера Лотарингского. При известии об этом месье упал без чувств, потом залился слезами и пал в ноги королю, умоляя отменить указ, повергший его в беспредельное отчаяние. Не добившись этого, он впал в ярость и удалился в Виллер-Котре.

Пометав грома и молнии в короля и мадам, которая всегда протестовала против того, что ее оттесняют, он не смог долго играть роль недовольного, тем паче в деле, постыдном в глазах общества. Король согласился убоготворить его в другом: месье получил деньги, заверения в благосклонности и дружбе; он возвратился весьма расстроенный, но постепенно наладил подобающие отношения с королем и мадам».

Кавалер Лотарингский — шевалье де Лоррен — оказался в Риме, где процветало древнее искусство составления ядов. Их умели наносить на лезвия ножей, пропитывать ими ткани и бумагу. Он продолжал писать Филиппу, а тот отвечал на письма, доставляли корреспонденцию их общие друзья. Придворная дама сообщает, что накануне смерти Генриетты один из друзей де Лоррена, достав из шкафа чашку Генриетты, протер ее салфеткой. На ее удивленный вопрос, зачем он трогает чужую чашку, тот ответил, что не знал, кому она принадлежит, и просто хотел попить воды. С этими словами он поставил чашку обратно. Когда спустя некоторое время Генриетта попросила пить, чашку, не ополаскивая, достали из шкафа и налили в нее безвредный напиток, который пили и все прочие, находившиеся в комнате, но отравленный фарфор сделал свое дело.

Тремя годами позже так же скоропостижно и с теми же симптомами скончался принц Евгений Морис Савойский. В связи с его смертью тоже ходили слухи об отравлении.

Эти смерти так напугали короля, что он, по обычаю древних римлян, даже завел специального слугу-дегустатора и продолжил расследование, которое поручил Габриэлю Николя де ла Рейне — умному, талантливому и весьма образованному человеку. Сын небогатых родителей, де ла Рейне выгодно женился и сделал блестящую карьеру; он проявил себя при разгроме Фронды, был представлен ко двору и вплоть до 1697 года возглавлял созданную Кольбером полицию Парижа. Он прожил жизнь долгую и достойную: ему удалось значительно снизить преступность в Париже и расселить и расчистить «Двор чудес» — самый бедный, грязный и жуткий из кварталов французской столицы, заселенный профессиональными нищими, проститутками, ворами, убийцами. Умер де ла Рейне в 1709 году в Париже. Также он был известен в обществе как библиофил и собиратель старинных рукописей, которые сам реставрировал. «Дело о ядах» стало одним из самых громких и скандальных в его карьере.

Начал он с мелочей: арестовал некую Мадлен Гениво, торговавшую ядами и снадобьями для абортотворения, вслед за ней — еще несколько «ведьм». Потом раскрыл шайку алхимиков, которые, отчаявшись получить золото, перешли на более прозаические предметы — то есть яды. Главой их был Франсуа Гало де Шастейль, а его правой рукой — Луи де Ванан. Биография этих людей достойна приключенческого романа: они участвовали в мятежах, побывали в плену у мавров, потом Шастейль постригся в монахи и даже стал настоятелем монастыря. Но воздержание было не для него: он завел себе любовницу, похитив девицу из ближайшей деревни и заперев ее в своей келье. А когда та забеременела, то, недолго думая, удушил бедняжку. Его поймали, когда он пытался зарыть труп, и приговорили к повешению, но Ванан, возглавлявший вооруженную шайку, отбил его прямо на эшафоте. В благодарность де Шастейль открыл ему тайну получения серебра из ртути, но уже через несколько лет предпринял попытку отравить приятеля, опасаясь, что тот может на него донести.

Их шайка была весьма разветвленной, она включала одного хирурга, одного адвоката, нескольких знахарок, гадалок, акушерок и даже пару священников. Всего по делу проходили 400 человек, из которых были казнены более тридцати.

Среди акушерок, занимавшихся не только родами, но и незаконными абортотворениями, выделялась Катрин Дешейе Монвуазен, или Ла Вуазен. Если вы сразу представили старую каргу, одетую в лохмотья, склонившуюся над убогим очагом в жалкой лачуге, — вы ошиблись. Старухой «акушерка» не была: на момент ареста ей исполнилось всего лишь 42 года. Ремесло

Катрин Монвуазен было весьма доходным, и она жила на широкую ногу: владела домом с примыкавшим к нему садом, роскошно одевалась.

В глубине ее сада стояла печь, в которой она сжигала «отходы производства». Зловещая и трогательная деталь: Монвуазен со своими подручными — Мари Босс и некой Лепер — крестили недоношенных младенцев «малым крещением», прежде чем отправить их тела в огонь.

Человеческие эмбрионы в XVII столетии рассматривались как один из важнейших ингредиентов, употребляемых в черной магии. Конечно, Монвуазен не могла упустить такую возможность поживиться и продавала тела выкинутых младенцев алхимикам — Ванану и Шастейлю, которые изготавливали всевозможные снадобья: приворотные средства, омолаживающие средства, средства повысить потенцию...

В шайке было и два священника — Франсуа Мариэтт и Этьен Гибур, оба эти нечестивца оказались весьма искушены в обрядах, которые в те столетия именовали «обедней святого Секария», а теперь чаще называют «Черной мессой».

Дж. Дж. Фрэзер:

«Гасконские крестьяне также верят, что, для того чтобы отомстить своим врагам, злые люди иногда склоняют священника отслужить обедню, называемую обедней святого Секария. Знают эту обедню очень немногие, и три четверти из них ни за что на свете не согласились бы ее отслужить. Только недобрый священник отважится исполнить этот отвратительный обряд, и можете быть уверены, что на Страшном суде он дорого за это заплатит. Викарий, епископ и даже архиепископ города Оша не имеет права отпустить такой грех. Одному лишь папе римскому принадлежит это право. Служить обедню святого Секария можно только в разрушенной и запущенной церкви, где ухают ко всему безучастные совы, где в сумерках бесшумно летают летучие мыши, где по ночам останавливаются на ночлег цыгане и где под оскверненным алтарем притаились жабы. Сюда-то и приходит ночью недобрый священник со своей возлюбленной. Ровно в одиннадцать часов он начинает задом наперед бормотать обедню и заканчивает ее, как только часы зловеще пробьют полночь. Священнику помогает его возлюбленная. Гостию, которую он благословляет, черна и имеет форму треугольника. Вместо того чтобы причаститься освященным вином, он пьет воду из колодца, в который было брошено тело некрещеного младенца. Знак креста он чертит на земле, и притом левой ногой. Делает он также много других вещей, на которые ни один добрый христианин не мог бы даже взглянуть без того, чтобы его до конца жизни не поразили слепота, глухота и немота. А тот, по чьей душе отслужили

тайную обедню, мало-помалу усыхает. Никто не может сказать, что с ним. Врачи и те ничего не могут понять. Им и невдомек, что его медленно губит обедня святого Секария».

Такую обедню можно отслужить не только на смерть, но и на исполнение любого желания. Если какая-то женщина желает приворожить мужчину, то она должна предоставить свое тело в качестве алтаря для «Черной мессы». Над ее животом приносят жертву — невинного младенца — и окропляют женщину его кровью. После этого она может произнести свои желания, и Сатана их исполнит.

Вот такие штучки и проделывали преподобные Мариэтт и Гибур. Младенцев для жертвоприношений поставляла Монвуазен, а заказчицами порой были особы весьма знатные.

Для беспристрастного ведения расследования был учрежден особый трибунал «Огненная палата». Монвуазен держалась крепко и не дала никаких показаний. По чьему-то распоряжению пыткам ее подвергли чисто формально.

Суд обвинил ее в отравлениях, незаконных абортах, убийствах младенцев и проведении черных месс, которые творил ее соучастник, аббат Гибур. В феврале 1680 года Монвуазен была сожжена на костре на Гревской площади. Она не выказала никакого раскаяния в своих преступлениях: накануне казни с аппетитом ужинала и выпивала с тюремщиками, причем напилась допьяна и стала распевать непристойные песни. Когда пришедший священник посоветовал ей прочесть молитвы, она спела два гимна — перемежая их бранью. Даже на костре она дралась с палачом, не позволяя привязать себя к столбу, отбрасывала ногами горящие связки хвороста и громко ругалась, обвиняя всех в распутстве. Но имен она не назвала.

«В Нотр-Дам она не хотела произнести публичное покаяние, — писала мадам де Савинье. — На Гревской площади она сопротивлялась изо всех сил, не желая сходить с телеги. Ее стащили силой, закованную в цепи, подняли на костер, завалили соломой. Колдунья сыпала проклятьями, скидывала пуки соломы пять или шесть раз. Но вот огонь поднялся к небу, и она исчезла из виду. Такова была смерть мадам Лавуазен».

Ла Вуазен промолчала, но зато ее дочь — Мария-Маргарита — рассказала много интересного. Среди клиентов своей матери она назвала великого драматурга Расина, графиню Суассонскую (т. е. Олимпию Манчини), ее сестру герцогиню Бульонскую, мадам де Вивон (золовку мадам де Монтеспан) и даже маршала Люксембургского. Но, кроме того, Мария-Маргарита назвала еще одно имя — де Монтеспан. Выяснилось, что

камеристка королевской фаворитки по имени Като действительно была протеей ведьмы Монвуазен. Она и осуществляла связь между своей госпожой и колдуньей.

Против Расина серьезных улик не нашлось. В то время престарелый классик французской литературы завел роман с актрисой Дю Парк по прозвищу Маркиза, сплетничали, что он даже тайно женился на ней. А потом вдруг молодая женщина скорострительно умерла. Вероятнее всего, актриса забеременела и умерла, приняв средство для выкидыша, возможно, купленное у той же самой Монвуазен. Расин был очень опечален и ударился в религию.

В нескольких случаях слова Марии-Маргариты подтвердились и другими свидетельствами. На их основании графиню де Суассон и ее сына выслали из Франции по подозрению в отравлении мужа и отца; маршала отправили под арест. Но что было делать с официальной королевской фавориткой?

Франсуаза-Атенаис де Рошешуар де Мортемар, маркиза де Монтеспан (1640–1707) — таково полное имя этой знаменитой женщины. Сама она предпочитала называть себя Атенаис, что является французской транскрипцией имени воинственной богини Афины, которое подходило ей как нельзя лучше.

Она вышла замуж в феврале 1663 года за Генри Луиса Парделена маркиза де Монтеспан и попала в свиту Генриетты Английской. Вскоре познакомилась с Людовиком XIV, но поглощенный своей любовью к Луизе де Лавальер король не сразу заметил молодую красавицу, зато потом он понял, что беседы с остроумной и язвительной Монтеспан развлекают его. Она специально высмеивала и передразнивала придворных, чтобы развеселить короля.

Сен-Симон:

«Придворные избегали проходить мимо ее окон, особенно когда у нее бывал король; они говорили, что это все равно, что пройти под обстрелом, и это выражение стало при дворе поговоркой. Она и вправду никого не щадила, часто с единственной целью развлечь короля, а поскольку была бесконечно остроумна и умела тонко высмеивать, не было ничего опасней ее насмешек, которыми она одаривала всех и каждого».

Маркиза стала любовницей короля весной 1667 года. Узнав об этом, ее муж сильно разгневался. Скандал случился на премьерке пьесы Мольера «Амфитрион», когда маркиз принялся громко комментировать реплику одного из персонажей: «Дележ жены с Юпитером не есть потеря чести». После спектакля его арестовали, а затем выслали на родину — в Гасконь.

Но господин де Монтеспан не унялся: он устроил своей неверной супруге... похороны, причем пригласил на них всех друзей и родственников. Фамильная церковь была задрапирована черным, и гроб с именем Атенаис торжественно опустили в склеп. Несмотря на плохую погоду, оскорбленный муж попросил открыть для себя центральные двери. «Мои рога столь высоки, что не пройти в низенькую боковую дверь», — объяснил он. С тех пор он более не появлялся при дворе и до самой своей смерти в 1691 году прожил в Гаскони.

Ну а тем временем между его супругой и королем завязались самые тесные отношения.

В 1674 году г-жа де Лавальер покинула двор, а титул официальной фаворитки перешел к мадам де Монтеспан. Она затмила законную королеву и стала царицей многих придворных торжеств. Надменная маркиза любила роскошь и золото. Ее манеру одеваться современники характеризовали как «золотое на золотом»: брильянты украшали ее волосы, шею и руки, а для платьев Атенаис предпочитала расшитую золотом парчу. Как писала мадам де Савиньи, «ее драгоценности были достойны ее красоты, а ее живость — драгоценностей». Но большинство придворных терпеть ее не могли. «Она была зла, капризна, часто впадала в дурное настроение и со всеми, не исключая короля, держала себя непомерно надменно», — писал Сен-Симон.

Атенаис была очень ревнива и зорко следила за своим коронованным любовником. Замечая, что он обратил внимание на какую-нибудь красотку, Атенаис устраивала скандал.

Одной из соперниц Монтеспан стала скромница Мари Элизабет, маркиза де Людр. Воспитывалась эта девушка в монастыре, и родители помолвили ее со старым герцогом Карлом IV Лотарингским. Но у того уже была любовница, и оставлять ее он не хотел, а потому предложил своей нареченной «менаж-атруа» — брак втроем. Мария-Элизабет воспротивилась этому, как она считала, разврату, нажаловавшись своему духовнику, который поддержал ее. Помолвка была расторгнута, и девушка отправилась в Париж, чтобы быть представленной при дворе. Мари-Элизабет была очень красива, и ее родители уповали на то, что столь яркая внешность не останется незамеченной в Версале. После ранней смерти герцогини Орлеанской де Людр вошла в придворный штат королевы Марии-Терезии. Своей красотой и необычным лотарингским акцентом она притягивала многих царедворцев, король тоже не остался равнодушным к «прекрасной Изабелле» или «прекрасной канониссе», как ее прозвали. Поговаривали даже, что Изабель была от него беременна, но что стало с

младенцем, неясно. Их связь заметила мадам де Монтеспан и принялась интриговать против Мари-Элизабет. Воспитанная в монастыре, та из скромности носила не столь глубокое декольте, как прочие дамы, и Атенаис немедленно объяснила это тем, что «прекрасная Изабелла» больна проказой и прячет пораженные места под платьем. Хотя это была откровенная ложь, Мари-Элизабет впала в немилость и, гордо отказавшись от предложенного ей пенсиона, провела остаток жизни в разных монастырях. Однако из-за крайней бедности в старости она все же вынуждена была обратиться к королю за пенсией, и пенсия была ей пожалована.

Добившись ссылки де Людр, Монтеспан принимала поздравления придворных, лежа в постели «причесанная и расфуфыренная». «Какая гордыня! Какая вновь обретенная власть! Я пробыла целый час в ее комнате... Как она перемывала косточки бедной де Людр!» — писала по этому случаю мадам де Совинье.

Больше всего Монтеспан боялась потерять свою власть, но годы шли, и она старела. И если с помощью косметики и всевозможных ухищрений ей удавалось сохранить видимость былой красоты, то нагота ее была уже совсем непривлекательна. Особенно у Атенаис отекали ноги: сохранилось письмо одного придворного, которому удалось подглядеть за королевской фавориткой, выходящей из кареты. Он заметил, что каждая ее нога в обхвате была толщиной с его талию. «Правда, — тут же добавил он, — я сам в ту пору был весьма строен». Ревнуя короля к другим женщинам, Франсуаза была готова на все. «Эта шлюха меня убьет!» — не раз повторяла о ней сама королева. Возможно, тут не было преувеличения.

В 1678 году Людовик XIV безумно влюбился в необычайно красивую и юную Мари-Анжелику де Скорай де Руссиль герцогиню Фонтанж, фрейлину принцессы Баварской. Их связь оставалась тайной до весны 1679 года, когда она была объявлена официальной королевской фавориткой (и это при живой Монтеспан!), а в конце года родила королю ребенка — мертвого. Вслед за дитем исчахла и молодая мать, не достигнувшая и двадцати лет. Обедня святого Секария или нечто более материальное?

Свидетели по «Делу отравителей» показали, что Атенаис де Монтеспан извела девушку, прислав ей пропитанный ядом шелк и перчатки. Яд медленно проникал через кожу, девушка постепенно теряла здоровье, и ее смерть выглядела почти естественной.

Показания дочери колдуньи Ла Вуазен ужаснули следователей: молодая женщина рассказывала не только про аборты и убийства, она сообщила о самом настоящем дьяволопоклонстве, что в те времена

считалось намного более тяжким преступлением.

Мари-Маргарита рассказала, что часто присутствовала на черных мессах, проводимых в доме ее матери аббатом Гибуром. В качестве алтаря Гибур использовал тело обнаженной женщины, ложившейся на тюфяк. Ее живот окропляли кровью младенца — чаще недоношенного, но порой и совершенно здорового, — которому нечестивый аббат перерезал горло.

«Священник-расстрига купил младенца для этой мессы всего лишь за экую, — записал де ла Рейне, — проткнув горло младенца ножом, он налил кровь в чашу, после чего тельце унесли». Он отметил в своем дневнике также и имя той, чье тело служило алтарем для богохульного действия: этой женщиной была мадам де Монтеспан. Она начала пользоваться услугами колдуньи еще в ту пору, когда была молода и свежа, а любовницей Людовика считалась Луиза де Лавальер.

Гибур зачем-то записал мольбы Атенаис, обращенные к Сатане: «Я прошу дружбы короля и дофина, и чтобы она не кончалась. Пусть королева будет бесплодна, пусть король покинет ее постель и стол для меня, пусть я получу от него все, что попрошу для себя или для родственников, пусть мои друзья и слуги будут ему приятны; пусть я буду уважаема вельможами; чтобы меня призывали на королевский совет, чтобы я знала, что там происходит; пусть дружба и любовь короля ко мне удвоится; пусть король покинет и даже не взглянет на Лавальер; пусть король разведется с женой, и я стану королевой».

С тех пор фаворитка короля стала постоянной клиенткой Ла Вуазен. Она регулярно покупала у нее приворотные средства, которыми пичкала короля, чтобы поддержать угасающую страсть. Нам примерно известен состав зелий, которыми пользовались колдуньи XVII века: часто в них входили человеческие эмбрионы, толченые насекомые и жабы, менструальная кровь, всевозможные травы, часто ядовитые или наркотические, и обязательно — шпанская мушка. Еще точно известно, что Ла Вуазен использовала сушеные внутренности крота и летучих мышей. Чем отвратительнее были компоненты, тем более действенным считалось зелье, но один из его компонентов — шпанскую мушку — следует рассмотреть подробнее.

Это небольшой жучок ярко-зеленого цвета, распространенный по всей Европе и в странах Азии. Как многие насекомые, он выработал защиту от птиц — выделяет едкое и даже ядовитое вещество кантаридин. Кантаридин вызывает очень сильное раздражение слизистых оболочек, поэтому птицы и не склевывают этих жучков. В качестве афродизиака толченые жуки употреблялись с древности, так как побочным следствием раздражения

тканей действительно является сильное сексуальное возбуждение. Но прямым и более сильным следствием принятия шпанской мушки становится тяжелое поражение стенок желудка и кишечника, приводящее к гастриту, язвенной болезни, некрозу тканей и смерти.

Бедный Людовик, в молодости отличавшийся отменным здоровьем и любивший хорошо поесть, после нескольких лет приема чудовищных снадобий обрюзг, растолстел и стал часто болеть и страдать желудком. Врачи списывали все на чревоугодие и рекомендовали королю диеты, не догадываясь об истинной причине недугований.

Дочь Ла Вуазен и другие подследственные утверждали также, что существовал план убийства короля: ему предполагали передать прошение, пропитанное ядом. Оказывается, Ла Вуазен могла готовить столь сильные снадобья, что достаточно было простого прикосновения, чтобы умереть.

Показания Като и Мари-Маргариты подтвердили еще двое: хирург Лессаж и аббат Мариэтт, арестованные по делу банды алхимиков. Прелестная маркиза покупала приворотные зелья и у них.

Де ла Рейни был в растерянности: не могло быть и речи о вызове маркизы Монтеспан в суд для дачи показаний. По мнению искушенного в делах полицейского, «чрезмерность совершенных преступлений гарантировала их от преследований».

Министр Кольбер, ознакомившись с результатами следствия, обвинил свидетелей в клевете и потребовал закрыть дело. Окончательное решение принял сам Людовик XIV: внимательно прочитав доклад де ла Рейни, он сжег бумаги в камине и приказал закончить следствие, не допуская огласки: мать его детей не могла быть объявлена ведьмой и безбожницей.

Последовало несколько казней, но все это были второстепенные лица. Некоторые угодили в сумасшедшие дома. Большая часть фигурантов дела была отправлена в разные тюрьмы, где они должны были содержаться в строгой изоляции. Охранникам было строго-настрого приказано не слушать произносимые ими глупости и строго наказывать заключенных, если они станут много болтать. Клод ле Вин удалось избежать тюрьмы и плахи, но остаток жизни она провела в своем особняке, опасаясь выходить на улицу. Фактически дело было замято.

Ну а что же мадам Монтеспан?

С этой женщиной король не мог так просто порвать: ведь она родила ему семерых детей. Но и оставаться с ней он тоже не мог, слишком многое стало между ними: черные мессы, тысячи загубленных младенцев, его собственные дети, не дожившие до зрелости, — вспомните, Монтеспан просила Сатану сделать королеву бесплодной. Сколь ни легкомыслен и

распутен был Людовик, но все это не могло оставить его равнодушным.

К тому же именно он был косвенной причиной этих бесчинств: это ради него Атенаис де Монтеспан поклонялась дьяволу! Это его она годами пичкала отвратительными приворотными снадобьями!

Поэтому и Людовик, и все придворные постарались, чтобы падение фаворитки прошло как можно незаметнее. Монтеспан должна была покинуть свои роскошные апартаменты и переселиться в скромные комнаты на другом этаже. Король продолжал некоторое время наносить ей визиты, но обязательно в присутствии придворных. И даже во время этих кратких встреч он не мог скрыть своей глубокой неприязни к бывшей любовнице, оказавшейся чудовищем.

В 1691 году бывшая фаворитка удалилась в общину Сен-Жозеф, ко двору ей путь был заказан. Под старость «золотая маркиза» пыталась замаливать грехи, раздавая свое состояние бедным, соблюдая посты и нося власяницу. По всей видимости, ее мучила совесть. «Она ложилась спать с незашторенными окнами, со множеством горящих свечей, — рассказывал граф Сен-Симон, — вокруг нее должны были бодрствовать служанки. Когда бы она ни проснулась, они должны были разговаривать, есть, прихорашиваться, но только не спать».

Единственным ее другом в эти годы изгнания остался Мсье — брат короля Филипп Орлеанский. Людовик же не простил ее никогда и даже после ее смерти запретил детям носить по ней траур.

Сам он тоже очень изменился после этой страшной истории. Глубокое раскаяние охватило короля, он оставил празднества и развлечения, прежде столь им любимые, и двор погрузился в молитвы. Депрессия усугублялась абстинентным синдромом, то есть «ломкой»: ведь короля в течение многих лет пичкали возбуждающими средствами, а теперь прием их прекратился.

Людовик вернулся к жене, Марии-Терезии, которая простила его. Но королева была уже тяжело больна и после описанных событий прожила лишь год. Этот последний год ее жизни супруг окружил ее нежностью и заботой. Во время ее последней болезни он неотлучно находился у постели Марии-Терезии. Но по этикету король Франции не должен видеть смерть, потому Людовика попросили удалиться, когда у нее началась агония. Он вышел в соседнюю комнату и, услышав о ее кончине, произнес: «Первый раз она меня огорчила».

Второй женщиной, поддержавшей Людовика в эти годы, стала няня его детей от Монтеспан — вдова поэта Скаррона Франсуаза д'Обинье. Она приходилась внучкой гугеноту Агриппе д'Обинье — знаменитому поэту и

бузотеру. Ее отец — Констан д'Обинье — был вынужден бежать в Америку (или, как тогда говорили, в Индию), после того как совершил преступление: он застал свою жену с любовником и убил ее. В Америке д'Обинье-младший женился еще раз на девушке-гугенотке, та родила ему дочь Франсуазу, но счастья он не нашел и прожил недолго.

Его дочь осталась сиротой, бедной как церковная мышь. В колониях было много протестантов, и девочка поначалу воспитывалась в протестантской вере, но затем ее отправили во Францию к родственникам-католикам. По пути во Францию на корабле Франсуазе стало плохо, она потеряла сознание, и окружающие сочли ее мертвой. Все уже готовились зашить ее тело в саван и бросить в море, когда кто-то из моряков заметил, что «покойница» дышит.

Тетка Франсуазы, госпожа де Нейян, ставшая ее опекуной, сочла за лучшее отправить девочку в монастырь, и монахини приложили все усилия, чтобы вернуть «заблудшую овцу» в лоно католицизма. Под их влиянием девочка выросла угрюмой, крайне благочестивой, даже фанатичной. Однако она была умна и хорошо образована.

За пребывание юной Франсуазы в монастыре надо было платить, денег не хватало, и свою помощь семейству де Нейян предложил сосед — поэт Скаррон.

Таллеман де Рео:

«Она жила до этого у г-жи де Нейян... которая хотя и приходилась ей родственницей, обирала ее до нитки. Старуха эта была так скупа, что на всю комнату ставилась одна жаровня: грелись, стоя вокруг нее. Скаррон, живший в том же доме, предложил вносить ей какую-то сумму, дабы маленькая д'Обиньи могла стать монахиней; в конце концов он решил на ней жениться. И вот однажды он ей сказал: „Мадемуазель, я не желаю больше давать деньги на то, чтобы упрятать вас в монастырь“. Она громко вскрикнула. „Да погодите же, я просто хочу на вас жениться: мои слуги выводят меня из терпения!“».

Этот брак можно было бы считать очень удачным, если бы не одно «но»: Скаррон был калекой. Франсуаза, только что вышедшая из поры детства, должна была превратиться в сиделку при нем.

Таллеман де Рео:

«Маленький Скаррон всегда питал склонность к поэзии, танцевал в балетах и отличался прекраснейшим нравом до той поры, пока некий шарлатан, взявшись излечить его от какой-то детской болезни, не дал ему снадобья, от которого у него отнялись все члены, кроме языка и еще кое-чего, что вам, должно быть, понятно; по крайней мере из дальнейшего

ясно, что этому вполне можно верить. С тех пор он сидит на стуле, укрытый сверху, и может двигать только пальцами, в которых держит палочку, чтобы иметь возможность почесываться; видом своим он на волокиту отнюдь не похож. Это не мешает ему то и дело отпускать шутки, хотя боли почти никогда его не покидают; следует, пожалуй, считать чудом нашего века, чтобы человек в подобном состоянии, к тому же еще и бедняк, мог так смеяться, как он».

Этот странный брак длился восемь лет. Другая на месте невесты рыдала бы от горя, выходя замуж за дряхлого парализованного старика, но Франсуаза вспоминала годы этого брака как самые счастливые в своей жизни: юная бесприданница сумела оценить остроумие и богатый внутренний мир своего старика-супруга. «Г-жа Скаррон отвечала тем, кто спрашивал у нее, почему она вышла замуж за этого человека: „Я предпочла выйти за него, нежели уйти в монастырь“».

Скаррон сильно хворал, его донимали невыносимые боли. Франсуаза скрашивала его жизнь. Некрасивая и неловкая в юности, с годами она расцвела и стала очень привлекательной женщиной.

«Скаррон говорил, что женился, дабы видеть людей, иначе, мол, никто бы его не навещал, — описывал Таллеман де Рео. — Жена его повсюду желанный гость; до сих пор полагают, что Рубикона она не перешла».

У молодой женщины было много поклонников, особенно усердствовал некий Вилларсо, но старый Скаррон лишь потешался над теми, кто пытался заронить в нем сомнение насчет верности его супруги. Старый поэт умер осенью 1660 года и даже исповедовался перед смертью, хоть и был атеистом: он сделал это, чтобы не огорчать любящую его Франсуазу. Она искренне горевала и вскоре после его смерти удалилась в монастырь, хотя и не приняла постриг. Впрочем, друзей у нее было много, и в монастырь зачастили посетители, вызывая недовольство монахинь.

Одними из тех, кто навещал Франсуазу в трудные для нее дни, были Луи де Морне, маркиз де Вилларсо, главный псарь Людовика XIV и один из самых красивых мужчин Франции, и дама, которую при крещении нарекли Анной, но весь Париж знал ее под именем Нинон. Красавца Вилларсо прочили Франсуазе в любовники, а Анна-Нинон считалась ее лучшей подругой. Даже много лет спустя, когда Франсуаза стала морганатической супругой короля Франции, эти женщины тайком встречались. Почему же тайком? А потому что репутация у Нинон была такой, что она никак не могла быть принята во дворце. Ведь речь идет о Нинон де Ланкло — знаменитой куртизанке.

Набожная, скромная, замкнутая, холодная, некокетливая, не очень

красивая и не очень молодая женщина показалась Атенаис Монтеспан идеальной кандидатурой на роль воспитательницы своих детей. Должность эта была не слишком почетной: дети были хоть и королевскими, но бастардами, рожденными в порочной связи. Однако когда кто-то заметил ей это, Франсуаза язвительно ответила:

— Должность няни этих детей, по-вашему, унижительна? Что же вы тогда скажете об их матери?

Сказать дурное слово о всемогущей Атенаис отваживались немногие.

Воспитанников своих Франсуаза очень любила, в отличие от их родной матери. Повзрослев, они вспоминали, что маму свою почти и не видели, ее место в их жизни заняла няня. С самой королевской фавориткой Франсуаза д'Обинье поддерживала самые дружеские отношения, поначалу почти искренние, впоследствии — лицемерные.

Сближение Франсуазы с королем произошло во время расследования «Дела о ядах». Ревностная католичка Франсуаза д'Обинье сумела дать королю утешение и найти верные слова, чтобы успокоить его душу. Она стала его другом, а после смерти королевы — его любовницей.

Существует рассказ, что на смертном одре Мария-Терезия подозвала к себе Франсуазу и, сняв с руки кольцо, надела ей на палец. После кончины королевы д'Обинье стала официальной фавориткой Людовика, а спустя несколько лет он тайно женился на ней, подарив ей поместье Ментенон, и с тех пор Франсуаза Д'Обинье стала называться мадам де Ментенон. Впрочем, за спиной завистники продолжали дразнить ее Скарроншей — по первому мужу.

При дворе скромная и нелюдимая Ментенон имела много недоброжелателей и очень мало друзей, в отличие от дней своей молодости, когда ее не покидали даже за стенами монастыря. Она была умна, но не любила лицемерить и предпочитала одиночество фальшивой дружбе. По мнению герцога Сен-Симона, Ментенон «взваливала на себя бремя никчемных, призрачных, нелегких забот», вместо того чтобы благодаря своему положению «наслаждаться свободой».

Ханжество действительно было ей присуще. Так, по слухам, однажды она совершила настоящий акт вандализма, приказав уничтожить картину «Леда» кисти Леонардо да Винчи, поскольку сочла ее непристойной. Сейчас подобный поступок кажется чудовищным.

Однако маркиза вовсе не была мегерой! Она основала школу Сен-Сир для дочерей бедных дворян и проявила недюжинные педагогические способности, составляя для нее программу и методические пособия. Будучи сама весьма образованной особой, она считала главным не

бессмысленное накопление знаний в головах воспитанниц, предпочитая развивать их ум в «живых беседах».

Позднее открылось еще несколько учебных заведений по типу Сен-Сира.

В Версале произошли значительные изменения: забылись карусели и ассамблеи, ушли в прошлое роскошные балы и праздники. Даже пуританин завыл бы здесь от тоски, шутили придворные, вспоминая былые времена. Людовик порой и не прочь был вернуться к прошлым забавам, но не осмеливался перечить своей тайной супруге. Впрочем, хоть порой король и жаловался своим духовникам на ее холодность, он любил Франсуазу и, даже умирая, мечтал о встрече с ней на небесах. «При предстоящей нашей разлуке меня утешает мысль, что она не будет продолжительна и мы скоро свидимся», — произнес он на смертном одре, на что Ментенон весьма цинично заметила: «Очень любезное утешение! Эгоистом жил, эгоистом и умирает».

Впрочем, Людовик оказался прав: Франсуаза пережила его всего лишь на три года. После его смерти она удалилась в Сен-Сир, но существует рассказ, что перед этим она навестила постаревшего Вилларсо и призналась, что любила его намного сильнее, чем короля.

Нинон де Ланкло

Единственная близкая подруга Франсуазы де Ментенон заслуживает отдельного рассказа. Ханжа и куртизанка, ревностная католичка и вольнодумка, скромница и дама, славящаяся на весь Париж своим кокетством. Что могло связывать этих двух женщин?

А ведь Нинон де Ланкло была близкой подругой г-жи де Ментенон все время, пока та жила в Париже. Позднее, став супругой короля, г-жа де Ментенон не любила, когда ей напоминали о Нинон, однако не смела сказать о ней худого слова. Сен-Симон передает, что «с тех пор как г-жа де Ментенон возвысилась, подруги виделись всего дважды или трижды, причем в глубокой тайне». Однако подруги продолжали переписываться, и если Нинон просила о какой-то услуге для своих друзей, то Ментенон всегда выполняла ее просьбы.

Нинон родилась в Париже 15 мая 1616 года, она была дочерью Генриха де Ланкло и его супруги, происходившей из древней орлеанской фамилии. Отец Нинон был довольно легкомысленным человеком, из-за нелепой дуэли он был вынужден покинуть Францию, когда его дочь была еще совсем ребенком. «Папа очень хорошо играл на лютне» — вот и все, что Нинон помнила об отце. Этот инструмент пришелся по вкусу и ей самой. Милая, хоть и не красавица, она отличалась живым умом, музицировала и превосходно танцевала, особенно любила сарабанду, поэтому жившие по соседству дамы часто приглашали ее к себе.

Ей было всего тринадцать лет, когда во время процессии Страстей Господних, увидев, что все плачут, она спросила: «Чего это они? Ведь все равно же Он воскреснет?» Ее мать, услышав замечание дочери, возмутилась и попросила духовника хорошенько намылить ей голову. Уже взрослая Нинон призналась друзьям, что именно тогда поняла, что всякая религия — не что иное, как лицемерие, и во всем этом нет никакой правды.

Мужчины стали рано интересоваться хорошенькой Нинон. Она отвечала им взаимностью, за короткий срок сменив трех ухажеров, но ни один из них не сделал попытки жениться на бесприданнице. Некий Кулон первым открыто взял ее на содержание, и «тогда все порядочные или так называемые порядочные женщины отвернулись от Нинон и перестали с ней встречаться», рассказывал ее приятель Таллеман де Рео.

Вслед за Кулоном появился еще один состоятельный поклонник, потом еще один... Нинон была очень ветрена и часто меняла мужчин. Сплетники делили ее любовников на три разряда: тех, кто платил, к коим она была

совершенно равнодушна, терпя их лишь до поры до времени, пока они были ей нужны; тех, кого она мучила, и любимчиков. Впрочем даже и за деньги Нинон отдавалась далеко не всем. Эта сильная и смелая женщина твердо решила принадлежать лишь тем, кто ей приглянется: она сама делала первый шаг, говорила или же писала им о своей склонности; когда же мужчина ей наскучивал, она тоже сама прямо говорила ему об этом. Обычно ее романы длились не дольше трех месяцев. «Три месяца — для меня это целая вечность», — смеялась Нинон.

Таллеман де Рео:

«Она говорит; будто нет ничего дурного в том, чем она занимается, не скрывает, что ни во что не верит, хвалится тем, что стойко держалась во время болезни, когда думали, что конец ее уже близок, и приобщалась святых тайн лишь из приличия... Она переняла особую манеру изъясняться и делать смелые умозаключения на манер философов; читает она одного Монтеня и судит обо всем, как ей вздумается. В письмах ее есть пылкость, но мысли излагаются беспорядочно. Она требует уважения к себе от всех, кто ее посещает, и не потерпела бы, чтобы самый знатный придворный посмеялся над кем-либо из ее гостей».

Слухи о вольнодумстве Нинон дошли до самой королевы-матери, Анне Австрийской, и та велела заточить куртизанку в монастырь. Распоряжение вызвало в Париже настоящий скандал!

Сен Симон:

«Она наделала такого шума, более того, в расцвете своей блистательной молодости оказалась причиной таких беспорядков, что королева-мать, с безграничной снисходительностью относившаяся к галантным и более чем галантным особам, на что у нее были свои причины, все-таки была вынуждена отдать ей приказ удалиться в монастырь. Один из парижских полицейских чинов доставил ей королевский указ об изгнании; она прочла его и, заметив, что название монастыря там не обозначено, сказала без всякого смущения: „Сударь, королева была ко мне так добра, что оставила на мое усмотрение выбор монастыря, куда я должна удалиться по ее приказу; посему прошу вас передать ей, что я выбираю монастырь ордена францисканцев в Париже“, — и с изящным реверансом вернула ему указ. Чин, изумленный таким беспримерным бесстыдством, не нашел, что возразить...»

Монастырь ордена францисканцев был мужским. Узнав про ответ Нинон, разгневанная королева выбрала для дерзкой место заключения сама.

Таллеман де Рео:

«...Королева-мать велела заточить Нинон в монастырь Мадлонетт... После этого пошли разговоры, будто все придворные волокиты собираются осадить монастырь Мадлонетт; снарядили стражу, которой приказано было ходить дозором вокруг монастыря всю ночь. В другой раз пошли слухи, будто какие-то блестящие кавалеры измеряли из соседнего дома высоту стен монастыря, и т. д. Все это наделало такого шума, что Нинон пришлось оттуда взять, но с условием, что она проведет некоторое время в монастыре в Ланьи. Ее навещало такое множество народу, что хозяин харчевни „Королевский меч“ нажил себе на этом состоянии».

Заточение, вызвавшее столь бурные страсти, длилось недолго; вскоре Нинон вновь оказалась на свободе и в центре всеобщего внимания.

Сен Симон:

«У Нинон было много друзей среди всевозможных знаменитостей, и она была настолько умна, что всех их сохранила, причем все они оставались дружны между собой или, во всяком случае, обходились без стычек.

Дома у нее царили чинность и внешняя благопристойность, какую не всегда удается поддерживать и самым высокородным принцессам, у которых тоже бывают свои слабости. Таким образом, дружбу с ней водили самые искушенные и самые благовоспитанные придворные; быть принятым у нее вошло в моду, многие стремились к этому ради связей, которые можно было завести у нее в салоне. Никогда никакой игры, ни громкого смеха, ни ссор, ни пересудов о религии или о правлении; бездна остроумия, притом блистательного; новости, как старинные, так и недавние; события галантной жизни, но ни тени злословия; когда посетителей перестали привлекать к ней в дом ее чары, а соображения благопристойности и мода уже не позволяли ей смешивать телесное с духовным, остались изящество, легкость, мера, а отсюда и беседа, которую она умела поддержать, обнаруживая остроумие и познания в событиях всех времен; и уважение, с которым, как ни странно, относились к ней все — и многочисленные друзья, и знакомые самого высокого разбора. Она знала все интриги минувшего и нынешнего царствования, как серьезные, так и легкомысленные; речи ее были очаровательны, бескорыстны, правдивы, скромны, совершенно достоверны, и, можно сказать, за ничтожным исключением, она была воплощением добродетели и подлинной порядочности. Друзей она частенько выручала деньгами и кредитом, ради них пускалась в нешуточные хлопоты, самым надежным образом сберегала деньги, отданные ей на хранение, и важные тайны, которые бывали ей доверены. Все это принесло ей известность и совершенно необыкновенное

уважение».

Она была героиней сплетен и анекдотов, ее афоризмы передавали из уст в уста, и сам Людовик XIV, узнав о каком-нибудь происшествии, спрашивал: «А что сказала об этом Нинон?»

Несчастный Вилларсо, оставленный Франсуазой д'Обинье, нашел утешение у Нинон. От него у де Ланкло было двое детей. Их связь длилась долго, и люди говорили: «Она стареет, она становится постоянной», а ведь в ту пору Нинон было всего лишь тридцать лет! Вилларсо был очень ревнив. О его нелепой ревности рассказывали забавные байки вроде этой:

Таллеман де Рео:

«Однажды, в самый разгар своей влюбленности, Вилларсо увидел в окно, — ибо он нарочно поселился в доме насупротив, — что у Нинон горит свеча; он послал спросить, не пускают ли ей кровь. Она ответила, что нет; тогда он решил, что она, стало быть, пишет письмо какому-нибудь сопернику. Его охватывает ревность, он хочет бежать к ней; в своем неистовстве вместо шляпы насаживает себе на голову серебряный кувшин, да с такой силою, что потом лишь с большим трудом этот сосуд удаётся с него содрать. Нинон не сумела рассеять его сомнения; он опасно заболевает. Нинон так этим растрогана, что отрезает себе волосы — а они у нее великолепны — и посылает их Вилларсо, дабы он видел, что она не желает ни выезжать, ни кого-либо принимать у себя. Такое самопожертвование благотворно сказывается на состоянии больного: лихорадка тотчас же проходит. Узнав об этом, она идет к нему, ложится в его постель, и они не встают с нее целую неделю».

Последним любовником Нинон был аббат де Жедуаэн, восьмидесяти лет, тем не менее весьма крепкий мужчина. Куртизанка целый месяц томила возлюбленного и отдалась ему в тот день, когда ей самой исполнилось восемьдесят. Целый год длилась эта связь, но ревность аббата заставила Нинон расстаться с ним.

Анекдоты о Нинон:

Лашастр перед отъездом утверждал, что будет одним из этих избранных счастливцев. Очевидно, что Нинон не давала ему на то твердого обещания, но у него хватило глупости — он не блистал умом, — а соответственно, и самонадеянности попросить у нее в том расписку; она ему таковую расписку выдала. Он увез ее с собой и часто ею похвалялся. Обязательство свое она выполняла дурно и, нарушая его, всякий раз восклицала: «Ох, как же быть с распиской, которую я дала Лашастру!» Наконец счастливчик, который был с ней в это время, спросил, что означают ее слова. Она объяснила; он пересказал эту историю и выставил

Лашастра на посмешище; слух о расписке докатился до армии, где находился в то время Лашастр.

Однажды гости Нинон принялись обсуждать одного общего знакомого, которому нравились красивые мальчики. «Право же, — сказал один из гостей, — об этом не стоит говорить в присутствии мадемуазель». — «Пренебрегите этим, — сказала она, — уж не настолько я женщина, как вы воображаете».

Афоризмы Нинон:

- Благоразумная женщина не избирает себе мужа без согласия своего рассудка, как любовника без согласия своего сердца.
- Ваш ребенок не говорит? Да вы просто счастливица — он не будет пересказывать ваши слова!
- Боже, позволь мне стать добродетельным человеком — но не добродетельной женщиной!
- Коварство не в неверности, а в лицемерных ласках неверного. Неверность простить можно, коварство — никогда.
- Лучше быть обманутым, чем оскорблять друга своим недоверием.
- Никогда мужчина не бывает так нежен, как после того, как его простили за минутную неверность.
- Опыт — врач, являющийся после болезни.
- Скромность везде и во всем. Без этого качества самая красивая женщина возбудит к себе презрение со стороны самого снисходительного мужчины.
- Чем меньше страсти выказываешь, тем большую страсть возбуждаешь.
- Привязанность начинается там, где кончается любовь; неверность начинается там, где кончается привязанность.
- Если уж Богу было угодно дать женщине морщины, он мог бы по крайней мере часть из них разместить на подошвах ног.
- Желание нравиться рождается у женщин прежде желания любить.
- Труднее хорошо вести любовь, чем хорошо вести войну.
- Женщина не выносит ревнивца, которого не любит, но сердится, если не ревнует тот, кого она любит.

Принцесса-мавританка

Одна из самых таинственных легенд, связанных с двором Людовика XIV, повествует о таинственной мавританке — темнокожей девушке, ушедшей в монастырь в городке Морэ. Эта необычная монахиня до конца

жизни была убеждена в том, что она — принцесса королевской крови. Однажды, услышав звук охотничьего рога — в лесу неподалеку охотился обожаемый ею дофин, — она как бы между прочим обронила: «Это мой брат охотится». И никто не возразил! Никто не осудил ее за дерзость.

Письмо с просьбой о принятии девушки в монастырь в сентябре 1695 года написала аббатисе лично госпожа де Ментенон, в письме она упомянула, что «мавританка» выразила желание, «чтобы на церемонии присутствовал весь двор», и к этой ее просьбе отнеслись со вниманием. «Мавр», «мавританка» — таким было вежливое наименование людей с темным цветом кожи в том веке, независимо от их национальности.

О здоровье и поведении этой сестры была проявлена величайшая забота, лично аббатиса следила за всем, что имело к ней отношение. Есть сведения, что с этой поры г-жа де Ментенон довольно часто навещала монастырь в Морэ, делая обители богатые подарки. Бывал там и дофин, и другие принцы и принцессы. Сам король через доверенное лицо каждый год жертвовал значительные суммы монастырю в Морэ именно на содержание этой монахини. В пансионной грамоте значилось ее имя, девушку звали Людовика-Мария-Тереза!

Вольтер сообщает: «Она была на редкость смуглая и к тому же походила на него (короля). Когда король отправил ее в монастырь, он сделал ей подарок, назначив содержание в двадцать тысяч экю. Бытовало мнение, будто она его дочь, что вызывало у нее чувство гордости, однако настоятельницы выражали по сему поводу явное недовольство... Г-жа де Ментенон посетила Морэйский монастырь, она призвала чернокожую монахиню к большей сдержанности и сделала все, чтобы избавить девицу от мысли, тешившей ее самолюбие. „Сударыня, — ответила ей монахиня, — усердие, с каким такая знатная особа, как вы, пытается внушить мне, что я не дочь короля, убеждает меня как раз в обратном“».

Возможно ли, что у Людовика XIV была темнокожая любовница? Историки, пристально изучившие жизнь Версаля, не обнаружили такой женщины. Зато они нашли мужчину!

И родилась сплетня. Она заключается в том, что мавританка была дочерью королевы Марии-Терезии — но не от короля. Мол, в свите французской королевы состоял паж-африканец. Королева была к нему очень привязана, пока он был ребенком, и многому его учила. Мальчик вырос, повзрослел, превратился в привлекательного юношу и... исчез. Пропал без вести.

В то время королева была беременна, но на восьмом месяце заболела и

разрешилась раньше срока слабым младенцем — девочкой. Это произошло в ноябре 1664 года. По описанию свидетелей — а роды королевы всегда проходили в присутствии придворных дам — младенец был очень темнокож, весь черный, с головы до пят.

Восьмимесячные младенцы часто бывают очень смуглы, чернота кожных покровов может развиться и от недостатка кислорода в результате трудных родов, поэтому само по себе это наблюдение ни о чем не говорит. Но придворные сплетницы тут же принялись судачить, что «новорожденная как две капли воды походила на очаровательного мавритенка, которого привез с собой г-н Бофор и с которым королева никогда не расставалась; когда все смекнули, что новорожденная могла быть похожа только на него, несчастного мавра убрали прочь».

Младенец якобы умер, прожив чуть больше месяца. Принцесса Пфальцская написала, что, хотя «все придворные видели, как она умерла», народ в это не поверил «ибо все знали, что она находится в монастыре в Морэ, близ Фонтенбло», — то есть именно там, где позднее была пострижена таинственная мавританка.

Правда ли это? Может, да, может — нет... Есть и другая версия: мол, у привратника в Зоологическом саду служили мавр и мавританка. У них родилась дочь, и отец с матерью, не будучи в состоянии воспитать ребенка, поделились своим горем с г-жой де Ментенон, та сжалилась над ними, снабдила девочку весомыми рекомендациями и препроводила в монастырь. Но почему дочку привратника Зоологического сада содержал сам король? Зачем ее навещали дофины? Это объяснения не находит.

Швеция — королева Христина

Небесные знамения, имевшие место в 1626 году, ясно сообщили придворным астрологам шведского короля Густава-Адольфа, что ему следует ожидать рождения сына. Наступил декабрь, пришло время королеве рожать, и произвела она на свет младенца, который, однако, оказался не сыном, а дочерью, которую назвали Христиной. Раздосадованный король приказал воспитывать девочку как мальчика; он очень привязался к ребенку, часто напоминая девочке о том, что она — будущий король. Именно так: король, а не королева.

С матерью девочка виделась редко. Мария Элеонора Бранденбургская, хоть и считалась самой красивой и элегантной королевой Европы, была настолько нервной и злой женщиной, что общение с ней сказывалось на ребенке явно отрицательно. «Она обладала всеми слабостями и грехами, присущими женскому полу», — вспоминала о ней Христина.

Девочке исполнилось всего лишь шесть лет, когда ее отец погиб на войне и Христина стала монархом Швеции.

Она была очень умна и развита не по возрасту: изучала иностранные языки, интересовалась политикой, экономикой, древней историей. С пятнадцати лет Христина стала самостоятельно принимать иностранных послов, затем начала участвовать в Королевском совете. Она переписывалась с Рене Декартом и даже уговорила старого ученого переехать в Швецию. К сожалению, почти сразу после приезда он жестоко простудился и умер от пневмонии. Злые языки твердили, что причиной болезни стало необычно раннее время для посещений, назначенное ему Христиной: занятая делами королева отвела для бесед с ученым время с шести до семи утра, а Декарт привык обычно вставать поздно.

Притязания многочисленных женихов Христина отвергала, объявив, что решила остаться девственницей по примеру Елизаветы Английской. Конечно же сплетники старались угадать, есть ли у королевы любовник. Называли молодого графа Делагарди, дипломата Класа Укессона Тотта и... прекрасную графиню Эббу Спарре. Эта женщина, славившаяся своей красотой и умом, стала ближайшей подругой Христины на долгие годы, и, даже покинув страну, королева продолжала писать Эббе, заполняя свои письма уверениями в вечной любви. Впрочем, это не значит равным счетом ничего: цветистый стиль был принят в то время.

Отказавшись от замужества, Христина назначила наследником своего двоюродного брата — Карла-Густава Пфальцского. Позднее за ним

признали право передать шведскую корону по наследству, а спустя четыре года Христина отреклась от престола. Ей были назначены доходы с нескольких областей в размере 200 тысяч риксдалеров ежегодно; в отведенных ей землях она пользовалась всеми правами королевы; ей запрещено было лишь отчуждать эти области, и население их обязано было присягнуть на верность Карлу-Густаву.

Причины ее поступка остались не поняты современниками и получили разнообразные противоречивые толкования у историков. Властная, честолюбивая, умная, привыкшая к роскоши, молодая — ей исполнилось всего лишь двадцать восемь лет — королева внезапно отказывается от всего, что составляло основу ее жизни, и отправляется в путешествие, которое продлится всю ее оставшуюся жизнь. Поступок поистине странный!

Выехав из Швеции, Христина добралась до Брюсселя. Часть пути она проделала верхом в седле, переодевшись в мужское платье; часть — в карете, в женском наряде. В Брюсселе в день Рождества 1654 года она приняла католичество, приняв имя Мария-Александра. Это вызвало сенсацию во всей Европе еще большую, чем ее отречение. По приглашению папы Александра VII Христина (все же она предпочитала называться своим старым именем) перебралась в Рим и поселилась там в роскошном палаццо Фарнезе.

Ей не было тогда еще тридцати лет. Она славилась на всю Европу своим умом и образованностью, молва о смелости ее характера и скандальных любовных похождениях лишь добавляла ей шарма. Поэтому Рим встретил Христину как героиню. Только что вошедший на престол папа Александр VII произнес речь, посвященную ее приезду, приветствуя новообращенную католичку, и подарил ей изумительной красоты карету, запряженную шестеркой белых лошадей и исполненную по рисунку Бернини. Однако Христина не воспользовалась подарком: она въехала в город верхом, на мужском седле. Высыпавшая на улицы Рима толпа с интересом разглядывала странную гостью. Судя по портретам и по описаниям современников, она была небольшого роста, худощава, плохо сложена, с очень смуглым лицом и большим носом. Особенно неприятное впечатление производил на римлян ее низкий и грубый голос.

Расположившись во дворце, Христина предалась всевозможным увеселениям, позабыв о своих прежних ученых занятиях. Иногда она набрасывала кой-какие записки, например о равенстве полов, но не удосуживалась облечь их в законченную форму и тем более опубликовать.

Папа Александр VII был даже несколько смущен той малой заботой о

благочестии, которую она проявляла. Церковные службы очень быстро прискучили ей, даже несмотря на сопровождавшую их оперную музыку. Во время мессы она могла вдруг расхохотаться во все горло над нашептанным ей на ухо непристойным анекдотом. Папа пытался увещевать свою духовную дочь, но тщетно. Он не добился от Христины даже того, чтобы она носила в церквях четки, как подобает всякой католической даме. Христина смеялась над ним открыто и угрожала уехать, если ей будут надоедать советами.

Зато римская знать была рада развлечь экзотическую гостью. Традиционный карнавал того года был даже назван в честь Христины «Карнавалом королевы». Римская знать соперничала в великолепии устроенных ради нее празднеств. Князь Памфили воздвиг перед своим дворцом павильон, в котором избранное общество проводило дни и ночи за пиршествами и азартной игрой. Барберини тешили Христину турнирами, фейерверками, скачками и костюмированными шествиями на прилегающей к их дворцу площади с фонтаном Тритона. В палаццо Альдобрандини шесть тысяч человек слушали новую оперу, переполненную всякими диковинными кунштюками, вплоть до арабского каравана с верблюдами и слонами, несущими на спине башни. Во всех этих празднествах и увеселениях Христине принадлежало первое место, она легко нашла себе множество новых друзей, из которых самым верным и близким сделался молодой и красивый секретарь Ватикана кардинал Адзолини.

«Мое времяпрепровождение состоит в том, чтобы хорошо есть и хорошо спать, немного заниматься, приятно беседовать, смеяться, смотреть итальянские, французские и испанские комедии и вообще жить в свое удовольствие», — признавалась Христина в письмах друзьям.

Все вечера Христина проводила в театре, где держала себя так, что римский народ скоро перестал стесняться ее. Однажды она опоздала к представлению, публика выражала досаду и нетерпение свистками и криками. Христина поднялась в своей ложе и начала комически раскланиваться. В другом подобном же случае на свист она отвечала свистом. Теперь, как только она появлялась на улицах, острые на язык римляне кричали ей вслед «любезности», граничащие с непристойностями. Христина, высунувшись в окно кареты, отвечала им в том же духе. Она вовсе не была смущена и тем более огорчена, напротив, все это ей очень нравилось!

Тогда Александр VII перешел от увещеваний к действиям и сократил новообращенной ее содержание. Обиженная Христина, продав часть

имущества и драгоценностей, села на корабль и отплыла во Францию. После ее отъезда палаццо Фарнезе являл вид разрушения. Свита королевы расхитила серебряную посуду, сорвала со стен гобелены, распродала картины и даже сняла часть медных листов, которыми была покрыта крыша.

На французский берег она высадилась, облаченная в мужской камзол с лентой через плечо, юбку, доходящую лишь до колен, в белых чулках и башмаках, в напудренном парике, прикрытом широкополой шляпой с большим пером. Однако французский король отчего-то не выказал особого ликования в связи с ее приездом. Христина даже планировала вернуться в Рим, но передумала из-за случившейся в Вечном городе чумы и предпочла поселиться в выделенном ей для жительства Фонтенбло.

Мадемуазель де Монпансье:

«После балета мы вместе с королевой отправились в комедию. Там она меня удивляла чрезвычайно. Чтобы выразить свое одобрение местам, которые ей нравились, она клялась именем Бога. Она почти ложилась на своем кресле, протягивала ноги в разные стороны и задевала их за ручку кресла. Она принимала такие позы, какие я видела только у Травелина и Жоделе, арлекинов итальянской и французской комедии. Она громко читала вслух стихи, которые ей запомнились, и говорила о тысяче вещей, и говорила, надо сознаться, очень хорошо. Иногда ее охватывало глубокое раздумье, она сидела некоторое время молча и тяжело вздыхала и затем вдруг просыпалась и вскакивала на ноги. Она во всем совершенно необыкновенна!»

Ее пребывание во Франции ознаменовалось скандальным событием: расправой с маркизом Мональдески, бывшим любовником Христины. Формально он состоял при ней главным управителем дел и некоторое время пользовался неограниченным доверием королевы. Его погубила вражда с другим подобным же кавалером двора Христины, неким Франческо Сантинелли. В чем именно заключалась вина Мональдески, с точностью не известно. По-видимому, то были письма, где фаворит имел неосторожность слишком откровенно распространяться о милостях к нему королевы, не удержавшись при этом от насмешек над ней. Как бы то ни было, получив эти письма от Сантинелли, Христина была страшно разгневана. Дальнейшие события известны нам из описания аббата Ле Бея, бывшего свидетелем всего произошедшего.

Христина призвала Мональдески в одну из комнат дворца, где находились уже Сантинелли и еще двое преданных ей людей, все с обнаженными шпагами. Она пригласила туда же аббата Ле Бея. В этой

комнате состоялось некое подобие суда, Христина предъявила Мональдески бумаги и письма, изобличающие его в некоем перед ней преступлении. Тот сначала отрицал вину, но потом, уличенный, упал на колени и умолял о прощении. Королева слушала его с невозмутимым спокойствием, опершись на трость из черного дерева. «Будьте свидетелем, — сказала она, обращаясь к аббату, — что я не тороплю его и даю ему случай оправдаться». Но все оправдания Мональдески пропали втуне. Выслушав его покаянную речь, Христина произнесла недрогнувшим голосом: «Отец, вручаю вам этого человека, приготовьте его к смерти и молитесь об его душе». После этого она вышла из комнаты.

Мональдески рыдал и умолял о спасении аббата и трех вооруженных людей. Один из них, почувствовав к нему жалость, пошел просить королеву о смягчении участи несчастного маркиза. Но королева была непреклонна. Сам Ле Бель тоже пошел уговаривать Христину. Он нашел ее спокойной и твердой. На все доводы аббата она отвечала: «Он должен умереть».

Когда Ле Бель вернулся, несчастный маркиз понял все по его лицу, упал на колени и стал исповедоваться. По прошествии нескольких минут убийцы начали приближаться к нему. «Маркиз, готов ли ты, кончил ли ты исповедоваться?» — спросил один из них и, не дав ответить, нанес ему удар шпагой в живот. Страшно закричав, Мональдески упал на пол и корчился, пытаясь укрыться от сыплющихся на него ударов. Вся комната была залита кровью, но несчастный маркиз все еще был жив и громко стонал. Шум отчаянной борьбы должен был доходить до ушей королевы. Наконец Мональдески испустил дыхание. Ле Бель сообщает, что Христина заплакала и стала молиться, узнав о том, что все наконец кончено.

Убийство в Фонтенбло возбудило всеобщее негодование и любопытство, но сама королева совсем не была смущена и даже показывала своим гостям ту комнату, где была совершена зверская расправа. Как это ни странно для нас, людей двадцать первого века, но совершенное ею не было преступлением для века семнадцатого. По статусу Христина оставалась королевой, хоть и отреклась от престола. Она имела власть над людьми своего двора, имела право их судить и наказывать. Соблюдая видимость дознания, она сделала свои действия совершенно легитимными, и даже Людовик XIV признал это, посетив королеву несколько дней спустя с дружеским визитом.

Однако отношение к ней изменилось, и через несколько месяцев Христина вновь вернулась в Италию. Но и тут ее встретили намного более прохладно, чем в первый раз: она, чужеземка, распорядилась убить итальянца, причем принадлежавшего к очень знатному роду.

Чтобы замять скандал, папа Александр VII попытался объявить главным виновником всего Сантинелли, но Христина не позволила: она лично написала папе, описав все произошедшее, и назвала виновной только себя. Сантинелли успел бежать из Рима в Венецию. Раздосадованный понтифик, чтобы сорвать зло, отправил в монастырь любовницу Сантинелли Анжелу-Маддалену, обвинив ее в отравлении мужа, герцога Чери. Через несколько лет женщине все же удалось выбраться оттуда, и она таки вышла замуж за своего возлюбленного.

Христина поселилась в палаццо Корсини — прекрасном дворце, но расположенном не в самом центре города. Деньги ей выделяли нерегулярно и не в тех количествах, как ей бы хотелось. Христина все больше и больше тяготилась своей зависимостью от папы. С целью поправления денежных дел она предприняла даже путешествие на родину, но была и там встречена без энтузиазма. Возвращаясь обратно, она узнала о смерти Александра VII и остановилась в Гамбурге, чтобы выждать результатов конклава. Ожидая со страхом известий об избрании папой своего врага, кардинала Фарнезе, она занялась поисками философского камня вместе с алхимиком Борри и астрологом Бандиерой. Новости, пришедшие из Италии, были благоприятны: под именем Климента IX папой был избран ее большой друг, кардинал Роспильози, назначивший своим секретарем другого ее друга — кардинала Адзолини. Христина радостно устремилась в Рим.

Климент IX умер через три года, а его преемник, Климент X, не испытывал симпатии к королеве-нахлебнице. Христина безвыездно жила в своем дворце, занимаясь науками, основанной ею академией и своей библиотекой, услаждаясь операми, комедиями, изысканными обедами и азартными играми. Преемник Климента X, Иннокентий XI, основательно подпортил ей последние годы жизни: стремясь искоренить порок, он распорядился закрыть в Риме все театры и увеселительные заведения.

Кроме того, он отменил право убежища, которым пользовались до тех пор в Риме дворцы, занятые представителями иностранных держав. Не все этому подчинились! Французский посланник маркиз де Лаварден, имевший в своем распоряжении восемьсот вооруженных людей, смеялся над требованиями папской полиции. Христина не располагала таким войском, но она дала приют в палаццо Корсини разнообразному сброду: изгнанникам, беглецам и просто бандитам. Эти люди были ей безгранично благодарны и в случае надобности могли защитить ее жилище лучше любой гвардии. Командовал этим своеобразным войском некий маркиз дель Монте — дуэлянт, волокита и мошенник, ставший последним

любовником королевы. Постаревшая Христина прощала ему измены и грубость обращения, доходившую, как говорили, до побоев, ради минут, свидетельствовавших о самой пылкой его преданности. Когда дель Монте внезапно умер, во время приготовления к какому-то празднеству, Христина увидела в этом предзнаменование и своей скорой смерти. В самом деле, она немногим пережила маркиза и умерла в апреле того же 1689 года.

Глава 6

Женщины и Великая французская революция

«Великий страх» в Оверни

Так называют массовое явление, имевшее место во Франции летом 1789 года: в июле месяце в разных местах, почти одновременно, возникли слухи о появлении больших разбойничьих шаяк, которые подвергают разгрому целые города, сжигают стоящий на полях хлеб, занимаются убийствами и грабежами. Слухи эти распространялись с поразительной быстротой, почти ни у кого не вызывая сомнений. Всюду по деревням и в городах состоятельное население энергично готовилось к самозащите; собирались вооруженные отряды, выставлялись дозоры; всюду можно было найти людей, воочию видевших приближающихся «разбойников». Паника охватила большую часть страны.

Габриэль Дюбрейль:

«Вчера утром, около четырех часов, несколько человек, взобравшись на Борегар, приняли встающий над землей туман за облако пыли, поднятой передвижением разбойников, и начали кричать, что вот они уже тут, явились. Набат гудит, и никто не сомневается, что действительно пришли разбойники. Те, кто было улегся в постель, вскакивают: к Львиному фонтану тащат пушки; вооруженные люди толпами устремляются к предместью Айа, готовясь к стойкой защите. Около девяти часов вечера из Себаза является четыреста человек крестьян во главе с несколькими буржуа и канониками; пришли и жители из Стуза, 120 человек из Вальвика, 60 из Мезака. Трудно себе представить, что это был за переполох...

Вслед за этими тревожными событиями поднялось возмущение против муниципалитета и комитета, вызванное вопросом об офицерах милиции, которые были назначены двумя этими органами власти...

В окрестностях Иссуара и Бриуда население сильно возбуждено против дворян. Часть горожан и крестьян двинулись на замок г-на д'Эпиншалья в Массиаке; они разбили стекла, переломали мебель и повсюду искали графа, так как прошел слух, что он здесь; на самом деле он находится в Париже. Этот сеньор слывет отъявленным аристократом».

Так с массового психоза, с истерии, охватившей целые области, началась страшная и кровавая революция, принесшая Франции

многочисленные беды. Объединившись для борьбы с мифической угрозой, крестьяне не успокоились, а обратили свой гнев против реального зла.

К тому времени французские крестьяне не были крепостными, но они все еще продолжали платить за право владения землей. На каждой земле лежали свои многочисленные и разнообразные повинности, тщательно занесенные в земельные записи, или «уставные грамоты». Им не было числа: работа на помещичьих полях, в парке, в садах, разные работы ради удовлетворения помещичьих капризов и т. д. В некоторых деревнях существовало даже обязательство хлопать ночью палками по воде в пруду, чтобы лягушки не мешали господам спать.

Кроме того, крестьяне платили многочисленные налоги и подати королю, от которых дворяне были освобождены. Подати взимали и помещики. Когда какая-нибудь старуха оставляла своей дочери в наследство одно или два ореховых дерева или что-то из одежды, например «черную ватную юбку», то «благородный и великодушный сеньор» или «благородная и великодушная дама» взимали с этого наследства налог. Платить полагалось за свадьбу, за крестины, за похороны, за пользование мельницей или прессом для выжимки виноградного сока, мостами или бродами. Но, даже уплатив все подати, крестьянин все равно оставался должен и не имел права продать свой урожай раньше помещика.

Несколько неурожайных годов привели к голоду и, как следствие, к народным бунтам. Еще в апреле 1775 года в Дижоне народ завладел домами хлеботорговцев и разломал несколько мельниц. Тогда-то комендант города произнес в обращении к народу издевательские слова, спровоцировавшие выступления еще в нескольких городах: «Трава уже выросла — ступайте, ешьте ее!» Оксер, Амьен, Лилль первыми последовали примеру Дижона, затем восстания начались в Понтуазе, Пуасси, Сен-Жермене... Голодные люди с намерением разграбить склады муки направились в Версаль. Людовику XVI пришлось выйти на балкон дворца говорить с народом и обещать, что цена на хлеб будет снижена. Король не сдержал слово, и народ принялся грабить булочные. Были вызваны войска для усмирения «разбойников». В тот раз они справились: несколько бунтовщиков были повешены на Гревской площади, остальные присмирели.

В течение следующих пятнадцати лет в документах то и дело встречаются указания на то, что в том или другом месте были «беспорядки». Но Людовик XVI не сделал никаких выводов, и королевский двор продолжал увеличивать расходы. Королева Мария-Антуанетта за свою любовь к роскоши даже получила прозвище «Мадам дефицит».

Младшая дочь императора «Священной Римской империи» Франца I и Марии-Терезии вышла замуж в пятнадцать лет. Она была очень красива и неглупа, но имела один недостаток, подмеченный ее учителями в ее ранней юности: «Немного лени и много легкомыслия». «У нее никогда не было и, пожалуй, никогда не будет серьезных стремлений», — сокрушалась ее мать Мария-Терезия. Даже чрезвычайно расположенная к ней госпожа Кампан — ее первая прислужница и поверенная, признавала, что ее величество проводила все свое время в празднествах и увеселениях. То, что было бы простительно для обыкновенной светской дамы, стало роковым для королевы.

Ее супруг, король Франции Людовик XVI, был человеком добрым, мягким, но не слишком умным и недостаточно волевым. К тому же он страдал заболеванием, которое долгое время делало невозможной нормальную супружескую жизнь — сужением крайней плоти. Лишь спустя семь лет после заключения брака он наконец решился на простейшую операцию, исправившую этот недостаток. Но к этому времени злые языки уже успели распустить о королевской чете массу сплетен. Марии-Антуанетте приписывали лесбийские романы, подсчитывали, сколько денег она проиграла в карты, потратила на наряды и увеселения. Знаменитая афера Жанны де Ла Мотт с бриллиантовым ожерельем баснословной стоимости окончательно испортила репутацию королевы.

Жанна де Люз де Сен-Реми де Валуа (1756–1791?)

Она выводила свое происхождение от Анри де Сен-Реми, считавшегося внебрачным сыном короля Генриха II. Несмотря на принадлежность к королевскому роду (ничем, по сути, не доказанную), семья Жанны была очень бедна. В 1780 году она вышла замуж за графа де Ла Мотта, офицера гвардии графа д'Артуа, и была представлена ко двору. По утверждениям Жанны, она стала близкой подругой Марии-Антуанетты, что сама королева всегда отрицала.

После внезапной смерти от оспы Людовика XV у ювелиров осталось невыкупленным изумительное бриллиантовое ожерелье, изготовленное для графини Дюбарри. Нового покупателя для такой роскошной вещи найти было нелегко. Ювелиры показали драгоценность Марии-Антуанетте, но она не решилась потратить столь крупную сумму, хотя ожерелье ей очень понравилось. Ювелиры были уже готовы разобрать изделие на составные части и продать бриллианты по отдельности, как вдруг с ними связалась Жанна де Ла Мотт и пообещала еще раз переговорить с королевой. Спустя несколько дней она объявила, что королева дала согласие на покупку. Одновременно Ла Мотт явилась к кардиналу Луи де Рогану, представленному ко двору, но не входившему в число приближенных короля и королевы, и попросила его об услуге: якобы сама государыня не решалась сразу просить у мужа такую огромную сумму, ведь финансовые дела страны были расстроены. Поэтому Мария-Антуанетта решилась обратиться к своему верному слуге, надеясь, что он уплатит за нее первый взнос и даст заемные письма на остальные части кредита с тем, чтобы королева погасила его постепенно. Кардинал выполнил все в точности, в благодарность «Мария-Антуанетта» дважды виделась с ним наедине в Трианоне.

Однако когда наступил срок следующего платежа, никаких денег от королевы ювелиры не получили. Также был пропущен и второй платеж, и третий... Обеспокоенные ювелиры обратились напрямую к королю и быстро выяснили, что тот ни о чем не знает. Также и сама Мария-Антуанетта отказывалась признать, что купила драгоценность. Ее подпись на договоре была признана поддельной.

В августе 1785 года бедный обманутый кардинал де Роган, графиня де Ла Мотт и еще несколько лиц были арестованы по обвинению в

мошенничестве. В их числе был и знаменитый колдун и предсказатель граф Калиостро. При обыске у Ла Мотт были найдены детали ожерелья, разобранного на составные части. Выяснилось, что Роган был жертвой мошенников: дама, встречавшаяся с ним, была вовсе не королевой, а некой модисткой, внешне похожей на Марию-Антуанетту. Дело в том, что кардинал, страдавший сильной близорукостью, до этого видел государыню лишь издали и не распознал обмана.

В мае 1786 года состоялся суд. Кардинал де Роган и Калиостро были высланы из страны, Ла Мотт была приговорена к телесному наказанию, клеймению и заключению в тюрьме для проституток; к такому же наказанию был заочно приговорен и ее муж, успевший, однако, вовремя скрыться. Авантюристка была безжалостно выпорота на Гревской площади и заклеяна, но из тюрьмы ей удалось сбежать, переодевшись в мужское платье. Она перебралась в Лондон, где находился ее муж, и издала там мемуары, позорившие якобы предавшую Жанну Марию-Антуанетту. Она подробно изложила свою версию авантюры, продолжая утверждать, что в ней на самом деле была замешана королева, и даже в качестве доказательства привела всю ее «переписку» с кардиналом Роганом. Свое поведение во время процесса де Ла Мотт объяснила страшными сомнениями и душевными мучениями, терзавшими ее в тот момент: «Я понимала, что королева повела себя бесчестно по отношению к кардиналу. Но кардинал был моим благодетелем, и было бы чудовищно с моей стороны способствовать его падению. Но и от королевы я видела много добра, и теперь, если я не хотела изведать ее мести, мне нужно было постараться сохранить ее секреты».

Конец жизни авантюристки неизвестен: то ли она покончила с собой, выбросившись из окна в 1791 году, то ли инсценировала самоубийство, спасаясь от кредиторов, а сама бежала из Англии в Россию. Есть сведения, что некоторое время она блистала в Петербурге, а конец жизни провела в Крыму, где туристам до сих пор показывают ее особняк.

Эта история сильно навредила королеве, несмотря на суд, доказавший ее непричастность: ведь подобная афера стала возможной только в силу того, что за Марией-Антуанеттой прочно закрепилась репутация легкомысленной мотовки.

Лишь Жак Неккер, возглавлявший Министерство финансов, пытался ввести разумную экономию, но его голос не был услышан. В 1787 году парламент отказал двору в деньгах, отказавшись ввести предложенные королем новые налоги. Тогда король утвердил свои указы на особом королевском заседании. Парламент протестовал, но напрасно: король

сослал парламент в Труа. В ответ в Париже начались всеобщие демонстрации. В продолжение зимы 1788/89 года не проходило дня, чтобы не были где-нибудь ограблены обозы с хлебом. Тогда Людовик XVI, в течение четырнадцати лет отказывавшийся собрать представителей народа из опасения, что от этого пострадает его королевская власть, оказался вынужденным созвать сначала Собрание нотаблей («почтенных» людей) и наконец Генеральные штаты.

27 апреля был днем созыва избирательных собраний в Париже. Рабочие выставили свои жалобы, буржуа ответили им грубостями. Особенно выделился своей наглостью некто Ревельон, собственник бумажной и обойной фабрик, произнесший: «Для рабочего достаточно черного хлеба и чечевицы; белый хлеб — не для него». Раздраженный народ заочно приговорил Ревельона к смерти, стал носить по улицам его чучело и сжег его на Гревской площади. На следующее утро толпа захватила и разграбила дом и фабрику Ревельона. Явились войска, но народ сопротивлялся, бросая из окон и с крыш что попало: камни, черепицу, мебель. Тогда войска стали стрелять, а народ ожесточенно защищался в течение нескольких часов. В результате оказалось 12 убитых и 80 раненых солдат, а со стороны народа — 200 убитых и 300 раненых.

Из писем мелкого буржуа Демишеля:

«Восстание, о котором я вам сообщил в последнем моем письме, казавшееся в начале только шуткой, имело самые серьезные последствия.

Между 10 часами пополудни и 1 часом дня начался грабеж, который продолжался до 10 часов вечера. Когда приблизился отряд в 50 гренадер французской гвардии, чтобы отрезать сообщение улицы Св. Антуана с улицей de Montreuil, где живет Ревельон, то чернь забросала солдат камнями. Этот отряд сделал поворот направо и дал сначала холостой залп, а когда нападение возобновилось, тогда солдаты зарядили ружья и начали стрелять пулями. Два человека остались на мостовой, и площадь была моментально очищена. Затем восставшие, взломав двери, спрятались в домах компаньонов, забрались на крыши, бросали оттуда черепицу в солдат и многих опасно ранили. Потом восставшие рассеялись по предместью, где они принуждали рабочих уходить из своих мастерских и присоединяться к ним, также принуждали присоединяться всех любопытствующих и всех тех, которые в это время находились в предместье по своим делам... Они произвели ужасные опустошения... Они все сожгли, проникли в погреба, где опьянели от вина и от этого пришли в еще большую ярость. Во время этого грабежа была усилена стрельба, чтобы помешать сожжению всего квартала.

Двинулись новые войска с пушками, заряженными картечью, но они, однако, не были приведены в действие. Невозможно передать вам точные подробности всего происшедшего; каждый квартал предместья был свидетелем ужасных сцен. Наконец к 10 часам вечера все успокоилось. Несколько из этих бездельников напильсь в погребах Ревельона и там заснули, там их было арестовано 26 человек, им надели кандалы на руки и ноги; нашлись среди них такие, которые имели клейма. Вчера носился слух, что 15 из них уже повешены и что остальных повесят сегодня».

Созыв Генеральных штатов не исправил положение. «Черт с ними; пусть заседают!» — именно такими словами сопровождал Людовик XVI их открытие. Он явился к депутатам, чтобы определить пределы предстоящих реформ, и грозил Генеральным штатам роспуском в случае неповиновения. Тщетно Жак Неккер, возглавлявший Министерство финансов, пытался найти выход из положения, компромисс, приемлемый для всех. Его предложения вызвали недовольство короля, и Неккер не только был отправлен в отставку, но и получил распоряжение немедленно покинуть пределы Франции. С ним обошлись крайне грубо: герцог Артуа даже поднес свой кулак под нос министру, когда он направлялся в залу заседаний совета министров. Неккер смолчал, понимая, что сейчас любая малость может заставить пламя вспыхнуть. Он не только не противился своей отставке, но и постарался покинуть Париж как можно незаметнее, чтобы не возбудить ни малейшего шума. Но сведения о его отставке просочились, и они стали последней каплей, переполнившей чашу. «Двор решил начать войну!» — объявил Камилл Демулен. Со шпагой в одной руке и пистолетом в другой он взобрался на стул и обратился к толпе с призывом к оружию. Отломив ветку от дерева, он сделал себе из зеленого листа кокарду, которая должна была служить знаком объединения. В предместьях Парижа принялись ковать пики и грабить оружейные лавки. Люди из народа останавливали прохожих, требуя денег на покупку пороха, стучались в двери богатых домов с той же целью. Несколько застав подожгли, и теперь съестные припасы и вино свободно, беспошлинно могли ввозиться в Париж. Со многих мест слышался набат.

С утра 14 июля внимание восставшего народа стало направляться на Бастилию — мрачную средневековую крепость с массивными высокими башнями, возвышавшуюся среди домов рабочего квартала, в начале предместья Сент-Антуан. Ее гарнизон состоял из 114 человек, причем большинство солдат были уже пенсионного возраста. Комендант Бастилии не заботился о припасах и не был готов к осаде, так как сама мысль о возможности серьезного нападения на грозную крепость считалась

нелепой.

Утром того же дня удачное нападение на Дом инвалидов дало возможность народу добыть ружья и пушки. Огромная вооруженная толпа двинулась к Бастилии. По слухам, комендант крепости де Лонэ, поднявшись на стену, чуть не упал в обморок, увидев, что все окрестные улицы черны отдвигающегося к Бастилии народа. Однако он взял себя в руки и несколько часов сопротивлялся восставшим. Лишь в пять часов вечера комендант передал через одну из бойниц около малого подъемного моста записку следующего содержания: «У нас есть 20 бочек пороха; если вы не примете капитуляции, мы взорвем весь квартал и гарнизон». Капитуляция была принята, и де Лонэ сам отдал ключ от ворот маленького подъемного моста. Его и нескольких офицеров схватили и потащили в ратушу, осыпая оскорблениями. Недалеко от ратуши, решив, что никакого суда не нужно, де Лонэ отрубили голову, вместе с ним были убиты три офицера генерального штаба Бастилии и три инвалида.

Как только подъемные мосты Бастилии были спущены, народ бросился во дворы и стал разыскивать заключенных, заживо погребенных в Бастилии. При виде этих призраков, выходящих из темных казематов и совершенно растерявшихся от света и от гула приветствовавших их голосов, растроганная толпа проливала слезы. Так началась революция. В последующие недели волнения распространились по всей стране. В городах образовывались новые, выборные органы власти — муниципалитеты, создавалась Национальная гвардия, крестьяне захватывали и жгли замки.

Из официального донесения:

«Собственность всякого рода подвергается, по-видимому, самому преступному разбою. Повсюду поджигают замки, разрушают монастыри, грабят фермы. Налоги, повинности, платимые помещикам, — все уничтожено. Законы бессильны, власть судей не существует...»

Дальнейшие события развивались очень быстро, уже в августе Учредительное собрание отменило феодальные повинности, сеньориальные суды, церковную десятину и объявило равенство всех сословий перед законом в уплате налогов и праве занимать любые должности. Была принята «Декларация прав человека и гражданина».

5 октября народ двинулся на Версаль, король, до сих пор не осознававший тяжести ситуации, и вся его семья вынуждены были переехать в Париж, во дворец Тюильри. Но, несмотря на все эти перемены, Людовик XVI все еще оставался королем.

В июне 1791 года король попытался сбежать из страны, но был узнан на

границе в Варение и возвращен в Париж. После этого он фактически оказался под стражей в собственном дворце.

3 сентября 1791 года Национальное собрание приняло конституцию. По ней предлагалось созвать Законодательное собрание — однопалатный парламент на основе довольно высокого имущественного ценза, которое открылось 1 октября 1791 года. Формально в стране была установлена ограниченная монархия. Так продолжалось почти год, вплоть до августа 1792 года, когда около 20 тысяч повстанцев окружили Тюильри. Нападавшим оказали сопротивление несколько тысяч гвардейцев, которые все полегли, защищая своего короля. Захваченный повстанцами Людовик отрекся от престола и вместе с семьей был отправлен в Тампль.

Долгое время революция не казалась чем-то ужасным, и даже среди представителей привилегированных сословий были люди, приветствовавшие изменения в стране. В их числе были и женщины, надеявшиеся наконец получить равные с мужчинами права.

Софи де Кондорсе **(1764–1822)**

В девичестве Мари-Луиза-Софи де Груши, была дочерью Франуса-Жака маркиза де Груши и его супруги-интеллектуалки Мари-Жильбер Генриэтты Фрато. Она была сестрой знаменитого маршала Эмануэля де Груши.

Юная Софи считалась красавицей, она принадлежала к самому модному в то время типу женщины: миниатюрная, изящная, с большими яркими глазами на слегка детском личике. Но внешность была обманчива: даже в двадцать лет Софи была на редкость серьезна и умна; отказав многочисленным красавцам, она вступила в брак с человеком, который был на двадцать лет ее старше, — известным математиком и философом маркизом де Кондорсе. Несмотря на разницу в возрасте, брак этот получился очень счастливым.

Мари Жан Антуан Николя де Карита, маркиз де Кондорсе занимался политикой, экономикой, его работы положили начало целому направлению математических исследований в области социологии, психологии, политики и экономики. Он был демократом по убеждениям, любил Францию и французский народ и поначалу с готовностью перешел на сторону Революции.

Именно Кондорсе основал первую республиканскую газету во Франции

«Республиканец или защитник представительного правительства». Он работал в муниципалитете, затем его выбрали комиссаром национального казначейства, потом он был избран в Национальный конвент, стал его секретарем, а вскоре и президентом. В этой должности он активно занимался организацией общественного образования.

В это время Софи не сидела сложа руки, она организовала кружок, который посещали Томас Джефферсон, ставший третьим президентом США, английский государственный деятель и ученый Чарльз Стэнхоп, британский политик Дэвид Мюррей, экономист Анн-Робер-Жак Тюрго, знаменитый писатель Бомарше, экономист Адам Смит, писательница мадам де Сталь, памфлетистка Олимпия де Гуж... Британская феминистка Мэри Уолсонкрафт, посетившая в начале 1790-х годов Париж, тоже познакомилась с Софи де Кондорсе. Ее взгляды были очень близки к убеждениям Олимпии де Гуж и самой Софи.

Олимпия де Гуж

(1748–1793)

В девичестве Мари Гуз, не была по происхождению аристократкой, она происходила из почтенной буржуазной семьи, жившей на юго-западе Франции. Ее отец был мясником, а мать — дочерью портного. Однако сама Олимпия всю жизнь верила в то, что на самом деле она — плод любви ее матери с маркизом де Помпиньяном, так никогда и не признавшим свою «дочь».

В 1765 году девушку выдали замуж за парижанина Луи Обри, члена городской администрации. Мужа Мария не любила, даже чувствовала к нему отвращение. Она не находила в нем никаких достоинств: он не был ни богат, ни знатен, ни привлекателен, и она так и не сумела объяснить причин, по которым родители решили пожертвовать ее счастьем. Тоскливое замужество продлилось всего пять лет: Луи Обри умер, а Мари вместе с сыном, покинув родной город, отправилась в Париж, чтобы стать там куртизанкой. Тогда же она сменила скучное провинциальное имя Мари Обри на звучный псевдоним — Олимпия де Гуж.

Олимпия была умной, яркой, красивой, привлекательной, и ей удалось войти во многие модные парижские салоны и стать там своей. Олимпия завела массу интересных знакомств, в том числе среди будущих революционеров.

Она знакомилась с состоятельными мужчинами и, поддерживая с ними

любовные отношения, жила за их счет. Замуж она больше не вышла, но, познакомившись с богатым человеком по имени Жак-Бетри де Розьер, поддерживала с ним любовные отношения до конца своей недолгой жизни. Она старалась отвыкнуть от провинциальных манер, тщательно избавлялась от акцента, занималась самообразованием. Она много читала, причем чтение ее было серьезным: она увлеклась идеями Просвещения и мечтала о переменах.

Потом молодая женщина, ранее относившаяся к самой себе лишь как к красивой игрушке для богатых мужчин, поняла, что способна на большее: она начала писать сама. Поначалу это были небольшие эссе, памфлеты, манифесты. Защищая право женщин на развод, на свободную любовь, она требовала отменить притеснения незаконнорожденных детей. В 1784 году она написала пьесу «Замор и Мирза» о судьбе несчастных рабов в Америке. Пьеса была издана и даже поставлена на сцене, однако выдержала всего три представления.

Спустя несколько лет, уже во время Революции, Олимпия написала еще одну пьесу на эту же тему, но эта вещь до нас не дошла: все рукописи были сожжены по приказу Робеспьера.

Революцию Олимпия встретила с восторгом и немедленно окунулась в общественную работу. Она стала членом «Общества друзей Правды», добивавшегося равноправия не только для мужчин всех классов, но и для женщин. Там она и познакомилась с Софи де Кондорсе. Аристократка и бывшая куртизанка, дочка мясника, стали подругами. Именно тогда Олимпия сформулировала свой пророческий афоризм: «Если женщина имеет право взойти на плаху, то у нее должно быть и право подняться на трибуну». Вскоре ею была составлена, в противовес Декларации прав человека и гражданина, Декларация прав женщины и гражданки. Следующим документом стал проект «Социального контракта» — так вслед за Руссо она назвала брак, основанный на равенстве полов.

Декларация прав женщины и гражданки

Мужчины, можете ли вы быть справедливыми? Этот вопрос задает вам женщина. Вы не можете приказать ей молчать. Скажите мне, кто дал вам право унижать мой пол? Ваша сила? Ваши таланты? Взгляните на нашего Мудрого Творца, на величие природы, к гармонии с которой вы стремитесь, и, если сможете, найдите еще хоть один пример такого же деспотизма. Изучите мир животных, наблюдайте стихии, исследуйте растения и, наконец, все возможные органические формы существования и

признайте свое поражение перед лицом тех доказательств, которые я вам предлагаю. Попробуйте, если, конечно, у вас получится, описать еще хоть один случай подчинения одного пола другому. Такое есть только в нашем обществе, потому что вся остальная природа устроена гармонично. Она образец вечного сотрудничества полов.

Только мужчины сделали из естественного разделения принцип.

Нелепый, слепой, псевдонаучный и деградировавший — в эпоху просвещения и мудрости! — до полного невежества мужчина хочет повелевать, поскольку только он наделен умственными способностями.

Он делает вид, что поддерживает Революцию, хочет равноправия и на этом останавливается.

Матери, дочери, сестры (и) гражданки требуют права быть представленными в Национальном собрании. Полагая, что неосведомленность и пренебрежение правами женщин — корень всех проблем нашего общества, мы решили выдвинуть торжественную декларацию естественных, неотъемлемых и священных прав женщин.

«Женщина рождена свободной и равной в правах мужчине. Социальные различия объясняются только соображениями целесообразности», — утверждала первая статья этого документа.

«Брак — могила доверия и любви. Замужняя женщина может бесстыдно рожать незаконных детей своему мужу и оставлять им наследство, которое им не принадлежит. Незамужняя женщина может лишь одно: древние бесчеловечные законы не позволяют ей дать своему ребенку имя и богатство его отца», — справедливо замечала Олимпия в «Постскриптуме», предлагая новую форму «Общественного договора между Мужчиной и Женщиной»: «Мы Имярек и Имярек, по собственному желанию соединяемся до конца наших жизней и до конца наших чувств друг к другу и принимаем следующие условия: мы намерены сделать наше состояние общим, оставляя за собой право разделить его по своему усмотрению между нашими детьми и теми, к кому испытываем особенную привязанность. Мы признаем, что наша собственность принадлежит нашим детям, независимо от того, кто является их настоящим отцом или матерью, и все дети имеют равное право на нашу фамилию. Таким образом, в случае развода мы обязаны разделить наше имущество и определить ту часть, которая по закону достанется нашим детям. В случае идеального союза тот, кто умрет первым, оставит свою долю собственности в пользу детей, а если кто-то умрет бездетным, то супруг или супруга по праву получит долю усопшего, если только покойный не завещал ее в пользу кого-то еще».

Олимпия всеми силами боролась с несправедливостью, и поэтому она

не могла смириться с решением о казни короля Людовика XVI. Она даже требовала дать ей право самой защищать его в суде, но ей было отказано. С одной стороны, в ней говорило милосердие, с другой — сознание того, что живой король, находящийся во власти революционного народа, менее опасен, нежели кто-то из наследников престола, успевших выехать за пределы страны, кто провозгласит себя монархом после гибели Людовика. Она была далеко не единственной, кто протестовал против казни короля, эту позицию разделяли супруги Кондорсе и практически все жирондисты. «Королева Жиронды» — мадам Ролан — тоже была близкой подругой Софи.

Манон Флипон, Мари-Жанна Ролан

Является одной из самых ярких женщин Революции. Она была единственным выжившим ребенком из семерых, рожденных супругой ювелира Флипона. Родители ее души не чаяли в дочери и, будучи людьми состоятельными, могли позволить себе дать ей самое лучшее образование. Училась девочка с удовольствием, много читала, увлекалась общественными науками и древней историей. Любимым ее автором стал Плутарх, из его «Сравнительных жизнеописаний» она узнавала о доблести древних, об их мудрости и политическом искусстве. Порой, не в силах оторваться от чтения, она брала Плутарха даже в церковь, маскируя его под молитвенник; впрочем, иногда это могли быть Монтескье, Вольтер или Руссо.

Молодые люди ее не привлекали, и красивая девушка одному за другим отказывала докучливым женихам. Лишь в двадцать семь лет она наконец согласилась выйти замуж за человека, который был на двадцать лет ее старше. Муж любил Манон страстно, она же, не испытывая к нему чувственного влечения, уважала его ум и знания, понимая, что встретила именно того человека, который не запрет ее в кухне или в детской, а позволит ей быть личностью, участвовать в общественной жизни.

Манон помогала мужу работать над «Новой энциклопедией», составив для нее многие статьи. После переезда в Лион она начала публиковаться в журнале «Французский патриот», занялась благотворительностью, лечила больных крестьян.

После начала Революции Манон с мужем стали ее активными участниками и в ноябре 1790 года переехали в Париж: Жан-Мари был избран депутатом от Лиона. В салоне Манон бывали Бриссо, Петион, Бюзос и Робеспьер, прозванный друзьями Неподкупным, а врагами — Бешеной

Гиеной. Дружба с ним не спасла чету Ролан от репрессий, после того, как усомнившись во взглядах чересчур радикальных якобинцев, они вместе с Бриссо сформировали партию жирондистов, куда вошли сторонники индивидуальной свободы, последователи Руссо. Среди них оказалось много ярких творческих личностей и прекрасных ораторов, но, увы, мало хороших организаторов и деловых людей. В «жиронду» вошли и супруги Кондорсе, и Олимпия де Гуж. Активная, умная, страстная, хорошенькая Манон Ролан стала признанным лидером и даже получила прозвище Королевы Жиронды. Это был ее звездный час, ею восхищались, ей завидовали.

Одну из таких завистниц звали Тереза Кабаррюс.

Тереза Кабаррюс

Была дочерью испанского банкира и министра финансов Франсиско Кабаррюса и воспитывалась во французском монастырском монастыре. Девушка была очень красива, умна и талантлива; в отличие от Манон Ролан, она рано начала интересоваться мужчинами и первый роман завела, едва достигнув пятнадцати лет. Это привело в бешенство ее отца, который поспешил выдать дочь замуж за маркиза де Фонтене. Жених был богат, знатен, но немолод и нехорош собой. Обвенчавшись с ним, юная Тереза была представлена ко двору Людовика XVI, также молодожены посетили испанский двор. В шестнадцать лет в 1789 году она родила первого ребенка — сына. Предполагают, что его отцом был вовсе не маркиз де Фонтене. С ним она развелась при первой же возможности в 1791 году. Перепуганный маркиз эмигрировал, Тереза же стала горячей поклонницей революционных идей. Она мечтала о переменах, о свободе, но вовсе не разделяла якобинского стремления уничтожить все и вся, препятствующее этим великим целям. Тереза стала жирондисткой, и в качестве жирондистки подверглась репрессиям. Но тут ей на помощь пришли ее удивительная красота и обаяние: познакомившись с депутатом Конвента Жаном-Ламбером Тальеном, она сумела соблазнить его и полностью себе подчинить. Тереза любила роскошь и вовсе не была идеалисткой. Под ее влиянием Тальен принялся защищать от репрессий друзей своей подруги, но делал это не всегда безвозмездно.

Анна Теройн де Мерикур

Она же Теруань де Мерикур (1762–1817) — а в действительности Анна

Тервань из деревни Маркур была жирондисткой. Девушка воспитывалась в монастыре, куда отдал ее отец, состоятельный купец из крестьян. Семнадцати лет от роду она исчезла из родительского дома вместе с каким-то соблазвившим ее дворянином, в начале Революции очутилась в Париже и стала известна Дантону, Мирабо, Петиону и другим революционным знаменитостям, охотно посещавшим ее салон: Анна стала куртизанкой. Неизвестно, выступала ли Теруань в театре, но она явно владела сценическим мастерством и была хорошим оратором. Современники считали ее очень искренней, увлекающейся, остроумной, но не очень умной. Она была впечатлительна, добра и часто поддавалась порывам.

Так же как и Олимпия де Гуж, она восторженно приняла Революцию, надеясь на изменение отношения общества к женщине, на некое прекрасное будущее. Она была большой поклонницей античной демократии и старалась даже одеваться на греческий лад: в короткий плащ, панталоны и нечто вроде сандалий — костюм, в котором тогдашние учебники мифологии изображали амазонок. Теруань де Мерикур любила ездить верхом и носила оружие. Когда в Париже пришло известие о роялистской демонстрации в Версале, Теруань произнесла ряд пламенных речей, обличая распутство Марии-Антуанетты, и в октябре 1789 года верхом на лошади мчалась впереди толпы, шедшей на Версаль. Однако уже на следующий день, когда королевскую семью везли в Париж, в ней пробудилось чувство жалости к несчастной испуганной королеве, лишенной своего величия, и она старалась держаться поближе к ней, чтобы охранять ее от оскорблений толпы.

В первые годы Революции Теруань де Мерикур была очень популярна. Она много выступала, произносила речи на площадях и даже была приглашена в клуб якобинцев, с которыми во многом не соглашалась. Она не могла принять их «революционную жестокость» и стремление отправить на гильотину всех, кто так или иначе мешал «великому делу Революции». В конце 1790 года было решено арестовать ее за то, что она 6 октября 1789 г. «играла на руку королевской партии», т. е. защищала королеву от толпы, порывавшейся линчевать государыню.

Друзья вовремя предупредили Теруань, и она успела уехать в Голландию, а оттуда в Люттих. Ознанная эмигрантами как революционерка, «кровожадная гетера, предводительница парижских людоедов», она была арестована и провела несколько месяцев в тюрьме в Куфштейне. Затем ее перевезли в Вену, где с ней лично виделся император, который после беседы велел отпустить Теруань на свободу.

Она смогла вернуться в Париж, где имидж, пострадавший от

деспотической власти, сделал ее еще более популярной и заставил забыть все прежние обвинения. Парижане так любили Теруань, что даже предлагали дать ей право присутствия в Законодательном собрании с совещательным голосом. Но эта идея была отвергнута.

Теруань была добра и не могла одобрить «сентябрьских избиений» и прочих жестокостей. Так однажды, когда она выступала на площади, Теруань узнала роялистского журналиста, который многократно в печати называл ее публичной женщиной. Теруань подошла к нему и дала ему пощечину. Но то, что произошло вслед за этим, привело молодую женщину в ужас: решив постоять за свою любимицу, толпа буквально разорвала несчастного роялиста.

Всю осень, зиму и весну 1792–1793 годов Теруань безуспешно пыталась пробудить в людях милосердие, но этим она лишь повредила своей популярности. В мае 1793 года, когда решался вопрос о судьбе жирондистов, она появилась на площади вблизи Конвента и горячо защищала партию жиронды, не обращая внимания на гневные крики толпы. Окончив свою речь, Теруань ушла в тюльерийский сад. Внезапно в саду появились несколько женщин-якобинок, поклонниц Робеспьера, которые бросились на Теруань и подвергли ее мучительному сечению розгами. От боли и унижения молодая женщина сошла с ума; ее посадили в дом для умалишенных, где она оставалась до самой смерти.

Шарлотта Корде

Революционные идеи, взгляды жирондистов разделяла и другая молодая женщина — правнучка знаменитого драматурга Пьера Корнеля — Шарлотта Корде.

Она тоже воспитывалась в монастыре и очень любила монастырскую библиотеку, где кроме книг духовного содержания хранились и томики Монтескье, Руссо и аббата Рейналя. В соответствии с антиклерикальными декретами 1790 года монастырь был закрыт, и в начале 1791 года Шарлотта вернулась к отцу. Как и Манон Ролан, Шарлотта не интересовалась мужчинами и не собиралась замуж, зато она много читала, но не романы, а газеты и политические брошюры. Революционные идеи увлекали ее, однажды она публично даже высказала неуважение королю, отказавшись на званом обеде выпить за него: «Он слаб, а слабый король не может быть добрым, ибо у него не хватит сил предотвратить несчастья своего народа». Однако, узнав о казни монарха, Шарлотта была страшно потрясена, в письмах она называла эту новость «ужасной»: «Я содрогаюсь

от ужаса и негодования. Будущее, подготовленное настоящими событиями, грозит ужасами, которые только можно себе представить. Совершенно очевидно, что самое большое несчастье уже случилось: люди, обещавшие нам свободу, убили ее, они всего лишь палачи».

Жирондисты — умеренные и осторожные — скоро вошли в конфликт с бурным течением Революции. Разлад начался еще при составлении конституции. Проект жирондистов был отвергнут Конвентом, принятый же проект был составлен поспешно и содержал множество ошибок.

Тогда Кондорсе напечатал послание к народу, где выставил многочисленные недостатки обнародованной конституции и указывал на их вредные последствия, советуя не принимать ее. За обнародование этого послания Кондорсе, обвиненный в заговоре «против единства и нераздельности» Французской республики, был объявлен Конвентом вне закона, но пока еще не арестован, он покинул свой дом и скрывался в доме друзей.

Казнь низложенного монарха состоялась 21 января 1793 года, не поддержавшие этого решения жирондисты перешли в оппозицию. В марте 1793 года начался контрреволюционный мятеж в Вандее, в ответ был создан Комитет общественного спасения, первым председателем которого стал Дантон. 10 апреля Робеспьер произнес в Конвенте обвинительную речь, обвинив жирондистов в предательстве, а Камилл Демулен выпустил против них памфлет.

В это время в Париже начинался голод, цены на продукты взлетели неимоверно, и низы общества требовали установления потолка цен. Жирондисты, среди которых преобладали люди состоятельные, были против этой меры, этим и воспользовались их враги, организовав в городе беспорядки. После нападения на Конвент в последних числах мая — начале июня, многие жирондисты были арестованы. Некоторые бежали из Парижа и организовали в провинциях восстания против Конвента, которые были вскоре подавлены. 10 июня силами Национальной гвардии была установлена якобинская диктатура.

В числе арестованных была и мадам Ролан. Ее мужу удалось бежать. Он любил Манон всей душой, но не подозревал, насколько серьезная опасность ей грозила: ведь она была женщиной и не совершила никакого преступления. В тюрьме Манон старалась не падать духом и писала «Мемуары», в которых рассказывала о своей жизни и убеждениях.

Аресты жирондистов толкнули Шарлотту Корде на поступок, обесмертивший ее имя. Получив пропуск на проезд в Париж, она разыскала квартиру Жана-Поля Марата, проникла туда, заявив, что желает

сообщить ему некие «важные сведения о предателях в Кальвадосе», и убила «друга народа», вонзив ему нож в сердце.

Из протоколов допросов Шарлотты Корде:

«...председатель спросил ее об ее путешествии в Париж и о цели этого путешествия.

— У меня не было другого намерения, — ответила она, — и я приехала только для убийства Марата.

— Какие мотивы могли вас заставить решиться на столь ужасный поступок?

— Его преступления.

— В каких преступлениях упрекаете вы его?

— В разорении Франции и в гражданской войне, которую он зажег по всему государству.

— На чем основываете вы это обвинение?

— Его прошлые преступления являются показателем его преступлений настоящих. Это он устроил сентябрьские убийства; это он поддерживал огонь гражданской войны, чтобы быть назначенным диктатором или кем-нибудь иным, и опять-таки он же покусился на суверенитет народа, заставив 31 мая нынешнего года арестовать и заключить в тюрьму депутатов Конвента».

Девушка подробно описала день, проведенный ею в Париже, то, как она купила нож для убийства, то, как попыталась утром проникнуть к «другу народа», но была остановлена служанками, и как вернулась позже — во второй половине дня.

«— О чем вы разговаривали, войдя к нему?

— Он спросил меня о характере волнений в Кане. Я ответила ему, что восемнадцать депутатов Конвента правят там в согласии с департаментом; что все мобилизуются для освобождения Парижа от анархистов; что четыре члена департамента повели часть армий в Эврё. Он записал фамилии депутатов, находящихся в Кане, и четырех должностных лиц департамента Кальвадос».

На вопрос, зачем нужны были эти записи, Шарлотта ответила:

«— Он сказал, что в скором времени он заставит всех их гильотинировать в Париже.

— Каково было дальнейшее течение разговора?

— Это было его последнее слово. В тот момент я его убила».

Судьи не могли взять в толк, как молодая женщина могла в одиночку решиться на убийство, продумать все детали и тщательно все спланировать. Они то и дело задавали ей вопросы о сообщниках, но

Шарлотта неизменно отвечала, что действовала в одиночку. «Я полагала, что я убиваю не человека, а хищного зверя, пожиравшего всех французов, — пояснила она. — Гораздо легче выполнить подобный план в силу собственной ненависти, чем ненависти других лиц».

Присяжные приговорили Шарлотту к смертной казни. У решетки Консьержери ее ожидала телега. Огромная толпа встретила Шарлотту Корде дикими криками и провожала до эшафота. Скопление народа было так велико, что телега двигалась к месту казни в течение двух часов. И весь этот путь осужденная была совершенно спокойна и по внешности безмятежна.

Шарлотта Корде:

«— Дорогой отец, простите меня за то, что я распорядилась своей жизнью без вашего разрешения. Я отомстила за много невинных жертв, я предупредила много других несчастий: когда народ опомнится, он порадует, что его освободили от тирана... Прощайте, дорогой отец; я прошу вас забыть обо мне или, скорее, порадоваться моей участи; причина ее прекрасна. Я обнимаю сестру, которую я люблю всем своим сердцем, и всех моих родных; не забывайте следующий стих Корнеля: „Не эшафот позорит нас, а преступленье!“»

У эшафота ее ждали «вязальщицы», или «фурии гильотины». Так называли фанатичных женщин, появившихся в годы Французской революции. Их изобразил Чарлз Диккенс в романе «Повесть о двух городах». «Накануне казни они садились перед гильотиной в первых рядах и „деловито перебирали спицами“. Не прерывая вязания, женщины подсчитывали отрезанные головы».

Очевидец, молодой немец Адам Люкс:

«Меня занимала мысль только об ее мужестве, когда на улице Сент-Оноре я заметил приближение ее телеги; но каково же было мое изумление, когда, кроме ожидаемой мною неустрашимости, я заметил это неизменно кроткое выражение лица, в то время как кругом раздавались дикие вопли!.. А этот столь мягкий, столь проникновенный взор! Эти живые, влажные блески, сверкавшие в ее прекрасных глазах, в которых отражалась душа, столь же мягкая, сколь и неустрашимая; чудные глаза, могущие тронуть даже камни! Единственное в своем роде и вечное воспоминание! Взоры ангела, проникшие глубоко в мое сердце, наполнившие его сильнейшим, неведомым мною до тех пор волнением, волнением, сладостность которого равнялась горечи, и это чувство изгладится только при моем последнем издыхании!»

В течение двух часов, начиная с момента отъезда и до прибытия к

эшафоту, она сохраняла ту же твердость духа, ту же непередаваемую кротость: а на своей телеге, без поддержки, без священника-утешителя она подвергалась непрерывной брани со стороны толпы, недостойной звания людей. Ее не менявшие своего выражения глаза, казалось, иногда пробегали по этой толпе в надежде найти там хоть одного человека...»

При виде гильотины она побледнела, но сейчас же овладела собой.

Когда подручный палача обнажил ее плечи, она зарумянилась от стыда, затем положила голову под нож гильотины. Существует легенда, что, когда подручный палача, показывая отрубленную голову народу и желая унижить казненную, ударил ее по щеке, мертвая голова густо покраснела. Именно ко временам Французской революции относится легенда о том, что отрубленные головы могут говорить. Палачи рассказывали, что упавшие в корзину головы грызут ее стенки, так что корзину приходится менять каждую неделю. Что головы произносят имена своих близких, шепчут проклятия...

Клара Лакомб

Среди тех, кто поносил Шарлотту Корде у гильотины, была и Клара Лакомб (Клер Лакомб) — (1765 — после 1798), считающаяся одной из первых феминисток. Она принадлежала к партии «бешеных» — радикальной фракции, куда входили также Жак Ру, Теофиль Леклерк, Варле. «Бешеные» были яркими сторонниками массового революционного террора, требовали издать закон о всеобщем максимуме цен, установить смертную казнь за спекуляцию, удалить бывших привилегированных со всех должностей в военной и гражданской администрации, взять в качестве заложников членов семей эмигрантов и т. д.

До Революции Клара была не слишком известной актрисой, выступала в Марселе и в Лионе. В двадцать восемь лет, что для женщины из народа было уже далеко не молодостью, приехала в Париж и присоединилась к «крайне левым», став любовницей Теофиля Леклерка, который, однако, вскоре ее бросил и женился на другой. Клер создала «Общество революционных гражданок», в которое принимались только женщины. Она была прекрасным организатором, привыкнув выступать на сцене, читала перед толпой воззвания и петиции, используя сценические приемы: завывания, модуляции. Выступала с требованием установления максимума цен, террора против спекулянтов и контрреволюционеров, боролась за равноправие женщин. Она была в числе тех, кто штурмовал Конвент в конце мая — начале июня 1793 года. Олимпия де Гуж, мадам Ролан были в

глазах Клары томными и лицемерными салонными дамочками и нюхавшими настоящей жизни. Осенью она выступила с петицией, в которой требовала, чтобы все дворяне были отстранены от должностей в армии и в правительстве. Это показалось чересчур даже якобинцам. Клер обвинили в разнообразных надуманных правонарушениях, например в том, что она заводила романы с аристократами и укрывала их. Это привело к тому, что торговцы на городском рынке принялись оскорблять женщин из «Общества революционных гражданок», что привело к драке. Виновниками называли товарок Лакомб. Событие послужило поводом для запрета революционным правительством всех женских клубов.

Клер умерила активность, но, несмотря на это, была арестована в апреле 1794 года и провела в тюрьме год. После освобождения она больше не занималась политикой, пыталась вернуться на сцену и пропала без вести году примерно в 1798-м.

Это убийство и процесс Шарлотты Корде дали Робеспьеру основания еще более усилить репрессии и уничтожить всех своих политических конкурентов. Начал он с показательных процессов: 16 октября была обезглавлена Мария-Антуанетта. На несчастную королеву были возведены самые чудовищные обвинения, вплоть до обвинений в инцесте с собственным малолетним сыном. Сфабрикованы они были крайне грубо и не вызвали никакого доверия у собравшейся публики.

Суду пришлось удовольствоваться вердиктом, что королева «предала интересы нации».

Из завещания Марии-Антуанетты: 5 (16) октября (1793) в четыре часа с половиной поутру.

«Пишу к вам, любезнейшая сестра, в последний раз. Я осуждена не на позорную смерть, ибо она существует только для преступников, но на соединение с вашим братом. Будучи невинна, как и он, надеюсь оказать ту же твердость в последние минуты. Я спокойна, ибо совесть ни в чем меня не укоряет. С глубочайшим огорчением оставляю бедных детей моих; вы знаете, что я жила единственно для них. В каком положении оставляю я вас, добрая и нежная сестра! Вы пожертвовали всем, чтоб не расставаться с нами. Я узнала из актов процесса, что дочь моя разлучена с вами. Ах! Бедное дитя! Не смею писать к ней: она не получит моего письма. Не знаю, получите ли вы сие письмо. Примите для обоих детей моих мое благословение! Надеюсь, что некогда, пришед в возраст, они будут соединены с вами и будут в полной мере пользоваться вашими нежными попечениями...

Умираю в религии отцов моих, апостольской римско-католической, в

которой была воспитана и которую всегда исповедовала. Не ожидаю никакого духовного утешения, не знаю, есть ли здесь священники сей религии, и притом им опасно входить в место моего заключения».

Перед смертью Мария-Антуанетта проявила изрядное мужество, несмотря на то что была измучена и очень больна. Она поднялась рано, переделалась с помощью служанки в приготовленное белое платье. Охрана следила за каждым ее шагом, и лишь после настоятельных просьб стражники согласились отвернуться. Палач остриг ей волосы, некогда роскошные, а теперь поредевшие и поседевшие. На казнь королеву везли в грязной телеге, а толпа выкрикивала оскорбления. Когда Марию-Антуанетту подвели к плахе, она случайно наступила на ногу палачу. «Простите меня, мсье, я не нарочно», — вежливо извинилась она.

В декабре этого же года была обезглавлена еще одна женщина, считавшаяся символом «старого режима». Это была Мари Жанна Дюбарри — фаворитка Людовика XV. Некогда бедная девушка была красива и свежа: свою юную прелесть она продавала, занимаясь проституцией и, по легенде, одним из ее клиентов был тот самый палач, что сорок лет спустя отсек ей голову. Ей удалось освоить профессию модистки и привлечь внимание графа Дюбарри, ну а затем — и самого короля, который устроил ее фиктивный брак и приблизил молодую красавицу к себе. Теперь пятидесятитрехлетнюю женщину обвинили в том, что якобы помогала эмигрантам и вступила в сношения с приверженцами жирондистами. В отличие от королевы, умерла она совсем не мужественно, все пытаясь оттянуть роковой миг. Дюбарри то и дело повторяла: «Еще минуточку, господин палач, еще минуточку!» Среди казненных было много невинных жертв. Так, Розали Фийоль — талантливая художница, виновная лишь в том, что изобразила семью графа Артуа, страшно нелюбимого народом, тоже отправилась на гильотину. Сам граф успел эмигрировать из страны.

Вслед за аристократами пришла очередь и самих революционеров. Весной 1794 года сначала Эбер и его последователи, а потом Дантон и Демулен были арестованы, преданы революционному суду и казнены. Среди них была и жена Эбера — бывшая монахиня Мари-Маргарита Франсуа Эбер, оставившая монастырь ради Революции.

Получив эти известия, Кондорсе решил не подвергать друзей опасности и ушел из приютившего его дома. Он отправился в окрестности Парижа, был схвачен и посажен в тюрьму Bourg-la-Reine. Вскоре его нашли мертвым в камере — он отравился, как предполагают, ядом, который всегда носил в перстне. Софи узнала о его смерти лишь несколько месяцев

спустя.

Манон Ролан предстала перед революционным трибуналом, и была казнена. На эшафоте она воскликнула: «Какие преступления совершаются во имя свободы!» Жан-Мари Ролан, узнав о ее гибели, пришел в отчаяние. Он винил себя в том, что недооценил грозившую ей опасность, пытаясь спасти свою жизнь. «После того как моя любимая жена была убита, я не могу больше оставаться в этом мире, населенном врагами», — написал он на листе бумаги. Прикрепив этот листок к груди, он прислонился к дереву и нанес себе удар ножом в сердце.

Была арестована и Олимпия. После казни короля она много писала, пытаясь переломить ситуацию. Памфлет «Три урны, или Спасение Отчизны» стал для нее роковым. Под «урнами» Олимпия имела в виду урны для голосования. Она предлагала провести плебисцит для выбора одной из трех возможных форм правления: неделимой республики, федеративного государства или конституционной монархии.

Три месяца она провела в тюремной камере, пытаясь защитить себя. С помощью друзей ей удалось опубликовать две работы: «Олимпия де Гуж перед революционным трибуналом», в которой она описала пародию суда, и «Преследования патриотов», осуждавшую революционный террор. Однако де Гуж была приговорена к смерти и казнена на следующий день. Сын Олимпии, который уже вырос и обзавелся семьей, покинул Францию и перебрался в Латинскую Америку.

Анна-Мария Тюссо

Тела казненных сбрасывались во рвы на кладбище Мадлен, туда же высыпали из корзин окровавленные головы, даже не всегда заботясь о том, чтобы присыпать останки землей. А ночами по кладбищу бродила одинокая молодая женщина и собирала отрубленные головы. Нет, она не была сумасшедшей или извращенкой! Это будущая знаменитость — Анна-Мария Тюссо, мадам Тюссо — закладывала основу своего музея. Головы казненных она складывала в корзину и несла домой, где снимала с мертвых лиц гипсовые маски, чтобы таким образом сохранить для потомков облик этих людей. Профессию она унаследовала от дяди Курциуса, создававшего миниатюрные портреты из воска и эмали. Благодаря ей нам точно известен внешний облик Людовика XVI, Марии-Антуанетты и их ближайших родственников. После смерти дяди она унаследовала семейное дело и вскоре в 1795 году вышла замуж за Франсуа Тюссо. После заключения Амьенского мира в 1802 году она отправилась в Англию и больше во

Францию не возвращалась.

Культ «Высшего существа» и Культ Разума

Упразднив христианские службы и закрыв монастыри, революционеры ввели новую религию — «Культ Разума». Собор Парижской Богоматери был переименован в «Храм Разума» и 10 ноября 1793 года там состоялось грандиозное представление: поклонение Богине Разума, роль которой исполняла актриса оперы. В 1924 году писатель Иван Бунин, заинтересовавшись судьбой бывшего божества, едва отыскал заброшенную могилу этой женщины.

Иван Бунин:

«Перед моими глазами было старое и довольно невзрачное дерево. А под деревом — квадрат ржавой решетки.

А в квадрате — камень на совсем плоской и даже слегка осевшей земле, а на камне — две самые простые каменные колонки в аршин высоты, покосившиеся, изъеденные временем, дождем и лишаями. Когда-то их „украшали“ урны. Теперь колонки лишены даже этих украшений: одна урна совсем куда-то исчезла, другая валяется на земле. И на одной колонке надпись: „Памяти Фанни“, на другой — „Памяти Терезы Анжелики Обри“».

Тереза Анжелика Обри

(1772–1829)

Актрису, исполнившую роль Богини Разума, звали Тереза Анжелика Обри. Происходила она из простой и бедной семьи, но судьба одарила ее красотой, грацией и музыкальными способностями, открывшими ей путь на сцену.

Театральные обозреватели писали о ней:

«Одаренная всеми внешними дарами, какие только может дать природа женщине, она есть живая модель того античного совершенства, которое являют нам памятники искусства; при взгляде на ее стан и очерк ее головы тотчас является мысль о грозной эгиде и шлеме Афины-Паллады, и она особенно на месте в тех ролях, где черты лица, жесты, осанка, поступь должны воссоздать богинь».

Иван Бунин:

«Всю ночь накануне лил как из ведра ледяной дождь. Утром он перестал, но грязь была непролазная, и дул свирепый ветер. Тем не менее с

раннего утра загрохотали пушки, загремели барабаны, Париж стал высыпать на улицу...

И было великое безобразие, а для Обри и великое мучение, даже телесное. С раннего утра она вместе с прочими „Обожателями Свободы“, то есть с кордебалетом и хором, была уже в холодном соборе, репетировала. Потом стали собираться „патриоты“, прискакал озабоченный Шомет — и началось торжество. Потом — и все под стук пушек, пение, барабаны и шум толпы — четыре босяка, ухмыляясь, подняли на свои дюжие плечи Обри вместе с ее тронem и понесли, в сопровождении хора и кордебалета, пробиваясь сквозь толпу, сперва на площадь, „к народу“, а затем в Конвент. И опять — давка, говор, крики, смех, остроты, а ноги чавкают по грязи, попадают в лужи, ветер рвет голубую мантию и красную шапочку посиневшей Богини, кордебалет тоже стучит зубами в своих вздувающихся от ветра белых рубашечках, забрызганных грязью, а сзади высоко качаются над толпой шесты, на которых надеты, для вящей потехи, золотое облачение и митра парижского архиепископа. А в Конвенте — торжественный прием Богини всем „высоким собранием“ во главе с президентом, который ее приветствует „как новое божество человечества“, „заключает от имени всего французского народа в объятия“, возводит на трибуну и сажает рядом с собою... Тут бы, казалось, и конец. Но нет! Из Конвента Обри понесли, совершенно так же, как и принесли, назад, в собор!»

Обри пережила Революцию, она блистала на сцене и во времена Директории, и даже империи. Конец пришел неожиданно: во время представления, на котором присутствовала сама императрица Жозефина, в тот момент, когда Минерву-Обри медленно спускали с облаков на землю, изукрашенный помост, служивший ей сиденьем, внезапно обрушился. Актриса получила множество травм и сломала обе ноги. Играть на сцене она больше не могла. Всеми забытая, она прожила еще довольно долго, заботясь о своей болезненной дочери Фанни, которая пережила свою мать всего лишь на полтора месяца.

Тереза Тальен. Переворот 9 термидора

Во время репрессий была арестована и красавица Тереза Кабаррюс, ныне Тальен. Она попала сначала в Ла Форс, затем в Карм, где познакомилась с Жозефиной Богарне. Находясь в тюрьме и ожидая со дня на день приговора и казни, Тереза отправила своему любовнику Тальену знаменитую записку, повлиявшую на историю Франции: «Я умираю

оттого, что принадлежу трусу».

27 июля (9 термидора) заседание Конвента началось с доклада Сен-Жюста, но председательствующий прервал его и предоставил слово Бийо-Варенну, который обвинил Робеспьера в стремлении захватить единоличную власть и унижить Конвент; вторым выступил Тальен. Их речи были с энтузиазмом встречены депутатами; Робеспьеру выступить не дали, его попытки прорваться к трибуне были встречены криками: «Долой тирана!» Депутаты потребовали его ареста.

Это и было сделано, несмотря на то что у Робеспьера оставалось еще много сторонников.

Во время ареста Робеспьер был ранен в лицо, или ему намеренно раздробили челюсть ударом приклада, чтобы лишить возможности говорить и агитировать. Кроме него были арестованы еще 22 человека. Суда над ними не было: на следующий вечер Робеспьера и его сторонников гильотинировали на Гревской площади под крики толпы: «Смерть тирану!» Потом последовали новые казни...

Режим якобинской диктатуры пал. Тереза вышла на свободу, вскоре после этого Тальен помог освободиться Жозефине Богарне. Благодаря своему влиянию женщины смогли освободить еще многих других заключенных. Известна легенда о посещении в дальнейшем обеими подругами салона знаменитой гадалки Марии Ленорман. Первой она предсказала титул княгини, а второй — скорое замужество, благодаря которому она достигнет самого высокого положения и станет императрицей.

Во время якобинской диктатуры Софи де Кондорсе очень бедствовала. Забросив общественную деятельность и переводы, она вынуждена была открыть лавку, чтобы не умереть с голода. После термидорианского переворота Софи опубликовала свои переводы Адама Смита с обширными комментариями. Она пережила период Директории, империю Наполеона Бонапарта и дожила до реставрации власти Бурбонов. Более она не выходила замуж, уважая память погибшего мужа, хотя поддерживала близкие отношения с историком Клодом-Шарлем Фареллом. Ее дочь Элиза вышла замуж за ирландского революционера, ее потомки живы до сих пор.

Глава 7

«Прекрасная» эпоха и ее «звезды»

Мата Хари

Последнее десятилетие XIX и начало XX веков принято называть «прекрасной эпохой», представлять неким благостным золотым веком, когда мужчины были сплошь галантны, умны и мужественны, а женщины — прекрасны и элегантны. Роскошные, чувственные и утонченные дамы полусвета блистали в парижских салонах и разбивали сердца королей. Именно они, а не добродетельные матери семейств стали символом той эпохи. Вошли в историю «Мулен Руж», «Олимпия», «Амбассадор» — знаменитые мюзик-холлы Парижа, где выступали звезды: Иветт Гильбер, Жанна Авриль, Эжени Бюффо, Тереза...

Бледные, худые, даже костлявые, нервные, длинноногие и с неправильными чертами, они становились моделями Тулуз-Лотрека и Дега, создавая новый тип женской привлекательности.

Но не только красотой была богата та эпоха: открытия, которым было суждено изменить историю, сыпались как из ведра. Эжен Дюбуа обнаружил на острове Ява остатки скелета древнего человека — питекантропа, подтвердив теорию Дарвина; Зигмунд Фрейд опубликовал работы, посвященные психоанализу; Маркони запатентовал радио и наладил его промышленный пуск; Феликс Хофманн открыл аспирин. Фредерик Кук покорила самую высокую вершину Северной Америки Мак Кинли; Руал Амундсен достиг Южного полюса; отправившийся вслед за ним Роберт Скотт не вернулся. Братья Райт совершили свой первый пилотируемый полет, а несколько лет спустя француженка Элиз-Раймонда де Ларош стала первой в истории женщиной-пилотом, обладающей лицензией на управление аэропланом.

Событием мирового значения стала Всемирная выставка в Париже, продолжавшаяся с весны по осень 1900 года. Ее посетили свыше 50 миллионов человек — мировой рекорд того времени! Частью выставки стали Вторые Олимпийские игры — первые игры с участием женщин.

Только что изобретенный и сразу ставший популярным синематограф забавлял зрителей историями про неуловимых преступников Фантомаса и Зигомара, шпионку Протею, зловещую банду «Вампиров»... Сюжеты этих фильмов больше отвечали духу времени, нежели слезливые мелодрамы.

Криминальная хроника была не менее волнующей. Умы занимало самоубийство кронпринца Австро-Венгрии Рудольфа: в начале 1889 года он застрелился сам и убил свою тайную супругу Марию Вечеру. Незадолго до этого молодая женщина разрешилась от бремени мертвым ребенком: и она сама, и принц были морфинистами.

Не сходило с газетных полос дело офицера еврейского происхождения Дрейфуса, обвиненного в шпионаже. Оно тянулось целых двенадцать лет: с 1894 по 1906 год, и все общество разделилось на тех, кто верил, и тех, кто не верил в его невиновность.

Бичом Европы стали анархисты, практиковавшие метод индивидуального террора: почти не проходило года, чтобы от их рук не пал кто-то из политических деятелей и не свершилось казни над его убийцей.

В июле 1892 года был казнен анархист и террорист Равашоль, у многих вызвавший сочувствие. Этот человек, как и многие дети его класса, начал работать в восемь лет и содержал всю семью: мать, сестру и брата. Видя вокруг одни страдания, он принялся мстить обществу, взрывая и грабя дома богатых людей, а похищенные деньги передавал бедным семьям и детским приютам. По дороге на эшафот Равашоль распевал: «Хочешь счастливым быть — вешай своих господ. И попов кромсай на кусочки».

В следующем году анархист Огюст Вайан бросил бомбу во французскую палату представителей, чтобы отомстить за Равашоля. Его тоже схватили и отправили на гильотину.

Летом 1894 года на выставке в Лионе анархист Казерио смертельно ранил президента Франции. В 1895 году японскими агентами в Сеуле была убита корейская королева Мин; в 1897-м от руки анархиста погиб премьер-министр Испании; в 1900-м был ранен в голову император Вильгельм II, спустя несколько месяцев был убит король Италии Умберто I...

10 сентября 1898 года анархист Луиджи Луккени ударил заточкой в сердце австрийскую императрицу Елизавету — обожаемую народом Сисси. Она любила гулять по городу без всякой охраны, в сопровождении лишь своих фрейлин. Елизавета хоть и упала от сильного удара, боли не почувствовала, решив, что грабитель просто ударил ее кулаком в грудь. Поднявшись, императрица прошла еще несколько метров и лишь потом потеряла сознание.

Подвергавшиеся столь страшным опасностям монархи находили утешение в объятиях куртизанок. Любимой моделью художников и скульпторов была Клео де Мерод — балерина. Ах, какую скандальную выходку она себе позволила: позировала обнаженной пожилому

скульптору Александру Фальгьеру, создавшему свой последний шедевр — мраморную «Танцовщицу».

Эта женщина долгое время была любовницей бельгийского короля Леопольда, потом он сменил ее на другую куртизанку — Бланш Каролину Делакура. Обеих женщин король буквально осыпал дорогими подарками, и никого не волновало, где он берет на них деньги. Правда шокирует: королю принадлежали каучуковые плантации в Конго, и местное население должно было рабски батрачить на этих плантациях. Тем, кто не выполнял план, отрубали кисти рук, причем снисхождения не делали даже маленьким детям. Но кого это волновало в Европе? Газеты предпочитали писать о роскошных туалетах дам полусвета, а не о страданиях народа в далекой Африке.

Славилась своей тонкой, затянутой в корсет талией Каролина Отеро: она была любовницей многих европейских королей, князей и промышленных магнатов, нажила огромное состояние и все его проиграла в рулетку в Монте-Карло. Снизойдя к ее бедственному положению, игорный дом даже назначил пенсию увядающей красавице, на которую она доживала свои дни в Ницце.

Разорилась, уйдя со сцены, и конкурентка Отеро красавица Эмильена д'Алансон — актриса и поэтесса: в 1931 году она была вынуждена продать с молотка все свои драгоценности.

Соперничавшая с ними Лиана де Пужи вышла замуж за румынского князя, но в конце жизни вступила послушницей в доминиканский орден и ухаживала за умственно отсталыми детьми.

Первая мировая всколыхнула этот мир, но не разрушила его. Казнь экзотической танцовщицы Мата Хари, обвиненной в шпионаже, выдержала лишь один цветок из пышного букета знаменитых куртизанок.

Голландка Маргарет Зелле, вошедшая в историю под именем Мата Хари, родилась в августе 1876 года в состоятельной семье. Но, когда девочке было всего 13 лет, ее отец обанкротился, и дальше ей пришлось самой пробивать себе дорогу в жизни. Интересуясь Востоком, она вышла замуж по брачному объявлению за офицера Рудольфа Мак-Леода, который был ее на 20 лет старше, и уехала к нему в Индонезию. Брак этот не был счастливым: муж оказался жестоким и ревнивым, притом что сам постоянно изменял жене, часто бил ее и вдобавок ко всему заразил супругу сифилисом. Вероятно, именно от этой болезни умерли оба их ребенка.

В 1903 году Маргарет развелась с мужем и уехала в Париж искать счастья. Побывав проституткой, натурщицей, циркачкой, она попробовала

себя в качестве танцовщицы, придумав себе новую биографию и новое имя: «Мата Хари» — «Звезда Утра». Дебют состоялся в январе 1905 года на одном из частных благотворительных вечеров. Мата Хари предстала перед публикой в весьма откровенном костюме, напомилавшем одеяние восточной баядеры, как его представляли себе европейцы: многочисленные ленты, шали, покрывала, бусы, браслеты... По ходу танца Мата Хари скидывала эти украшения одно за другим, порой оставаясь к концу представления почти полностью обнаженной — но только почти: грудь прекрасной танцовщицы уродовали страшные шрамы, оставленные ножом тирана-мужа, и многочисленные ожерелья были призваны их скрывать.

Мата Хари рассказывала зрителям небылицы о своем происхождении, выдавая себя за дочь индийской княжны и одного из европейских монархов, воспитанную при храме Шивы. Она утверждала, что ее танцы — это часть священных обрядов, исполняемых в древних храмах.

Публика охотно верила всем этим фантазиям. До сих пор идут споры о том, на самом ли деле Мата Хари танцевала хорошо или же публику привлекало лишь ее обнаженное тело? О ней восторженно писали газеты, ею восхищались Массне и Пуччини, но вместе с тем находились критики, считавшие ее неуклюжей и безвкусной.

Точно таким же спорным остается вопрос, а была ли Мата Хари на самом деле германской шпионкой или же обвинения были сфабрикованы? Суд над ней, длившийся всего лишь два дня, проходил при закрытых дверях, и материалы его не разглашались. «Утренней Звезде» инкриминировалась передача противнику сведений, приведших к гибели нескольких дивизий. Ее признали виновной и приговорили к смертной казни, прошение о помиловании было отклонено.

Мата Хари сумела умереть мужественно, вызвав восхищение даже у видавших виды военных. Она попросила не завязывать ей глаза и спокойно стояла у расстрельного столба. Улыбнувшись солдатам, она послала им воздушный поцелуй, крикнув: «Я готова!» Грянул залп. Рассказывали, в прекрасную «шпионку» попала лишь одна пуля — но зато прямо в сердце. Впрочем, скорее всего, это выдумка.

Тело Мата Хари, невостребованное родственниками, отправили в анатомический музей; там голову отделили от туловища и поместили в формалин — спустя пятьдесят лет этот жуткий экспонат был похищен.

Самая тонкая талия — Полер

Актриса и певица Эмили-Мари Бушо выступала под псевдонимом

Полер. Эта актриса славилась на весь Париж своей изумительно тонкой талией — не более 13 дюймов (примерно 34 см). Она часто рекламировала корсеты, и эти ее фото с предельно утянутой талией, восхищавшие современников, сейчас скорее пугают.

Полер родилась в 1874 году в Алжире, где отбывал ссылку ее дед. С раннего детства она пела в алжирских кафе, а в 16 лет приехала в Париж, где стала выступать в мюзик-холлах. Тугие корсеты не повредили ее здоровью: Полер выступала как драматическая и опереточная актриса, танцевала, пела, снималась в кино, позировала Тулуз-Лотреку и Антонио де ла Гайдара. Умерла она в возрасте 65 лет. Незадолго до смерти в одном из интервью Полер выразила сожаление, что, несмотря на обилие ролей, ей так и не довелось сыграть роль «хорошей женщины».

Жан Лоррен написал о ней: «Полер! Возбуждающая и возбужденная Полер! Не обычная женщина, каких вы знаете много, а хрупкий росток с талией, стянутой до невыносимой боли, которую едва можно вытерпеть без стога. Кажется, что это изумительно стройное тело, зажатое в тесный до судорог корсет, готово вот-вот переломиться.

Под ореолом замысловатой шляпки, украшенной султаном из разноцветных листьев, — большой чувственный рот; огромные черные глаза, обрамленные темными кругами, умеряющими накал ее зрачков. Этот зловещий лик Саломеи, заставляющий вспомнить о фосфоре, сере и красном перце, обрамляют жесткие непокорные иссиня-черные волосы. Возбуждающая и возбужденная Полер!

Дьявольская мимика, быстрая речь и изумительный танец! Желтая юбка высоко вздымается, обнажая ноги в слишком коротких чулках, Полер подпрыгивает, вспархивает, извивается, выгибается дугой, в танце участвуют ее бедра, спина, живот, все выпуклости ее тела. Гибкая, словно ивовый прут, она кружится, свивается в спираль, крутится как юла, дрожит как осинка на ветру, полностью отдаваясь музыке и словам песни! И лишь когда танцовщица замирает, публика, до того сидевшая в оцепенении, взрывается аплодисментами».

Мюзидора

(1889–1957)

Выражение «женщина вамп» знают все. А многие ли задумывались над его происхождением? Почему вдруг роковую красотку стали сравнивать с вампиром? Случилось это в 1915 году, когда на экраны вышел фильм-

сериал Луи Фейада, который так и назывался «Вампиры». Речь в нем шла о банде воров и убийц, которые на самом деле кровь не пили, а лишь использовали символику вампиризма. О том, какие мрачные подвиги они совершали, можно понять из названий серий: «Красная криптограмма», «Призрак», «Исчезновение мертвеца», «Сатана», «Составитель ядов», «Владыка грома», «Прерванный праздник», «Кровавая свадьба» и т. д.

Главную злодейку — прекрасную, обольстительную, умную, сильную и ловкую — звали Ирма Веп. Это была анаграмма слова «вампир». Она выдавала себя то за светскую львицу, то за певицу варьете, то за простую телефонистку или горничную.

Отправляясь «на дело», Ирма Веп любила надевать черное обтягивающее трико.

Надо указать, что Мюзидора была не первой актрисой, облачившейся в столь откровенный наряд. До нее на французских экранах блистала Жозетта Андрио (1886–1942). Эта дама не была писаной красавицей и до киносъемок никогда не выступала на сцене, зато она занималась верховой ездой, плаванием, велосипедным спортом и акробатикой. Один из кинорежиссеров, специализировавшийся на криминальных боевиках, оценил ее спортивную подготовку и предложил сняться в нескольких приключенческих фильмах. И завертелось! Героиня Андрио — шпионка-патриотка Протея выслеживала вражеских агентов, воровала секретные документы, спасалась от погони, выделяла акробатические трюки, демонстрировала приемы джиу-джитсу... Словом, была настоящей «роковой женщиной» — героиней нового, XX века. Именно в фильмах о Протее впервые появилось знаменитое эффектное черное трико, впоследствии ставшее «униформой» многих киношных злодеев и их антагонистов. Оно было сшито из плотной хлопчатобумажной материи и обрисовывало спортивную фигуру Жозетты, целомудренно скрывая подробности.

В отличие от наряда Протеи, трико злодейки Ирмы Веп было шелковым и очень тонким, хоть и непрозрачным. Оно сидело на актрисе, словно вторая кожа. Да и внешне Мюзидора была совсем иной: бледная худенькая стройная брюнетка с огромными черными глазами — она принадлежала к самому модному в то время типу женщины.

Настоящее имя роковой красавицы было Жанна Рок, а псевдоним, в переводе с греческого означающий «Подарок муз», она позаимствовала из одного старинного романа.

Как и многие актрисы того времени, Мюзидора сначала получила известность на сцене, выступая в престижных театрах «Монпарнас» и

«Фоли-Бержер». В кино она впервые снялась совсем не в роли роковой аристократки: в ленте «Тяжкий крест» она изображала молодую заводскую работницу. Конечно, это была не совсем ее роль. Но «Тяжкий крест» посмотрел знаменитый режиссер Луи Фейяд и немедленно предложил актрисе сняться в «Вампирах».

Фильм произвел сенсацию, им восторгались Луи Арагон и Андре Бретон, Мюзидора в одночасье стала звездой. Зрители восхищались не только ее красотой и актерской игрой, но и тем, что она сама исполняла все многочисленные трюки в фильме.

«Это была гениальная картина. Это почище „Фантомаса“ было. И гораздо лучше сделано. Гораздо лучше по всему: по построению, по игре актеров», — писал о фильме молодой Леонид Трауберг.

Но — увы — Фейяд оказался жертвой собственного таланта: зло в его фильме получилось слишком привлекательным — во многом благодаря Мюзидоре. «Вампиров» обвинили в том, что они увеличивают число реальных преступлений, и администрация банка-спонсора прекратила финансирование.

Мистангетт

Известный советский конференсье А. Г. Алексеев, вспоминая 20-е годы, писал, что «певицы делились тогда у французов на три жанра: *cantatrice* — это певица как таковая, *diseuse á voix* — не певица, а исполнительница, но с голосом, и просто *diseuse* — это исполнительница, у которой голоса для пения нет, но есть большая выразительность. Была еще разновидность — *chanteuse* — у этих не было ничего, кроме манерничанья, фривольности, пикантности, эротичности; этих у нас в России называли просто шансонетками».

Трудно сказать, к какой категории относилась Мистангетт — но была она настоящей звездой. При крещении ей дали имя Жанна-Флорентина, по фамилии Буржуа, и родилась она в 1875 году в семье разнорабочего и портнихи, живших в небольшом городке под Парижем.

В десятилетнем возрасте Жанна-Флорентина впервые выступила на сцене кафешантана. Так назывались рестораны или кафе со сценой для выступлений. Обычно эти заведения были самой низкой пробы, исполнялись там фривольные (порой и просто вульгарные) песни, а певицы зачастую не умели петь. Некоторые этому постепенно учились, а другие предпочитали привлекать публику ужимками и кривляньем.

Тощая, немного нескладная, с выразительной дерганой пластикой,

которую иные критики называли «эпилептической», Мистангетт была совершенно во вкусе времени. Она являла редкостную выразительность в пантомиме, умела смешить, и в начале 90-х к ней пришел настоящий успех. Произошло это после выступления в театре «Трианон» и в популярном кабаре «Эльдорадо». Следующей ступенью стало «Казино де Пари», затем — знаменитые «Фоли-Бержер» и «Мулен Руж».

Ее величали королевой мюзик-холла. Ноги Мистангетт считались самыми длинными и стройными в Париже. В 1919 году она застраховала их на сумму в полмиллиона франков, а спустя несколько лет повысила ее до трех миллионов. Банковский эксперт, в чьи обязанности входило осмотреть «предмет страхования», на вопросы журналистов ответил, что нашел ноги Мистангетт «в отличной сохранности». А ведь ей уже было за пятьдесят!

Именно Мистангетт придумала «корону» из множества страусиных перьев, ставшую теперь привычной для танцовщиц варьете. Этот убор тоже был застрахован на крупную сумму. Его привозили из банка, где он хранился в отдельной ячейке и специальный человек следил, чтобы с ним чего-нибудь не случилось.

Однажды репортер «Таймс» спросил актрису, в чем секрет ее популярности. «Это магнетизм, — улыбаясь, ответила актриса. — Я говорю публике: ближе, идите ближе... вот они и тянутся ко мне».

Ее умение непринужденно общаться с публикой и остроумно шутить позволяло Мистангетт выступать не только как певице, но и как конферансье. Ну и штучки она порой выкидывала! Однажды устроила конкурс среди зрительниц на самую элегантную шляпку и принялась обсуждать головные уборы сидящих в зале дам. Одни чувствовали себя польщенными, другие смущались, кто-то негодовал, зато остальная публика покатывалась со смеху!

Мистангетт любила шокировать публику. Она ставила номера с большим количеством девушек, исполняющих канкан. «Прошли те времена, когда считалось непристойным показывать подвязки чулок», — пелось в одной из ее песенок. «Бомбой» стал ее номер «Танец апаша», в котором партнер, изображавший уличного хулигана, грубо швырял партнершу и таскал ее по сцене, намекая на садомазо.

Достигшей громкой славы Мистангетт одного театра показалось мало, и она попробовала свои силы в кино, снявшись в немом фильме «След, или Красная рука». Оказалось, что даже лишенная голоса любимая актриса нравится публике. Она продолжила кинокарьеру и снялась более чем в 50 фильмах, в том числе в голливудской версии романа Виктора Гюго

«Отверженные» (1912).

Пожалуй, единственной ее неудачей было турне в США, которое певица предприняла уже в возрасте 75 лет. Свидетелем ее не слишком триумфального возвращения на родину стал Александр Вертинский: «Сенсационным событием было возвращение знаменитой парижской „ведетты“ Мистангетт, ездившей на гастроли в Америку. Уехав туда на три года, она вернулась через три месяца. По-видимому, ее там „не поняли“. Кстати, в это время ей шел 75-й год, что, впрочем, не мешало ей блистать на сцене. В Париже женщина не имеет возраста и до сорока лет вообще считается „подростком“. Молодых женщин парижане не любят.

Парижане — прирожденные конферансье. Стоя на углу бульвара Распай, я однажды слышал следующий разговор двух уличных продавцов, из которых один продавал подтяжки, а другой — пятновыводчик. Каждый из них расхваливал свой товар, ловко пересыпая свою речь злободневными остротами на политические и иные темы.

— Ты слышал, Жан, — кричал один из них другому, — американцы с нас требуют военные долги? А? Что ты на это скажешь?

— Хороши союзнички! — не переставая освежать пятновыводчиком чью-то грязную фуражку, отвечал Жан. — Чего они от нас хотят, в конце концов, эти янки? Мы же им послали Мистангетт! — возмущался он.

— Да, но ведь они ее нам вернули! — добросовестно пояснял первый.

— Ну и что же из этого? Мы ведь их об этом не просили, — спокойно парировал Жан».

В 1951 году Мистангетт покинула сцену, написав три года спустя книгу мемуаров «Вся моя жизнь» («Toute ta vie»).

Мистангетт умерла 5 января 1956 года в возрасте 80 лет, но до последнего дня сохраняла свою удивительную привлекательность и обаяние.

«Ее манера двигаться была верхом изящества. Но было в ней больше, чем просто очарование, — она была Парижем, символом и веселья, и хорошего настроения, и храбрости, и сердца», — сказал о Мистангетт Морис Шевалье.

Суфражистки

Но жили в то время и другие женщины, не столь изысканные и утонченные, но умные и сильные. Их называли суфражистками или феминистками. К сожалению, к настоящему времени смысл этого термина совершенно искажен. Не удосуживаясь заглянуть в словарь,

невежественные люди называют феминистками озлобленных муженаневистниц, хотя изначально это значило совсем другое.

В большинстве европейских стран в XIX веке права женщин были примерно такими же, как у детей: закон не рассматривал женщину как самостоятельную личность, а лишь как принадлежность своего супруга, его одушевленное имущество. Муж нес ответственность за свою жену, и должен был по закону ее защищать, а жена обязана была повиноваться ему во всем. Замужняя женщина не имела права владеть собственностью, вести дела или заключать сделки. Доходило до курьезов: когда воришка стянул кошелек у миссис Миллисент Фосетт, обвинение было сформулировано следующим образом: «Кража у Миллисент Фосетт кошелек с 18 фунтами 6 пенсами, являющегося собственностью Генри Фосетта». Получалось, что леди сама присвоила чужой кошелек.

Женщины не имели права голосовать да и вообще высказывать свое мнение по общественно важным вопросам. Нормы приличия предполагали, что жена всегда и во всем соглашается с мужем — главой семьи.

Иные могут задать вопрос: ну а зачем прекрасным леди это избирательное право? И без него можно жить. И разве не проще переложить все дела на плечи «сильного пола»? Пусть мужчины в поте лица заботятся о благополучии семьи, в то время как женщины посвятят себя домашнему очагу.

Конечно, дело не только в возможности прийти в определенный день на избирательный участок и бросить бюллетень в урну. Не вызывает сомнений, что законы всегда выражают интересы тех, кто их принимает. Ну а коли принимали законы исключительно мужчины, то о правах прекрасной половины человечества они попросту забывали.

Примеры? Их множество!

По закону, все заработанные женой деньги принадлежали ее мужу. Так, некая портниха, всю жизнь содержавшая своего непутевого муженька-алкоголика, после его смерти с ужасом узнала, что ее ателье и все скопленные ею деньги он завещал своим незаконнорожденным детям, оставив ее прозябать в нищете. Ведь по закону и ателье, и капитал принадлежали мужчине!

Другая брошенная мужем женщина принялась зарабатывать стиркой белья. Заработок она хранила в банке. Муж вернулся и снял все деньги с ее счета: это было его законным правом.

Актрису Джулию Гловер также бросил муж, несмотря на то что у них были дети. Сильная талантливая женщина сделала карьеру и через несколько лет блистала на сцене. Муж объявился и через суд потребовал,

чтобы ее гонорары выплачивались ему. Выразив сожаление, судья вынес решение в пользу мужа: его права защищал закон.

Красавица и феминистка Каролина Нортон тоже пострадала от злого тирана-мужа. Он избивал ее, отбирал заработанные деньги, увез их совместных детей к своей родне в деревню и не давал матери видится с ними. Из-за плохого присмотра мальчик поранился, заболел столбняком и умер. Матери даже не сообщили об этом!

Каролина придумала оригинальный и совершенно законный способ мести: она намеренно делала долги, одеваясь у самых дорогих портных и скупая драгоценности. Ведь по закону все ее долги был обязан выплачивать супруг! К нему, а не к ней периодически заявлялись приказчики, требуя оплаты счетов.

Возможно, именно нежелание платить долги своих не в меру расточительных жен привело к тому, что в 1870 и в 1882 годах английский парламент принял Акты, позволившие замужним женщинам распоряжаться своими заработками и некоторой собственностью, включая долги.

Но оставалась еще одна проблема: опека над детьми. Рожденный в браке ребенок фактически принадлежал своему отцу. Исключительно супруг решал, чему обучать детей, да и обучать ли вообще, где им жить, сколько тратить на их содержание. При разводе или раздельном проживании ребенок оставался с отцом или с опекуном, опять же назначенным отцом. Даже в завещании муж имел право назначить своим детям опекуна, не доверяя это супруге: априори считалось, что женщина глупее мужчины и не справится с воспитанием детей.

Усугубляло этот кошмар и то, что в женское образование правовая грамотность не входила, и наивные бедняжки зачастую даже не подозревали, что ждет их в случае конфликта в супругом. Они могли рыдая приводить самые убедительные доказательства жестокости своих мужей или их безнравственного поведения, отсутствия у них отцовских чувств — все было бесполезно.

В случаях домашнего насилия закон обязательно оказывался на стороне супруга: избитой женщине обычно объясняли, что она сама виновата, неправильным поведением провоцируя гнев мужа. Такой «провокацией» в суде мог быть признан ее отказ отдать мужу-алкоголику последние деньги, отложенные на еду. Ведь женщина обязана была быть привлекательной, элегантной, доброжелательной, покорной. Спорить, настаивать на своем считалось недопустимой вольностью.

Женскую слабость, ее зависимость от «сильного пола» подчеркивала и

мода того времени: тугие корсеты, обилие нижних юбок, пышные оборки из мнущихся тканей чрезвычайно затрудняли передвижение. Леди могла передвигаться лишь мелкими семенящими шажками, сидеть, сдвинув колени, а будучи в гостях, есть и пить лишь самую малость и очень аккуратно: не дай боже капнешь на платье. Или произойдет еще больший конфуз: понадобится посетить туалет. А общественных туалетов для женщин долгое время вообще не существовало, хотя мужские появились в начале 1850-х.

Зачем приличной женщине далеко уходить от дома, считали мужчины? Какие у нее могут быть дела? Мысль о том, что леди будет задираТЬ юбку где-то, кроме своей спальни, вызывала шок. Поэтому, выезжая куда-либо, дамы предпочитали не пить целый день и страдать от жажды, нежели оказаться в неловком положении. По причине обезвоживания и затрудненности дыхания из-за корсета они часто падали в обморок, давая мужчинам повод порассуждать о женской слабости.

Такое положение удовлетворяло далеко не всех! Женщины устраивали демонстрации, пикеты, митинги — применяли мирные методы борьбы. «Мы не станем подчиняться законам, в принятии которых мы не участвовали, и власти, которая не представляет наших интересов» — таким был их лозунг.

В 1911 году во время переписи населения в Великобритании суфражистки покинули на одну ночь свои дома, бойкотируя происходящее. Лозунгом мероприятия было: «Если женщины не принимаются в расчет, то и считать их не надо».

Другим популярным лозунгом стали слова Олимпии де Гуж: «Если женщина может взойти на эшафот, то она имеет право взойти и на трибуну!» Ведь законы того времени, лишая женщин правоспособности, в полной мере признавали за ними ответственность за совершенные преступления. А это было по меньшей мере нелогично!

Движение за права женщин распространилось в основном в Англии и США. Символом суфражисток стало определенное сочетание цветов: зеленый-белый-фиолетовый. Выбор не случаен, он произошел от слогана Give Woman Vote (Green + White + Violet — зеленый, белый и фиолетовый). Чтобы четко обозначить свою принадлежность к союзу, суфражистки стали носить платья из белой тонкой ткани с фиолетовой и зеленой отделкой.

Кроме того, многие из них шокировали общество, избавляясь от корсетов. Естественные очертания женской фигуры, не приукрашенные жесткой утяжкой, вызывали негодование журналистов и политиков.

Журналы охотно публиковали карикатуры на феминисток, намеренно подчеркивая физические недостатки этих женщин. В ответ феминистки выпускали свои агитационные рисунки, такие как «Как низко может пасть мужчина и не лишиться избирательного права и как высоко может подняться женщина — и тем не менее этим правом не обладать». Карикатура высмеивала мужские пороки: пьянство, склонность к насилию, непорядочность, — и возвеличивала женские роли в обществе: сиделка, медицинская сестра, учительница, мать.

Эммелин Панкхерст

Эммелин Гульден родилась в городе Манчестер в 1858 году. Родители отправили ее в Париж для учебы в женской педагогической школе, а в 20 лет она вышла замуж за юриста Ричарда Панкхерста. Эммелин повезло: ее муж оказался просвещенным и прогрессивным человеком. Оно вовсе не считал свою жену и женщин вообще низшими существами, а напротив — был известен тем, что поддерживал предоставление женщинам избирательных прав. В браке Эммелин родила ему пятерых детей. Для тех времен это было не так уж много: при отсутствии противозачаточных средств женщины нередко рожали по 10–15, а то и 20 детей. Большая часть этих младенцев умирала. Добавим к этому плохие условия жизни, грязь больших городов, многочисленные инфекции, неправильное питание... Хлеб был дорог, мясо и свежие овощи — тем более, самым дешевым продуктом считался картофель. Цинга и рахит — нехватка витаминов С и Д — были самыми распространенными заболеваниями даже среди среднего класса. Вот так и получалось, что к сорока годам рахитичные горожанки превращались в беззубых старух.

В 1889 году супруги Панкхерст основали Лигу за избирательные права женщин, но просуществовала она недолго. Это была довольно радикальная организация, Панкхерсты продвигали идеи гендерного равенства в брачно-семейных отношениях, в частности в вопросах развода и наследования. Можно сказать, что их идеи были слишком прогрессивны для того времени.

Когда организация распалась, Эммелин попыталась войти в ряды левой Независимой лейбористской партии, но ей отказали в членстве, потому что Эммелин — женщина. Тогда, уже после смерти мужа, сорокапятилетняя Эммелин основала Женский социально-политический союз, девизом которого было «Не словом, а делом». Союз вел борьбу за предоставление женщинам права голоса на выборах. Панкхерст пришла к выводу, что все

обещания парламентариев — пустые слова. Хотя соответствующие законопроекты и рассматривались несколько раз парламентом, все они были провалены. В ответ Панкхерст принялась организовывать довольно агрессивные уличные протесты. Насколько агрессивные? Говоря современным языком, это были мирные демонстрации: дамы стояли с плакатами, скандировали лозунги, проводили собрания, выпускали бюллетени. Но и это шокировало викторианское общество! В ответ мужчины бросали в них глиной, тухлыми яйцами, снежками с камнями внутри, а иногда и просто избивали демонстранток. А потом начались аресты: обеих дочерей Эммелин и ее саму арестовывали много раз, причем каждый раз содержали в отвратительных условиях: в грязных камерах, кишевших паразитами. Но Панкхерст не сдавалась! Напротив, она видела в этих арестах средство привлечь внимание к своей деятельности. В ответ на репрессии женщины тоже перешли к более активным действиям: они били стекла в правительственных зданиях, поджигали дома политических оппонентов, провоцировали столкновения с полицией, а оказавшись в тюрьме, объявляли голодовку. Феминистку леди Констанс Литтон из-за ее титула долгое время не арестовывали, тогда она стала выдавать себя за простую швею и в полной мере испытала жестокость властей, о чем потом много писала и рассказывала. Сама Эммелин Панкхерст претерпела семь арестов. «Мы здесь не потому, что являемся нарушителями закона, и мы здесь для того, чтобы стать его создателями», — заявила она во время судебного процесса.

Суфражисток и феминисток долгое время высмеивали, не слишком популярны они и сейчас. Но именно благодаря этому движению современные женщины имеют равные с мужчинами права. Первыми право голоса получили женщины в Новой Зеландии — английской колонии. Это произошло в 1893 году, затем — женщины Австралии — в 1902 году. За ними последовали Дания, Норвегия, Исландия... Россиянки получили право голосовать после Революции 1917 года; немки и шведки — в 1919 году; жительницы США, Австрии и Венгрии — в 1922-м... А вот англичанки — только в 1928 году, примерно через месяц после смерти Эммелин Панкхерст. На сегодняшний день участие в выборах для женщин запрещено только в Ватикане.

Русская феминистка — Александра Коллонтай

Положение женщин в Российской империи мало отличалось от зарубежных стран: жена должна подчиняться мужу как главе семьи, она

должна любить, уважать и подчиняться ему безоговорочно. Она должна делать все, чтобы доставить ему удовольствие и всегда выказывать преданность ему. До 1914 года женщины не имели отдельных паспортов, сведения о жене вписывались в паспорт мужа. Если жена по каким-то причинам покидала мужа, то ее арестовывали и возвращали супругу любым способом, даже по этапу, как преступницу.

Даже после получения отдельных паспортов мало что изменилось. Закон гласил, что супруги обязаны жить вместе, а посему, во-первых, строго запрещаются любые акты, клонящиеся к самовольному разлучению супругов; во-вторых, при переселении, при поступлении на службу или при иной перемене постоянного жительства мужа жена обязана была следовать за ним. Подчас это правило принимало вопиющие формы: замужняя женщина не имела даже права поехать на отдых с подругами без письменного согласия супруга. Ее могли арестовать и отправить домой с полицией.

При приеме на работу женщины получали заработную плату в два раза ниже, чем мужчины, — при аналогичных обязанностях и продолжительности рабочего времени. Женщины-врачи не пользовались правом производства в чины и награждения орденами. Редкие женщины, служившие в государственных учреждениях, на всю жизнь оставались на самых низших должностях, их не повышали по службе.

Плохо обстояли дела и с женским образованием. Хотя Смольный институт благородных девиц был открыт еще во времена Екатерины Второй, он почти век оставался единственным таким учебным заведением, и к тому же полученное там образование не давало выпускницам профессии. Лишь в 1862 году возникли первые четыре казенные женские гимназии, там учились свыше 1000 учениц. А университетский устав 1863 года вообще запрещал женщинам входить в аудитории (лишь с 1911 года их стали допускать в университеты как вольнослушательниц — т. е. без права получения диплома). Поэтому многие женщины ехали учиться за границу — в Швейцарию, Францию, Италию.

Даже такой просвещенный человек, как министр Сергей Юльевич Витте, считал, что «женщины являются носительницами и вдохновительницами разрушительных идей, как только они вкусят от науки, и потому будут считать себя „развитыми“, а вследствие этого и обязанными быть „передовыми“ и врагами всякой „рутины“ и „отсталости“».

В чем-то он был прав: русские женщины, борясь за свои права, действительно охотно вступали в революционные организации. Одной из

таких эмансипированных дам была Александра Михайловна Коллонтай. Она происходила из старинного дворянского рода и была дочерью генерала.

Александра была очень красива и пользовалась огромным успехом у мужчин: двое поклонников покончили с собой из-за ее холодности, что совсем не огорчило эгоистичную красавицу. Она не желала подчиняться общим правилам и поэтому отказалась от предложенной родителями партии, которой позавидовали бы многие, — брака с императорским адъютантом. В пику всем Шура вышла замуж за бедного офицера Владимира Коллонтай. По любви? Кто знает: не прошло четырех лет, как она бросила и мужа, и ребенка, чтобы посвятить себя революционному движению. В то время по убеждениям она была близка к меньшевизму и искренне восхищалась Плехановым.

В 1905 Александра познакомилась с Лениным и стала часто выполнять его поручения.

После революции 1917 года Коллонтай вошла в состав нового, уже советского правительства в качестве наркома государственного призрения. Она начала с того, что арестовала всех старых сотрудников этого министерства, которые не пускали ее на рабочее место. Затем она позаботилась об инвалидах войны, прибегнув к помощи революционных матросов. Чтобы найти помещения для Дома инвалидов, Коллонтай приказала взять штурмом Александро-Невскую лавру. Ее встретили звоном колоколов, прихожане пытались не пустить матросов — но тщетно. Лавру захватили. На следующий день во всех церквях Александру Коллонтай предали анафеме. Узнав об этом, она расхохоталась и предложила отметить это дружеской попойкой.

Именно Коллонтай внесла проект декрета о гражданском браке, заменявшем брак церковный. Этот декрет устанавливал равенство супругов и равенство внебрачных детей с детьми, рожденными в браке. «Ребенок принадлежит обществу, в котором родился, а не своим родителям», — заявляла она.

Второй ее проект — декрет о разводе, согласно которому брак можно было расторгнуть по первому же — даже немотивированному — заявлению любого супруга. Ох, страшно далека от народа была Александра Михайловна: воспользовавшись новыми возможностями, некоторые крестьяне стали жениться на время полевых работ, чтобы иметь бесплатную рабочую силу, а поздней осенью — разводились, чтобы сэкономить на пропитании супруги.

Один из первых гражданских браков заключила сама Коллонтай — с

матросом Павлом Ефимовичем Дыбенко, который был ее моложе на 17 лет. По крайней мере, так сообщали газеты — хотя на самом деле их сожительство не было оформлено никак.

Они любили друг друга страстно — несколько лет. При этом изменяли друг другу направо и налево. В Кремле даже шутили, что наибольшим наказанием для этой четы стало бы обязательство в течение года соблюдать супружескую верность.

И действительно, в любви Коллонтай отличалась крайней свободой. Свои взгляды она выражала в статьях и повестях. В книге «Любовь пчел трудовых» она объявила любовь, семью, супружескую верность — устаревшими буржуазными предрассудками. Человеческое общество уподоблялось огромному пчелиному улью, в котором размножение происходит стихийно, неуправляемо, по случайному хотению.

Об этом же говорилось и в повестях «Большая любовь», «Василиса Малыгина» и «Любовь трех поколений».

В статье «Отношения между полами и классовая мораль» она писала: «Для рабочего класса большая „текучесть“, меньшая закреплённость общения полов вполне совпадает и даже непосредственно вытекает из основных задач данного класса».

Именно Коллонтай считали основным автором теории «стакана воды». Ленин (хоть и вождь мирового пролетариата, но очень скромный в личной жизни человек) был шокирован: «Вы, конечно, знаете знаменитую теорию Коллонтай о том, что будто бы в коммунистическом обществе удовлетворить половые стремления и любовную потребность так же просто и незначительно, как выпить стакан воды... Наша молодежь от той теории „стакана воды“ взбесилась».

Борис Ефимов вспоминал, что о ней распевали вот такие куплеты:

«Постановила Шура Коллонтай: Пусть рожают также и мужчины. Хочешь не хочешь — лопни, а рожай! Или уважительные предъяви причины!»

В конце концов, супруги Дыбенко — Коллонтай расстались. Инициатором развода стала Александра. Расстроенный Павел Ефимович попробовал застрелиться, но неудачно: по легенде, пуля попала в орден Красного Знамени — и отклонилась от цели. Постепенно революционный матрос оправился от ранения и сердечной травмы и... женился на другой. С ней он прожил несколько лет, но в 1938 году был арестован, подвергнут пыткам и расстрелян.

Деятельность Коллонтай закончилась тем, что за феминистские теории ее творчество подвергли критике как буржуазное и порнографическое. В

моду вошли скромность и аскетизм, Яков Свердлов и Арон Залкинд издали «Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата», а Коллонтай отправили в почетную ссылку — послом в Норвегию. Но и там она не угомонилась. Так, например, в честь очередного юбилея советской власти она устроила грандиозный прием. Шампанское лилось рекой. Икру ели ложками прямо из бочонков. А завершил вечер танец обнаженной девушки с виноградными гроздьями в руках.

«Прием прошел с большим успехом и еще выше поднял авторитет Советского Союза. Посольство царской России никогда не устраивало ничего подобного», — написала Коллонтай в отчете. Но у Сталина ее роскошества не вызвали одобрения. Напротив: ее обвинили в непомерных тратах, в том, что она за пол года одних только платьев купила себе 50 штук. А ее роман с французом вообще привел к тому, что ее отозвали из Норвегии и отправили послом в Мексику. Жаркий климат ей не подходил, и Коллонтай запросилась обратно в Норвегию. Просьбу ее уважили. Она проработала там до 73 лет, потом ее отправили на пенсию. Доживала она свои дни в Ленинграде очень одиноко: ведь сталинские репрессии унесли жизни всех ее друзей и знакомых.

Глава 8

Коллаборационистки

Арлетти

Безусловно, сотрудничество с фашистскими оккупантами омерзительно. С 1943 по 1946 год больше 20 тысяч женщин в одной только Франции были обвинены в сотрудничестве с оккупантами. Многих приговорили к тюремному заключению, некоторых в знак позора наголо остригли.

Среди «коллаборационисток» были и знаменитости. Вчерашние звезды и кумиры, заподозренные в связях с оккупантами, в одночасье стали объектами ненависти. Все ли они были виновны?

Такой псевдоним (Арлетти) взяла себе Леония Батти — дочь начальника трамвайного депо и прачки. Она начала выступать на сцене с восемнадцати лет. Очаровав одного состоятельного банкира, Арлетти стала его содержанкой. Он представил ее парижскому обществу, и Арлетти сумела завязать многие выгодные знакомства, в том числе с Коко Шанель, которая стала ее близкой подругой. Она участвовала во многих спектаклях, работала манекенщицей, позировала художникам, среди которых были Мари Лоренсен, Кис ван Донген, Мойше Кислинг и Жан-Габриэль Домерг. В 1930 году Арлетти впервые снялась в кино. И снова ей сопутствовал успех! Саша Гитри, Жак Превер, Марсель Карне предлагали ей главные роли. Годы казались над ней не властными: снявшись в драме «Северный отель», уже сорокалетняя Арлетти ввела в оборот гламурное словечко «атмосфера», до сих пор популярное в глянцевых журналах. Эта актриса считалась звездой французского кинематографа, ее называли одной из самых красивых женщин, когда-либо появлявшихся на экране, она снималась у лучших режиссеров, в нее влюблялись, ей подражали — а потом вдруг, в одночасье, публика сделала вид, что их вчерашнего кумира никогда не существовало.

Во время оккупации она сыграла свои лучшие роли в фильмах «Мадам Сан-Жен» (1941), «Вечерние посетители» (1942) и «Дети райка» (1945). Вышедшая на экраны уже после освобождения Франции, эта картина имела оглушительный успех! Режиссер Марсель Карне и вся съемочная группа праздновали успех, а исполнительница одной из главных ролей

отбывала срок в тюремной камере, обвиненная в коллаборационизме.

А дело было в том, что у французской кинозвезды был роман с офицером люфтваффе — Гансом Юргеном Зерингом, начавшийся еще в марте 1941 года. Возможно, будь Арлетти не столь известна, ей бы простили эту связь, так как за самим Зерингом никаких военных преступлений не числилось. Но для кинозвезды, для кумира миллионов подобный роман был совершенно недопустим. Арлетти была арестована и предстала перед судом. Но она вовсе не собиралась каяться! «Их просто не надо было сюда пускать», — заявила она суду, намекая на слишком быструю капитуляцию Франции в 1940 году. Второе ее высказывание, попавшее в газеты, было еще более провокационным: «Сердце мое принадлежит Франции, а влагилице — лично мне!»

Так актриса попала в концентрационный лагерь, затем в тюрьму, а потом еще два года пробыла под домашним арестом. В течение трех лет ей было официально запрещено сниматься в кино.

Со своим любовником Арлетти больше не встретились: после войны Зеринг оказался в ФРГ, женился и работал в консульстве ФРГ в Верхней Вольте, где в 1960 году погиб от зубов крокодила.

В конце сороковых годов Арлетти попыталась вновь возобновить свою карьеру, но не слишком удачно: два фильма, в которых ее начал снимать ее близкий друг Марсель Карне, так и остались незаконченными. А в 1957 году звезда попала в аварию и потеряла зрение. Умерла она в 1992 году в возрасте 94 лет.

Почти такая же судьба постигла и Жослин Гаэль — актрису, некогда популярную, а ныне совершенно забытую. Она блистала на экране в 30-е годы, снимаясь вместе с ярчайшими звездами, пользовалась большим успехом в сороковые — а выход своего последнего фильма «Удар головой» в 1944 году встретила в тюрьме.

Дело в том, что за год до этого она бросила своего мужа Жиля Берри ради гестаповца Тони Санье, руки которого были по локоть в крови. Что привлекло ее в этом негодяе? Может быть, роскошная жизнь, которую он ей обеспечил? Кто знает...

После освобождения страны любовники были арестованы. Тони приговорили к расстрелу, а в отношении Жослин ограничили запретом на кино съемки. Этот относительно мягкий приговор был обусловлен ходатайством ее мужа — Жиля Берри, который продолжал любить свою неверную жену. Больше на экран Жослин не вернулась.

Мирей Бален

Актриса, «женщина-вамп», была в предвоенной Франции очень популярна, снявшись в нескольких фильмах с молодым Жаном Габеном. Ее карьера и личная жизнь складывались удачно, пока осенью 1941 года Мирей не влюбилась. Объектом ее страсти — причем вполне взаимной — стал молодой немецкий офицер Бирл Дезбок.

Они были вместе три года; после освобождения Парижа попытались бежать в Италию, но их задержали бойцы французского Сопротивления. Самого Дезбока убили на месте, а Мирей Бален была ими изнасилована, избита и отправлена в тюрьму, где она пробыла несколько месяцев.

В январе 1945 года Мирей Бален освободили, запретив ей сниматься на протяжении года. Ее имущество было разграблено, карьера рухнула. Прежние знакомые ее избегали.

К тому же актриса подхватила сыпной тиф. С тех пор в ее жизни были лишь болезни и алкоголь. Прежде красивое лицо актрисы изуродовала кожная болезнь. В ноябре 1968 года Мирей Вален, сломленная и всеми забытая, умерла в больнице под Парижем от цирроза печени и последствий перенесенного менингита.

Дита Парло

Еще одна актриса, урожденная Грета Герда Корнштедт — карьеру которой сломала Вторая мировая война. Нет, в отличие от Арлетти, Мирей и Жослин, она не состояла в романтических отношениях с немецким оккупантом — Дита сама была немкой. Именно это ей и поставили в вину, отправив в 1945 году в лагерь для интернированных в Дранси.

Наверное, французским ура-патриотам было до слез обидно, что актриса, сыгравшая в двух культовых фильмах, ставших визитными карточками национального кинематографа — совсем даже не француженка, а германская подданная. Это были фильмы «Аталанта» (1934) Жана Виго и «Великая иллюзия» (1937) Жана Ренуара (сына знаменитого художника).

Дита никогда не считалась совершенной красавицей: огромный, слишком высокий лоб, тонкая переносица, запавшие глаза, носик — утицей. Ее лицо было неправильным — но очаровательным. «Открыл» актрису Жан Виго — гениальный юноша, проживший всего 29 лет, не имевший никакого кинематографического образования и успевший снять только три фильма — «Ноль за поведение», «По поводу Ниццы» и

«Аталанта». Все три позднее были объявлены шедеврами и считаются классикой мирового кинематографа.

Звездой Диту Парло сделала его «Аталанта» — нехитрая, но в высшей степени поэтичная история размолвки и примирения двух новобрачных.

Сюжет «Великой иллюзии» Ренуара пересказать сложнее. Назван фильм по книге британского экономиста Норманна Энджела, доказывавшего бесполезность войны. Речь в нем идет о разделении людей: по классам, по нациям. Причем если социальное разделение признается реальным, то национальное — объявляется фикцией. «Иллюзия» — это... патриотизм. Или, чтобы никого не оскорбить, — «ура-патриотизм», «национальная идея».

Дита Парло играла немецкую крестьянку, давшую приют бежавшим из плена французам. С одним из них, Моришалем — его играл Жан Габен, — у нее завязывается роман, хотя женщина не говорит по-французски, а герой Габена — по-немецки.

— Как сказать «голубые глаза»? — спрашивает лейтенант Моришаль, любуюсь красотой героини Парло и ее маленькой дочери.

— «Die blaue Augen», — переводят ему.

Эта фраза повторится в фильме еще несколько раз, сделавшись чем-то вроде объяснения в любви.

Фильм был запрещен в Германии министром нацистской пропаганды Йозефом Геббельсом, который назвал его «кинематографическим врагом № 1» и в дальнейшем приказал уничтожить все копии фильма, попадавшие в руки нацистов. Считалось, что картина погибла, но американские войска нашли единственный сохранившийся негатив в Мюнхене в 1945 году (причем хранили его, как ни странно, сами немцы). Лента была восстановлена.

Габриэль Шанель

Ведущий французский модельер и одна из самых элегантных женщин Парижа тоже была обвинена в коллаборационизме.

Современная мода обязана этой женщине многим: маленькое черное платье, которое можно носить и днем, и вечером, в зависимости от аксессуаров; небольшая стеганая сумочка на длинной цепочке (до этого женщины знали лишь неудобные ридикюли на коротких ручках), духи «Шанель № 5» — все это появилось благодаря таланту Коко.

В 1939 году из-за начала Второй мировой войны Коко закрыла все бутики и дом моды, но из Парижа не уехала.

В июне 1940-го ее племянник был взят в плен немцами. В попытке помочь ему Коко обратилась к немецкому дипломату Гансу Гюнтеру фон Динклагге, с которым давно была знакома. Галантный немец действительно помог Шанель. Благодарная Коко продолжила с ним встречаться. Во время свиданий Ганс предусмотрительно избегал немецкого языка, чтобы не раздражать француженку, предпочитая говорить по-английски. Он развлекал ее остроумными шутками и разделял многие из ее интересов. Ганс был моложе Коко на тринадцать лет, но, несмотря на разницу в возрасте, у них завязался роман.

По некоторым сведениям, этим ее связь с немцами не ограничилась: Коко пыталась выступить в качестве секретного агента и встретиться с Уинстоном Черчиллем для организации сепаратных англо-германских переговоров. Для этого Габриэль ездила в Париж, но Черчилль был болен, и встреча не состоялась, однако из-за этой миссии после войны на Коко навесили ярлык пособницы фашистов.

Приговор был мягок: Шанель выслали из страны. Она уехала в Швейцарию, где продолжила встречаться с Гансом Гюнтером фон Динклагге, избегшим ареста.

Вернулась в мир моды Шанель лишь в 1954 году.

Список использованной литературы

- Абеляр Петр. История моих бедствий. М., 1992.
- Богословие в культуре Средневековья. Киев, 1992.
- Боссан Филипп. Людовик XIV, король-артист. М., 2002.
- Бретон Ги. Истории любви в истории Франции. М., 2008.
- Бретон Ги. Версаль на двоих. М., 2009.
- Брэстед Д. Г. История Древнего Египта. М., 1915.
- Barden Dennis. The Ladykiller: The Life of Landru, the French Bluebear. London, 1972.
- Pascal Vernus. Affairs and scandals in Ancient Egypt. Cornell University Press, 2003.
- Вулли Леонард. Ур халдеев. М., 1961.
- Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1990.
- Геродот. История. Л., 1972.
- Готье Теофиль. Клуб Гашишистов. М., 2010.
- Fernande Gontier et Claude Francis, Mathilde de Morny. La scandaleuse marquise et son temps, Perrin, 2005.
- Дейвенпорт-Хайнс Ричард. В поисках забвения. М., 2004.
- Де Куинси Томас. Исповедь англичанина, употреблявшего опиум. Азбука, 2005.
- Древние цивилизации. М., 1989.
- Дэко Ален. Мавританка из Морэ — дочь Людовика XIV? Вокруг света. 1993. № 6.
- Decaux Alain. C'était le XXe siècle: Tome 1 — De la Belle Epoque aux Années folles, Perrin, 1996.
- Дюма А. Знаменитые преступления. СПб., 2010.
- Дюмезиль Брюно. Королева Брунгильда. СПб., 2017.
- Егер О. Всемирная история. СПб., 1904.
- Емельянов В. В. Древний Шумер, очерки культуры. СПб., 2001.
- Жак Кристиан. Нефертити и Эхнатон. М., 1996.
- Иванов А. Арминий — освободитель Германии. История Германии / 03.04.2009.
- Иванов К. А. Многоликое Средневековье. М., 1996.
- История всемирной литературы: в 8 т. М., 1983–1994.
- Керам К. Боги, гробницы и ученые. М., 1963.
- Колетт. Чистое и порочное. М., 1994.
- Коути Екатерина. Недобрая старая Англия. СПб., 2013.

- Куглер Бернгард. История Крестовых походов. Ростов н/Д, 1995.
- Ленотр Жорж. Повседневная жизнь Версаля при королях. М., 2003.
- Литературная энциклопедия: в 12 т. (1929–1939) CD Словарного издательства ЭТС.
- Франсуа де Ларошфуко. Мемуары, максимы. Л., 1971.
- Матье М. Э. Древнеегипетские мифы. М. — Л., 1956.
- Мейлах М. Б. Жизнеописания трубадуров. М., 1993.
- Мишель Доминик. Ватель и рождение гастрономии. М., 2002.
- Пастуро Мишель. Повседневная жизнь Англии и Франции во времена рыцарей Круглого стола. М., 2001.
- Перепелкин Ю. Я. История Древнего Египта. СПб., 2000.
- Перепелкин Ю. Я. Тайна золотого гроба. М., 1969.
- Перну Режин. Алиенор Аквитанская. СПб., 2001.
- Перну Режин. Ричард Львиное Сердце. М., 2000.
- Петифис Ж.-К. Дело о ядах: алхимики и колдуны времен Людовика XIV. М., 2001.
- Плутарх. Избранные жизнеописания. М., 1987.
- Поньон Эдмон. Повседневная жизнь Европы в 1000 году. М., 1999.
- Поэзия трубадуров, поэзия миннезингеров, поэзия вагантов. М., 1974.
- Robins Gay. Women in ancient Egypt. Cambridge 1993.
- Сергеенко М. Жизнь Древнего Рима. СПб., 2000.
- Сен-Симон. Полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентстве. М., 1991.
- Сказки и повести Древнего Египта. СПб., 2004.
- Словарь латинских крылатых слов. М., 1982.
- Средневековый мир. Минск., 1999.
- Сугерий, аббат Сен-Дени. Жизнь Людовика VI Толстого, короля Франции. М., 2006.
- Таллеман де Рео. Занимательные истории. Л., 1974.
- Толстой А. Эмигранты. Авт. сб. М., 1982.
- Турский Григорий. История франков. М., 1987.
- Touchard-Lafosse G. Chroniques de l'Oeil-de-Boeuf, des petits appartements de la cour et des salons de Paris sous Louis XIV, la Régence, Louis XV, et Louis XVI, Paris, 1908.
- Утченко С. Л. Юлий Цезарь. М., 1976.
- Утченко С. Л. Цицерон и его время. М., 1975.
- Файкс Герхард. Большое ухо Парижа. История французской полиции. М., 1981.
- Федорова Е. В. Императорский Рим в лицах. М., 1979.

- Фрэзер Джеймс Джордж. Золотая ветвь. М., 1980.
- Хиршфельд Герхард. Мата Хари — величайшая шпионка XX века? Киев, 2005.
- Цезарь Г. Ю. Записки о галльской войне. М., 2001.
- Эбере Георг. Уарда. СПб., 1993.
- Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1907–1909.
- Беранже Ж. П. М., Сборник песен. 1976.
- Боккаччо Джорджо. Декамерон. М., 2005.
- Брантом. Галантные дамы, СПб, 2007.
- Джорджо Вазари. Жизнеописания. СПб., 1992.
- Геродот. История. Л., 1972.
- Дживелегов Алексей Карпович. Очерки итальянского Возрождения. М., 1995.
- Томас Карлейль. Французская революция. М., 1991.
- Клавдий Элиан. Пестрые рассказы. М.—Л., 1963.
- Кропоткин П. А. Великая французская революция. М., 1979.
- Лихт Г. Сексуальная жизнь в Древней Греции. М., 2003.
- Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978.
- Маргарита Наваррская. Гептамерон. Л., 1967.
- Мемуары королевы Марго. М., МГУ, 1996.
- Макиавелли Н. История Флоренции. М., 1987.
- Иоанн Малала. В кн. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. СПб, 1998.
- Мармонтель Жан Франсуа. «Мемуары» — «Mémoires d'un pere», 4 vols., 1804.
- Марру А.-И. История воспитания в Античности (Греция). — М., 1998.
- Memoirs of the Countess de Valois de La Motte. Лондон, 1790.
- Манфред А. З. Три портрета эпохи Великой французской революции.
- Мирович Н. Шарлотта Корде. Биографический очерк. М., 1906.
- Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М., 1994.
- Платон. Диалоги. М., 1986.
- Прокопий Кесарийский. Тайная история. М., 1992.
- Стефано Инфессура, Иоганн Бурхард. Дневники. Документы по истории папства XV–XVI вв. М., 1939.
- Сабатини. Жизнь Цезаре Борджа. М., 1993.
- Тарле Е. В. Сочинения, т. VI. М., 1959.
- Таллеман де Рео. Занимательные истории. Л., Наука, 1974.
- Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм. Саранск, 1991.